

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

3/2018

Диалектика восточноазиатской
интеграции

●
Доктрина Трампа в Азии

●
И вновь о «Пекинском консенсусе»

●
Первый китаеведческий
институт в СССР

●
Электромобили в Китае

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2018

Май — Июнь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н.,
А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), В.Г. Дацышен,
д.и.н., проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин,
д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева
(ответственный секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н.,
П.А. Минакир, академик РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н.,
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР),

Редакция

К.В. Асмолов зав. *отделом Кореи*
Е.В. Белилина
зав. *отделом внешней политики*
А.Н. Карнеев
зав. *отделом истории и*
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. *отделом культуры*
А.С. Крушинский
зав. *отделом экономики*
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. *редакцией*
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. *отделом идеологии и*
философии
А.В. Шлындов зав. *отделом Японии*

© Российская академия наук, 2018

© ФГУП «Издательство «Наука», 2018

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», 2018

Содержание

ПОЛИТИКА

- Г.М. Локшин.* Доктрина Трампа — курс на создание нового блока в Азии.....4
А.В. Виноградов, Д.А. Дегтерев, Д.В. Спирина, А.А. Трусова. «Пекинский консенсус» в международном и внутрикитайском политическом дискурсе.....17
Ю.В. Морозов. Россия, Китай и северокорейская ядерная проблема.....29

ЭКОНОМИКА

- М.В. Жариков.* Потенциальные варианты перехода БРИКС к согласованной экономической политике..... 41
М.В. Александрова. Особенности сибирского экспорта в КНР: современное состояние и «узкие места»53
Доу Пэн. Рынок ценных бумаг Китая: пути интернационализации65
С.Л. Сазонов, Чэнь Сяо. Китай: приоритет «зеленых» и «умных» автомобилей.....74

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Э.П. Пивоварова.* Что нового внес XIX съезд КПК в стратегию социально-экономического развития КНР.....86
Чжан Шухуа. Перемены в мировой политике и новая эпоха Китая.....96

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Р.У. Ульмасов, Н.Х. Курбанов.* «Миграция объединяет мир».....107
В.И. Волощак. Проблемы развития национальной системы кибербезопасности Республики Корея.....117

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- В.И. Балакин.* Диалектика восточноазиатской интеграции.....126

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- В.С. Мясников.* Первый в России научно-исследовательский Институт по Китаю. (Посвящается 400-летию установления дипломатических связей России с Китаем).....136

ИСТОРИЯ

- Н.А. Потапова.* Антикитайская акция НКВД СССР периода «большого террора» в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий.....156

КУЛЬТУРА

- Е.А. Иконникова.* Сахалин и Курильские острова в литературном наследии русских священников конца XIX — начала XX века.....163

РЕЦЕНЗИИ

<i>К.К. Меркулов. Стейнберг Д., О'Хэнлон М.Е. Взаимное стратегическое заверение и решимость. Отношения США и Китая в XXI веке</i>	<i>172</i>
<i>И.Е. Пожилов. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т.VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976)</i>	<i>176</i>

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Григорию Михайловичу Локшину — 80 лет	178
Евгению Васильевичу Кобелеву — 80 лет.....	180

НАШ ЮБИЛЯР

Андрею Сергеевичу Крушинскому — 85 лет	182
Contents	184
Summary.....	186

В № 2 ПДВ на с. 167 неправильно указаны инициалы автора.

Следует читать: А.С. Пятчкова.

Редакция приносит свои извинения Анастасии Сергеевне Пятчковой.

Доктрина Трампа — курс на создание нового блока в Азии

© 2018

Г.М. Локшин

Цель автора — раскрытие содержания новой доктрины президента США Д. Трампа в Азии и его планов формирования «квартета» как первого шага к созданию военного блока нового типа для Азии в целях сдерживания Китая. Тема статьи актуальна в связи с меняющейся обстановкой в обширном регионе, где у России имеются свои большие экономические и геостратегические интересы. Планы формирования «четверки» прямо угрожают маргинализацией АСЕАН и ликвидацией главной роли Ассоциации в решении региональных проблем.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, четырехсторонний диалог по безопасности, «квартет 2.0», стратегия США в Азии, «китайская мечта», проект «Один пояс, один путь», АСЕАН.

Рассматриваемая проблема возникла совсем недавно и еще не подверглась обстоятельному анализу в нашей научной литературе. Даже в российских СМИ новая доктрина американского президента не получила должного освещения. Между тем попытки реализовать ее на практике способны вызвать дальнейшее осложнение международной обстановки в Азии, что никак не может отвечать интересам России.

1. Две сверхдержавы — две политики в Азии

Стратегическое соперничество между Китаем и США усиливается, и обе страны движутся в сторону враждебности в духе холодной войны, которая характеризуется интенсивным оспариванием зон влияния друг у друга и, в меньшей мере, военного превосходства. Единственное важное отличие — отсутствие идеологического антагонизма (Китай не помышляет о победе коммунизма во всем мире). К тому же обе стороны, похоже, сознательно избегают чрезмерной конфронтации на обозримый период времени ввиду их сложной взаимозависимости во многих областях.

Состоявшийся в ноябре 2017 г. двухнедельный тур Трампа по пяти странам Восточной Азии с участием в саммитах АТЭС в Дананге, АСЕАН и ВАС¹ в Маниле должен был дать ответ на грандиозные планы Китая, утвержденные XIX съездом КПК. В противовес «китайской мечте» Си Цзиньпина президент США предложил свою «Индо-Тихо-

Локшин Григорий Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: gloksin@gmail.com.

океанскую мечту», однако на фоне китайского проекта «Один пояс, один путь» ответ явно получился слабым и невнятным. «Концептуальные» заявления Трампа по Азии отнюдь не заверили его азиатских союзников и лидеров АСЕАН в приверженности Вашингтона своим обязательствам по обеспечению их безопасности. Они были далеки от ожидаемых. Например, многие надеялись, что Трамп подтвердит обязательства противостать Китаю в строительстве и милитаризации островов в спорных зонах ЮКМ. Но этого не произошло: он ни разу не упомянул вердикт Постоянного арбитражного суда по морскому праву в Гааге, вынесенный 12 июля 2016 г., в котором были категорически отвергнуты притязания Китая на некие «исторические права» в ЮКМ.

С приходом к власти Д. Трампа в США началось формирование новых стратегических рамок политики в Азии, которые отличаются по масштабам, главному направлению и партнерам, но не по целям, оставшимся неизменными, — сдерживание роста Китая и сохранение своего доминирующего влияния. В соответствии с главным направлением своей политики «Америка — превыше всего» президент Трамп отказался от ряда важных политических инициатив своего предшественника. Он вышел из уже подписанного Штатами соглашения 12 государств АТР о Транстихоокеанском партнерстве (ТПП), с которым были связаны надежды развивающихся стран региона на неограниченный доступ к рынку США. Новый президент предал анафеме глобализацию и либерализацию торговли, а успех экономик этих стран основан не только на дешевизне их рабочей силы, но и на тесной связи индустриализации с торговлей. Авторитетный австралийский эксперт Карл Тэйер заметил: «Изоляционистский подход Трампа означал передачу эстафеты руководства Си Цзиньпину и сигнализировал, что послевоенная эра американского превосходства стремительно сходит на нет»⁴.

2. Старое японское саке в новом американском графине

Стратегия США в Азии по-прежнему имеет своей целью сдерживание Китая, как бы не отрешивались от этого на словах американские политики. Провозглашенная Б. Обамой политика «разворота» (pivot) в АТР ставила задачу подтвердить, что США остаются надежным союзником и стратегическим партнером, сохраняющим свое военное присутствие и взятые обязательства. Из семи военных союзов США пять приходится на АТР: с Японией, Южной Кореей, Таиландом, Филиппинами, а также с Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС).

Это должен был быть новый подход в политике, экономике, дипломатии и военной области. Главным было партнерство, военное присутствие, проецирование силы и обеспечение свободного доступа к ресурсам моря. Однако довольно скоро эта программа застопорилась. Слишком много сил и средств было отвлечено на Ближний Восток и Европу.

Объявив, что «разворот» Б. Обамы в АТР завершен, Д. Трамп утвердил свою собственную стратегию в Азии, направленную на формирование «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Это новое географическое и геополитическое понятие он впервые ввел в своей речи на саммите АТЭС в Дананге 10 ноября 2017 г. Вскоре, однако, выяснилось, что эта геополитическая конфигурация из двух крупнейших регионов мира, слитых в одном, как и выдвинутая инициатива создания «квартета» США, Японии, Австралии и Индии — своего рода дежавю и по происхождению является скорее японской, чем американской, хотя намеки на нее давно делались и в Индии, и в самих США.

«Квартет» впервые сложился в 2004 г. в связи с разрушительным цунами в Индийском океане, когда корабли четырех стран сотрудничали в операциях по спасению людей и ликвидации последствий этого бедствия. Официально и на высшем уровне концепция была выдвинута премьер-министром Японии С. Абэ в 2007 г. Выступая в парламенте Индии, он настойчиво призывал к созданию Индо-Тихоокеанского региона на базе

партнерства США, Японии, Индии и Австралии в строительстве так называемой оси свободы и процветания. В ответ на подъем авторитарного Китая, говорил он, самая богатая демократия Азии (Япония), самая многочисленная по населению (Индия) и самая большая по территории (Австралия) вместе с США должны приступить к регулярным консультациям по вопросам безопасности³. Такие консультации, как известно, не раз приводили к созданию военных союзов.

После первой четырехсторонней консультации по безопасности летом 2007 г. Китай заявил ее участникам протест, после которого Индия и Австралия решили, что не стоит создавать себе проблему. «Демократии-единомышленники», как их называл японский премьер, предпочли от его затей отмежеваться. Но это не стало ее концом. Через десять лет, после своей вторичной победы на выборах, японский премьер опять задумал выстроить коалицию «азиатских демократий», которые, как он рассчитывает, должны защищать свои ценности от угроз со стороны Китая.

С. Абэ первым встретился с Д. Трампом в феврале 2017 г. Он не смог добиться отмены его решения выйти из ТТП, но сумел легко убедить в необходимости строить политику в Азии на тесном союзе с Японией. И перед началом азиатского турне Д. Трампа в прошлом году японская дипломатия сумела вовремя «продать» идею «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» коллегам из команды Д. Трампа. Как сообщалось в японской печати, на предложенный ему план образования «квартета» он якобы сказал: «Если Синдзо “за”, мне он тоже подходит»⁴.

Так японское саке 10-летней выдержки оказалось в новом американском графике. 10 ноября 2017 г. на саммите АТЭС в Дананге Трамп начал свою речь словами: «Я прибыл во Вьетнам — в самый центр Индо-Тихоокеанского региона...». После этого он еще много раз повторял сие новое географическое название. В итоге вышло, что саммит АТЭС в Дананге оставил после себя новую политическую карту Азии, на которой Тихий и Индийский океаны образовали единый Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Это был не просто риторический оборот, не случайная словесная альтернатива признанному названию «Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР). Он включил весь Индийский океан вплоть до восточных берегов Африки. Причем вскоре выяснилось, что именно так Тихоокеанским военным командованием США обозначается район его ответственности — от Японии на Востоке до Индии на Западе⁵.

Это новое название сразу привлекло внимание наблюдателей. Одни считают, что Д. Трамп так огласил свою доктрину региональной безопасности, основанную на четырехстороннем союзе США, Японии, Индии и Австралии. Другие рассматривают это географическое открытие лишь как «пробный шар», как концепцию, еще находящуюся в разработке. Первые видят у нее большое будущее и возможность осуществления на практике, так как «квартет» обладает мощным потенциалом, позволяющим эффективно противостоять политике Китая. Вторые возражают, напоминая о тесной экономической взаимозависимости всех стран «квартета» и Китая. Немало и тех, кто считает эту рожденную в Японии доктрину прежде всего выражением ее собственного давнего стремления выдвинуться на ведущие позиции в регионе и в мире.

Стратегия США при новой администрации меняется не потому, что они якобы ослабили свое присутствие в регионе. В действительности они из него никогда и не уходили. Меняется лишь вектор приложения усилий, результатом которых должно стать укрепление главенствующих позиций США во всех региональных процессах. Изменение названия стало идеологическим прикрытием включения второй крупнейшей державы Азии — Индии — в противостояние Китаю. (К этому времени выяснилось, что она будто бы уже изменила свое прежнее отношение к этому замыслу в связи с очередным осложнением отношений с КНР и продолжающимся конфликтом на плато Доклам в Гималаях, на стыке ее границ с Бутаном и Китаем.)

Так произошло повторное рождение «четырёхстороннего диалога по безопасности», проще говоря, «квартета», включающего США, их двух ближайших союзников — Японию и Австралию, но главное — Индию. Принятое определение места действия «квартета» — «Индо-Тихоокеанский регион» — придаёт формирующейся коалиции явную нацеленность на проходящие там важнейшие морские коммуникации, связывающие два океана и имеющие глобальное геоэкономическое и геостратегическое значение.

Если Обама много говорил о «развороте» политики США в АТР, но мало для этого сделал, оказавшись втянутым в другие события, то Трамп решил от слов перейти к делу и действительно осуществить этот «разворот». В мае 2017 г. по настоянию Пентагона он утвердил план регулярного проведения «операций по поддержанию свободы навигации» (FONOP) в Южно-Китайском море, которые превратились в рутинные и уже не привлекали такого внимания, как раньше, хотя не становились менее провокационными и опасными. Как сообщалось, в 2017 г. США провели четыре таких захода в 12-мильную зону вокруг искусственных островов Китая в ЮКМ, а в январе 2018 г. еще одну. Отмечалось, что они будут проводиться ежеквартально⁶.

В конце первого года пребывания у власти Д. Трамп одобрил Национальную стратегию безопасности США (NSS), объявившую Китай и Россию главными стратегическим противниками Америки. В отношении ИТР эта программа сфокусирована главным образом на проблемах морской безопасности, свободы судоходства и взаимной торговли. Она также свидетельствует о намерении Вашингтона активно противодействовать реализации китайского проекта «Один пояс, один путь». Вслед за этим Пентагон опубликовал свою Новую стратегию обороны (NDS), прямо указывающую на Китай как на стратегического соперника, который стремится подорвать позиции США в Индо-Тихоокеанском регионе. Пентагон поставил задачу создания там «сетевой архитектуры безопасности», состоящей из союзников и партнеров, для обеспечения региональной стабильности и свободного доступа к общечеловеческим богатствам морей и океанов ИТР. Характерно, что в число союзников и партнеров Пентагон включил Вьетнам, Индонезию, Малайзию и Сингапур (именно в таком порядке). Этот документ уже подтверждает, что далеководущие планы США отнюдь не ограничиваются образованием «квартета» из упомянутой ранее четверки государств.

Тогда же Центр стратегических и международных исследований в Вашингтоне (CSIS) выпустил доклад своих экспертов, которые призывают «выстроить взаимодействие союзников в Индо-Тихоокеанском регионе». В нем, в частности, говорится: «Степень и характер угроз международному порядку и безопасности на море в Индо-Тихоокеанском регионе вместе с сокращениями оборонного бюджета, которые создают дополнительные вызовы Америке в достижении ее глобальных геополитических целей, требуют более глубокого сотрудничества между Соединенными Штатами и их наиболее дееспособными союзниками Австралией и Японией. Это становится жизненно важным, если США хотят не только противостоять имеющимся и возникающим новым угрозам, включая те, что исходят от Северной Кореи и Китая, но и позитивно сформировать обстановку в регионе»⁷.

Взятая на вооружение командой Д. Трампа доктрина «свободного, открытого Индо-Тихоокеанского региона» отличается от «разворота в АТР» Б. Обамы еще и тем, что США обязывают своих союзников и партнеров взять больше ответственности на себя и самим нести расходы по обеспечению своей безопасности. Все они настойчиво приглашаются покупать американское оружие, а иногда даже принуждаются к этому⁸.

В настоящее время около 50 тыс. американских солдат, включая 18 тыс. морских пехотинцев, находятся в Японии, 29,5 тыс. — в Южной Корее и около 7 тыс. — на о. Гуам.

В Дарвине на севере Австралии на основе ротации по полгода постоянно находятся 1250 солдат и офицеров морской пехоты США⁹. По словам официальных представителей, Пентагон готовит направление экспедиционного морского корпуса в Восточную

Азию, сокращая некоторые развернутые на Ближнем Востоке свои войсковые части. Они начнут патрулирование и совместные тренировки с союзниками.

3. Шаг к союзу нового типа

Реанимация «квартета» происходила без особого шума, но по предварительной договоренности глав государств. 12 ноября 2017 г., за день до открытия саммита АСЕАН в Маниле, заместители министров иностранных дел четырех стран провели отдельно свой диалог по проблемам безопасности. Партнеры были еще осторожны, прощупывая, чего от них хотят американцы. В итоге они все же «подтвердили намерение продолжать диалог и углублять сотрудничество на базе общих ценностей и принципов». Все четыре страны согласились сотрудничать ради создания «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Общего заявления принято не было, каждая из стран опубликовала свое сообщение об этой встрече, причем не в одном из них — из предосторожности или по другим причинам — Китай назван не был¹⁰.

До создания военного блока для Азии по модели НАТО, как видно, было еще далеко, и все участники «квартета» категорически отказываются признавать, что дело идет именно к этому. Но, как говорят в Китае, долгий путь начинается с первого шага. Был ли он уже сделан или еще нет, покажет время, но ясно только, что речь не идет о точном копировании военных союзов старого образца. Договариваясь воссоздать «квартет», стороны определили семь приоритетных областей сотрудничества: основанный на правилах порядок уже в новом, расширенном регионе, свобода навигации и полетов, уважение международного права, расширение взаимосвязанности, безопасность на море, Северная Корея и нераспространение ядерного оружия, борьба с терроризмом. Так представляются пока еще общие и довольно туманные контуры «сетевой архитектуры безопасности», намеченной в новой оборонной стратегии США (NDS).

Данный формат, предусматривающий совместные учения ВМС и ВВС четырех стран, установление постоянной связи, обмен информацией и консультации на уровне министров иностранных дел, еще не имеет своей структуры, институтов и не характеризуется строгой регулярностью различных акций. Он вызывает много вопросов даже у самих стран-участниц.

«Квартет 2.0», как его называют некоторые наблюдатели, не считается ими первым шагом к азиатскому НАТО. Но «квартет» постепенно развивается и укрепляется. Наглядным подтверждением этому стала прошедшая 16–18 января 2018 г. в Нью-Дели представительная международная конференция по безопасности «Диалог Райсина» (Raisina Dialogue), которая входит в число важнейших событий такого рода не только Азии, но и всего мира. Она считается азиатским аналогом Мюнхенской конференции по безопасности. Ее главным событием была дискуссия авторитетных представителей «квартета».

За день до открытия конференции командующий индийской армией генерал Бипин Рават (Bipin Rawat) на ежегодной пресс-конференции объяснял, что «квартет» был создан из-за «чрезмерной напористости» Китая и его вмешательства в дела государств, расположенных вокруг Индии. Это, по его словам, вовсе не военный союз, а группировка стран по общему интересу, которых в мире много. Присоединение к ней Индии объясняется нежеланием «остаться полностью изолированной в Азии»¹¹.

Характерно, что на этом форуме все страны «четверки» были представлены не только дипломатами и учеными, как обычно, но и действующими командующими ВМС — адмиралами Харри Харрисом (США), Сунилом Ланба (Индия), Кацутоси Кавано (Япония) и вице-адмиралом Тимом Барреттом (Австралия). Все четверо в парадной форме предстали перед журналистами на пресс-конференции 19 января, что было расценено в индийских СМИ как наглядное послание Китаю. Сенсационных заявлений от них

не прозвучало, однако само проведение «панельной дискуссии», на которой высокопоставленные военные начальники, не противореча друг другу, пространно рассуждали о безопасности и будущем региона, было демонстративным и подтверждало заинтересованность военного руководства четырех стран в выработке совместного видения безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Адмирал Г. Харрис повторил характеристики Китая из Национальной стратегии обороны США — как «разрушительной силы», подрывающей порядок в Индо-Тихоокеанском регионе, и призвал в 2018 г. принять ряд «смелых решений», чтобы укрепить «квартет». Но важно было не то, что говорил американский адмирал, а то, как к этому отнеслись командующие ВМС других стран «квартета». А они все с ним охотно согласились. Зато когда участвовавший в конференции заместитель директора Шанхайского института международных отношений задал им вопрос, какова будет их реакция, если Китай захочет присоединиться к этому «квартету», все участники усмехнулись, а адмиралы от ответа уклонились.

Так что прошедшая в Дели дискуссия свидетельствовала о военной и антикитайской направленности всего этого проекта, какую бы окончательную форму он не принял.

4. Каждый в «квартете» ведет свою игру

Все участники «квартета» делают упор на сохранение статус-кво в региональной архитектуре безопасности. Однако серьезные различия в позициях сторон выявились уже в опубликованных ими сообщениях о состоявшемся первом диалоге по безопасности в Маниле. Из них осталось неясным, что именно стороны считают «порядком, основанным на правилах». О каких правилах идет речь, когда сами США вместе с несколькими другими малыми странами мира до сих пор не ратифицировали Конвенцию ООН 1982 года, где все эти правила хорошо прописаны? Значит ли это, что их надо забыть или пересмотреть?

9 февраля 2018 г. американский журнал «Тайм» опубликовал интервью, которое дал новый командующий 7-м Тихоокеанским флотом США вице-адмирал Филлип Сайер (Phillip G.Sawyer). На вопрос, может ли его флот обеспечить открытость и свободу судоходства в регионе, он, не задумываясь, ответил: «В обозримом будущем я не вижу опасности, что этот морской путь будет кем-то перекрыт. В нем заинтересованы не только мы, но и Вьетнам, Таиланд, все страны АСЕАН и многие другие. У всех здесь есть свои интересы. Через Южно-Китайское море проходит очень большая часть мировой торговли. Поэтому я не вижу никого, кто пытался бы его закрыть». Но тут же он сообщил, что США продолжают направлять свои корабли и самолеты везде, где это разрешено международным правом¹². Если судоходству, по мнению адмирала, пока никто не угрожает, то с какой целью? Не означает ли это, что определенные силы в США сознательно «мутят воду» в западной части Тихого океана, чтобы поддерживать так называемую контролируемую напряженность в регионе?

В вопросе о свободе судоходства все четыре страны единодушно считают, что территориальные претензии Китая в ЮКМ превосходят все, что ему положено по этой Конвенции, которую он подписал и ратифицировал. Но между ними самими есть существенные расхождения в ее толковании. США, например, настаивают на том, что их военные корабли могут ходить везде, где им захочется и где это не запрещено международным правом. Но Индия, как, впрочем, и Китай, так не считают. Они, как и ряд других стран (включая бывший СССР), сделали при подписании Конвенции оговорку, что иностранные военные корабли должны все-таки предварительно запрашивать разрешение на «мирный проход» через их территориальные воды и исключительную экономическую зону (ИЭЗ).

В «квартете» нет согласия и относительно того, что делать с растущей военной мощью Китая и превращением семи искусственно намытых им островов на рифах около

архипелага Спратли в ЮКМ в свои передовые военные форпосты. Никто из них не обязался участвовать в провокационных американских операциях вблизи этих «непотопляемых авианосцев» Китая. Все пока сводится к совместным учениям их ВМС вблизи от важных морских коммуникаций с расширенным участием США, но при логистической поддержке со стороны Индии и других участников.

Сам главный инициатор «квартета» С. Абэ, добившийся в 2015 г. новой интерпретации 9-й статьи мирной японской Конституции, тем не менее, еще сталкивается с законодательными ограничениями в поддержке действий союзников и с отрицательным отношением к этому широких кругов общественности. Поэтому невозможно представить, что Япония придет на помощь Индии в обороне ее границ, местами оспариваемых Китаем. Точно так же не следует ожидать, что Индия будет помогать Японии в защите островов в Восточно-Китайском море от притязаний Китая или что Австралия включится в какой-то военный союз, который может втянуть ее в далекий от нее конфликт, поставив под угрозу отношения с ее главным торговым партнером — КНР.

Япония и Австралия экономически тесно связаны с Китаем и не торопятся рисковать экономическими последствиями. Австралия считает себя страной двух океанов. Она сильно озаботилась строительством Китаем искусственных островов в ЮКМ. Но объем ее торговли с КНР больше, чем торговля с Японией и США вместе взятыми. Как вести себя со страной, которая покупает треть ее экспорта, включая $\frac{1}{4}$ железной руды, спрашивают в Австралии многие критики этой политики. Риск оказаться в заговоре против своего главного партнера ради сомнительных выгод в сфере безопасности, считают они, должен вынудить политических лидеров взять паузу для раздумий¹³.

В феврале 2018 г. премьер-министр Австралии Малькольм Торнбалл на встрече с Д. Трампом в Вашингтоне обсуждал подробный план инфраструктурного строительства, который должен стать альтернативой китайскому «Поясу и пути». Предполагается, что к нему присоединится Япония, которая является главным донором экономической помощи для целей развития (ODA). Но все эти планы, как считают наблюдатели, не идут в сравнение с масштабами китайского проекта, и к тому же они явно запоздали.

«Квартету» придется преодолеть еще одно важнейшее препятствие на своем пути, а именно: отказ президента США от либерализации торговли, от многосторонних соглашений, в которых они участвуют, и его откат к протекционизму.

Самым слабым звеном в «квартете» является Индия. Но ИТР может реализоваться как геополитическая конструкция, только если Индия начнет играть более активную роль в формировании архитектуры безопасности в бескрайнем регионе от берегов Африки до западной части Тихого океана. Она отказалась участвовать в китайском проекте «Пояса и пути». Официальные лица Индии называют этот проект «неоколониальным» и призванным превратить его экономические возможности в рычаги политического и военного контроля. У Индии свои планы инфраструктурного строительства в соседних странах и собственные представления о том, каким должен быть порядок в регионе двух океанов. Характерно, что все свои проекты строительства шоссейных и железных дорог она намечает в горизонтальном направлении Запад — Восток, а Китай, наоборот, Север — Юг. Летом 2017 г. Индия оказалась в противостоянии с Китаем на их общей границе с Бутаном на протяжении почти трех месяцев, а затем начались их трения из-за Мальдивских островов.

В администрации Д. Трампа не раз высказывались намерения повысить уровень отношений с Индией, подталкивая ее на роль главного противовеса Китаю в Азии. В конце июня 2017 г. в Вашингтоне состоялась встреча Н. Моди с Д. Трампом, на которой было решено сформировать партнерство в рамках ИТР. Это партнерство, как говорилось в совместном Заявлении, «должно стать главным для мира и стабильности в регионе»¹⁴.

Наблюдатели заметили, что с 2017 г. премьер-министр Н. Моди и его окружение стали все чаще употреблять в своих выступлениях термин «Индо-Тихоокеанский реги-

он». Но в Индии, как и в других странах, есть немало сомнений насчет втягивания страны в создающееся кольцо окружения Китая. Китай — ее главный торговый партнер. Объем торговли с ним приближается к 70 млрд долл. ежегодно. Публикуя сообщение о состоявшемся в Маниле «четырёхстороннем диалоге по безопасности», она даже не упомянула ни «свободу судоходства и полетов», ни соблюдение порядка, основанного на правилах, ни проблему Северной Кореи — наиболее чувствительные для США вопросы. Индия представила свое участие в «квартете» как продолжение своего общего курса «действовать на Востоке». Несмотря на энтузиазм, проявляемый некоторыми политиками и военными в Индии, она остается крайне осторожной в отношении перспектив «квартета». С одной стороны, она не хочет усложнять и без того непростые отношения с Китаем, а с другой — не торопится втягиваться и в противостояние США и КНР. Но намерение Вашингтона сдержать продвижение Китая в Индийский океан отвечает стратегии Индии, которая на официальном уровне свои опасения и сомнения не раскрывает. Вся психология внешней политики и национальной безопасности строится на укоренившейся традиции неприсоединения. И разворот страны в другую сторону в обозримом будущем многие наблюдатели считают маловероятным.

Индия предпочитает противостоять экспансии Китая через усиление сотрудничества с АСЕАН, поддерживая страны АСЕАН в территориальных спорах с КНР. 25–26 января 2018 г. в Дели прошел их общий мемориальный саммит под девизом «Общая судьба, общие ценности!», приуроченный к 69-й годовщине независимости Индии. В нем участвовали главы государств и правительств всех 10 государств АСЕАН. В принятой Декларации нет ни слова о «квартете» или Индо-Тихоокеанском регионе. Стороны подтвердили обязательство «сохранять и укреплять мир, стабильность, безопасность на море и на земле, свободу навигации и полетов в регионе» и все другие нормы морского права. По мнению некоторых экспертов, состоявшийся в Дели мемориальный саммит «отмечен появлением Индии в качестве главной силы на более широком Индо-Тихоокеанском фронте»¹⁵.

Таким образом, несовпадающие приоритеты и интересы партнеров в их собственных отношениях с Китаем сильно усложняют создание коалиции. Все они сомневаются в эффективности стратегии США, направленной против Китая. К тому же не ясно, кому именно принадлежит вся эта стратегия внутри разделенной на фракции администрации Д. Трампа. Уже было немало случаев, когда заявления одного официального лица опровергались другим. Да и сам президент нередко противоречит тому, что говорил совсем недавно.

Это добавляет растерянности и неуверенности их союзникам и партнерам по «квартету», подталкивает страны региона к тому, чтобы активнее искать возможность сохранить свою руководящую роль в формировании регионального порядка. Поэтому вместо формирования группы G2 — Китая и США в Тихом океане, возникает другой, более сложный международный порядок в регионе. Раньше все инициативы по многостороннему или двустороннему сотрудничеству в области безопасности осуществлялись там при участии и под руководством США, особенно в отношениях с Японией и Австралией. А в последнее время они стали выдвигаться и осуществляться и *без них*. Примером могут служить структуры трехстороннего диалога Индии, Австралии и Японии или такого же трехстороннего диалога Индия — Австралия — Индонезия по Индийскому океану, соглашение о трехстороннем сотрудничестве Индия — Япония — Вьетнам, заключенное в декабре 2014 г. Недавно сложились также такие структуры, как двусторонние диалоги Индия — АСЕАН, Индия — Япония, Индия — Южная Корея, и трехсторонний диалог Индия — Япония — Южная Корея.

5. Индо-Тихоокеанская доктрина и АСЕАН

Создание «квартета» на практике ставит немало вопросов перед десятью малыми и средними государствами ЮВА, объединенными в АСЕАН. Что выбрать: «американскую мечту» Дональда Трампа или «новый Шелковый путь» Китая? Или строить свои отношения с ними на основе многополярной Азии, чтобы не попасть в порочный круг блоковой политики и выбора сторон — США или Китая?

Некоторые члены этой группировки в нынешней ситуации могут без большого шума приветствовать этот альянс крупнейших держав в противовес Китаю, политическую систему которого они в большинстве отвергают, но экономически с ним неразрывно связаны. Будет ли проект «квартета» успешным? Пока он, вроде бы, свидетельствует о намерении США оставаться активным игроком в регионе. Но вместе с тем очевидно, что «квартет» создается параллельно действующим структурам АСЕАН, таким, как Региональный форум безопасности (АРФ) Восточноазиатский саммит (ВАС) и другие, что ставит под вопрос асеаноцентричность (ведущую роль АСЕАН) в архитектуре региональной безопасности, за которую многие годы с переменным успехом ведут борьбу страны — члены ассоциации.

Большинство стран АСЕАН заняли позицию настороженного ожидания в отношении доктрины Трампа или «трампизма», как ее там называют. Официальных заявлений правительств не было, но в общественных кругах ее активно обсуждают. Профессор манильского университета Ариес Аругай (Aries Arugay) в интервью японскому агентству «Киодо Цусин», сказал, что в целом Филиппины приветствовали намерение США и Японии содействовать созданию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», но только в той мере, в какой эта концепция не отчуждала бы Китай — главный двигатель экономического развития Азии. «АСЕАН открыт для новых идей, — говорил он, — но не заставляйте нас выбирать между Китаем и США вместе с Японией — главным донором помощи и торговым партнером для всей группировки из 10 стран, ибо мы просто не можем принимать ничью сторону»¹⁶.

Гонконгская «Саут чайна морнинг пост» 19 февраля привела слова посла Филиппин в Китае Ч.С. Романо, который сказал, что ЮКМ многие годы было под контролем 7-го Тихоокеанского флота США, но теперь китайский флот начал бросать вызов этому господству американцев. «Скоро, — считает посол, — произойдут большие изменения в соотношении сил в регионе. Но от этого ЮКМ еще не станет китайским озером. Атомные авианосцы США останутся там. Соперничество Китая и США в ЮКМ напоминает драку двух слонов на лужайке, а Филиппины вовсе не хотят стать для них такой лужайкой»¹⁷.

21 января 2018 г. министр обороны США Дж. Маттис совершил недельную поездку в Индонезию и Вьетнам. Его миссия состояла в попытке втянуть две ведущие страны АСЕАН в формирующуюся антикитайскую коалицию. Вьетнам и Индонезия могли бы стать важнейшими опорами «сетевой архитектуры безопасности», о которой говорилось в новой Стратегии национальной обороны США. Однако обе страны подтвердили готовность к двустороннему сотрудничеству и приобретению некоторых видов вооружений в США, но входить в какие-либо группировки решительно отказались. Общим приходится соблюдать осторожность, чтобы, как говорят во Вьетнаме, «дракон за дверью спал спокойно».

В этом году в АСЕАН председательствует Сингапур. Его премьер-министр Ли Хунсен, выступая в Вашингтоне в Совете по международным отношениям, очень кратко, но убедительно выразил позицию стран АСЕАН в отношении планов США. Он прямо сказал: «Я хочу дружить и с США, и с Китаем, но если Китай к этому готов, я начну с него»¹⁸.

На первой же встрече министров иностранных дел стран АСЕАН в Сингапуре 5–7 февраля 2018 г. все согласились с принятым этой страной девизом ее председательства в АСЕАН: «Крепить сотрудничество, строить согласие!» Министры договорились продолжать укрепление учрежденного в 2015 г. Сообщества АСЕАН «с опорой на собственные силы» во всех областях, включая проблемы безопасности. На этой новой для АСЕАН формуле особый акцент сделал заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Вьетнама Фам Бинь Минь. По опыту известно: когда на Востоке говорят об «опоре на собственные силы», это означает слегка прикрытый отказ от участия в каких-либо коалициях и альянсах.

Его индонезийская коллега Ретно Марсудо (Retno Marsudo) призывала АСЕАН никому не уступать место «водителя» в вопросах, затрагивающих регион. Для этого «Ассоциация должна сохранить единство и свою роль платформы, на которой члены АСЕАН вместе с их партнерами могут обсуждать все проблемы и вместе работать над их решением». Участники договорились укреплять отношения с внешними партнерами, но при этом сохранять единство, выполнять принятые решения и не допускать вмешательства извне¹⁹. Несмотря на территориальные споры с Китаем, ни одна из стран АСЕАН не проявила желания быть втянутой в какой-либо враждебный Китаю альянс. Они неизменно исходят из прерогативы развития своего потенциала в собственных национальных интересах, а не в рамках соперничества внешних сил. Никто не воспринимает себя частью американской политики сдерживания, а тем более какого-либо проекта, нацеленного на изменение внутренних институтов Китая. Перед странами АСЕАН встал вопрос: либо воспользоваться случаем и присоединиться к «квартету», либо стать наблюдателями за эскалацией конфронтации великих держав в их регионе²⁰. Но есть и другой путь.

Бывший министр иностранных дел Индонезии в прежнем правительстве Марти Наталегава, вошедший в историю своей «челночной дипломатией» в 2012 г., которая позволила АСЕАН выйти из тяжелейшего за всю ее историю кризиса, выступая 7 февраля 2018 г. в Джакарте, говорил: «В то время как АСЕАН все заметнее делится на страны, настроенные на сближение с Китаем, и те, которые критически относятся к его политике, формирование «квартета» ведет к тому, что более крупные игроки перевесят все влияние АСЕАН на проблемы региона... Идеальной Индо-Тихоокеанской группировкой была бы такая, в которой руководящую роль играла бы АСЕАН, у которой для этого есть средства и механизмы, благодаря принятым рамкам внешней политики, проводимой через Восточноазиатский саммит, призванный стать ее главным двигателем»²¹.

Марти Наталегава оказался не одинок. У него нашлись единомышленники в дипломатических кругах Индонезии и некоторых других странах АСЕАН, которые предлагают вместо «квартета» заключить Индо-Тихоокеанский договор о дружбе и сотрудничестве на основе действующего договора 1976 г. (ТАС), который уже подписан Индией, Китаем, Россией, США и многими другими странами. При этом важно, чтобы созданный еще в 2005 г. Восточноазиатский саммит (ВАС) как самый представительный многосторонний орган в этом регионе с участием 18 глав государств, включая США, Россию, Индию, Китай и Японию, получил новые весомые полномочия по поддержанию мира и безопасности в ИТР. Пока это больше похоже на иллюзию из-за остроты противоречий между Китаем и США с их союзниками. В странах АСЕАН нередко можно услышать: «Бедная Юго-Восточная Азия! Она так далека от Бога и так близка к Китаю».

6. Реакция Китая на японо-американский проект ИТР

До недавнего времени Китай не считал себя готовым к роли лидера на региональном и глобальном уровне. Но у него уже давно есть своя индо-тихоокеанская стратегия, которую подтвердил прошедший съезд КПК. По сути, важная часть осуществляемо-

го им грандиозного проекта «Морского Шелкового пути XXI века» тоже превращает весь этот регион в Индо-Тихоокеанский, но «с китайским лицом».

Самый большой риск с образованием «квартета» состоит в том, что он неизбежно будет воспринят Китаем как провокация, что может еще больше усилить его ответные меры в омывающих Китай морях. Китай, действительно, немало встревожен планами новой администрации США и непривычной терминологией американской дипломатии, но постепенно к этому начал привыкать. Китайская осторожность к новой риторике американцев понятна. Ему потребовалось много лет, чтобы привыкнуть к термину АТР, который несколько десятилетий использовался для легитимизации роли США в соседних с Китаем странах. В Пекине предпочитали просто называть регион Азией. Теперь ИТР выглядит в их глазах не иначе как заговор с целью вытеснить Китай с его центральной позиции и принизить его значение привлечением другой большой державы — Индии.

Официальные представители США и Японии отрицают, что создаваемый «квартет» нацелен на сдерживание Китая, но в Китае убеждены, что, прежде всего, он является неотъемлемой частью американской стратегии окружения КНР. МИД КНР выступил с предупреждением, что любые попытки создания каких бы то ни было группировок в Азии не должны наносить ущерб или затрагивать «интересы третьей стороны», а именно — Китая.

Формирование «квартета» дало ему дополнительные аргументы в оправдание масштабного военного строительства на искусственных островах и наращивания военного присутствия в ЮКМ. В течение всего 2017 г. Китай продолжал расширять территорию семи искусственно созданных им островов в архипелаге Спратли и вести строительство на них различных военных и гражданских объектов.

Вместе с тем для осуществления «китайской мечты» необходимы мир и стабильность в Азии. Напряженные отношения Китая с Филиппинами и Вьетнамом несколько смягчились. После вынесенного в июле 2016 г. вердикта Постоянного арбитражного суда в Гааге по иску Филиппин, в котором были отвергнуты все претензии Китая на так называемые исторические права в ЮКМ, китайское руководство развернуло в ЮВА новое «наступление улыбок», сопровождаемое большими инвестициями и кредитами на основе начавшегося осуществления проекта «Пояса и пути». На международной авиационной выставке в Сингапуре в феврале 2018 г. прошла неформальная встреча министров обороны АСЕАН и Китая, которые договорились до конца года подписать соглашение о порядке предотвращения столкновений в воздушном пространстве над ЮКМ, а также провести в октябре и ноябре два совместных учения ВМС по борьбе с терроризмом и преступностью. В марте во Вьетнаме начались переговоры АСЕАН с Китаем по выработке окончательного текста Кодекса поведения сторон в ЮКМ.

Новое название региона и связанная с ним риторика американской дипломатии, по мнению наблюдателей, не скоро уйдут из современного политического языка, ибо это обозначает огромный морской регион, в центре которого находится Азия. Это также напоминает о том, что морской путь, пролегающий через Малаккский пролив и Южно-Китайское море, имеет важнейшее значение для экономики всех его государств.

Формирование четырехстороннего альянса в качестве основы создаваемой США и их союзниками «сетевой архитектуры безопасности» пока находится в начальной стадии и сталкивается с большими трудностями. «Квартет» противостоит «сообществу общего будущего» в АТР, к которому призывает Китай. Все это может привести к резкой экономической и политической поляризации Азии. Правое правительство индуистского фундаменталиста и склонный к реваншу премьер-министр Японии, пытающийся освободиться от послевоенной «мирной» конституции, стремятся вступить в альянс с неустойчивой и непредсказуемой администрацией в Вашингтоне в целях окружения и сдерживания страны со второй экономикой в мире. Ни к чему хорошему это не ведет и делает Азию далеко не самым безопасным местом на Земле.

Будет или не будет окончательно сформирован «квартет», он вряд ли сможет сдерживать рост могущества Китая и его влияния в регионе. Китай — главный торговый партнер многих стран АТР, и там действует непреодолимая логика цепей взаимных поставок, которая связывает экономику КНР с остальной Азией. В то время, когда стратегия Америки в АТР при администрации Трампа пребывает в тумане, проект «Один пояс, один путь» представляет ясную и привлекательную для соседей концепцию будущего порядка в регионе.

Формирование «квартета» лишь на первый взгляд не несет прямых угроз национальным интересам России. Все происходит вроде бы на периферии нашей внешней политики. Однако безразличие к этим замыслам США и их союзников грозит потерей всякого влияния и инициативы в таком обширном регионе, который становится новым полем борьбы за лидерство между глобальными и региональными державами. Россия имеет в нем свои законные интересы и стратегические цели.

Политика России в этой части АТР неизменно опирается на признание принципиальной важности создания в регионе продвинутой, отвечающей современным реалиям конфигурации межгосударственных отношений. «Такая система, — говорил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, — должна одновременно обеспечивать широкие возможности для продвижения многостороннего торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, купировать существующие многомерные вызовы безопасности, препятствовать возникновению новых угроз и работать в интересах интегрированного экономического и политического пространства»²¹.

В недавнем прошлом широкую поддержку получило предложение России о том, чтобы начинать выстраивать в АТР общую, объединяющую всех архитектуру безопасности и сотрудничества. Это предложение опиралось на российско-китайскую инициативу, выдвинутую в свое время руководителями наших двух государств. о создании в АТР открытой системы безопасности, которая не была бы основана на блоковых принципах. Эта инициатива предусматривала развитие процесса сотрудничества на основе принципа равной и неделимой безопасности. Впоследствии на Восточноазиатских саммитах Россия активно продвигала эту инициативу. Начались даже предварительные переговоры. Но после событий 2014 года процесс остановился.

В начале 2018 г. в Нью-Йорке Азиатский институт общественной политики собрал весьма авторитетную комиссию в составе бывших министров иностранных дел и видных политических деятелей ряда стран АТР. Среди них были вышеупомянутый Марти Наталегави (Индонезия), Ёрико Кавагути (Япония), Ян Цзечи (Китай), Кевин Рад (Австралия), Игорь Иванов (Россия). В прошлом такая же авторитетная комиссия в Европе во главе с бывшим канцлером ФРГ Г. Шмидтом многое сделала для снятия напряженности и углубления взаимопонимания. Возобновившаяся среди общественности некоторых стран АСЕАН дискуссия о роли механизма Восточноазиатских саммитов тоже порождает надежды, что этот механизм будет совершенствоваться, помогая создавать общие для всех стран региона правила поведения в сферах безопасности, экономического сотрудничества, интеграционных процессов и либерализации торговых и инвестиционных режимов.

1. ВАС — Восточноазиатский саммит в составе 18 глав государств АТР, включая Россию, США, Китай и Индию.
2. Thayer Consultancy Background Brief. December 22, 2017.
3. Ankit Panda. Quad Goals. URL: <https://www.thediplomat.com/#/issues/>
4. URL: <https://asia.nikkei.com/magazine/2018012>.

5. Background Briefing: Trump's 'Free and Open' Indo-Pacific Region" Carlyle A. Thayer. November 9, 2017. URL: <https://mail.google.com/mail/w/0/?ui=2&ik=6ef1b3a03b&view=lg&msg=15fc3a261e973d79>.
6. Они заключаются в заходе без предупреждения в 12-мильную зону вблизи искусственно созданных Китаем островов, превращаемых в укрепленные военные базы. Это сильно напоминает заход эсминца «Мэдокс» в территориальные воды ДРВ в Тонкинском заливе в августе 1964 г., после которого началась 9-летняя война.
7. Building Allied Interoperability in the Indo-Pacific Region: Discussion Paper 1 Command and Control December 15, 2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/building-allied-interoperability-indo-pacific-region-discussion-paper-1> CSIS.
8. The New York Times. 14.11.2017.
9. URL: <https://www.wsj.com/articles/> Updated Feb. 9, 2018 11:57 a.m. ET.
10. URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001789.html. November 12, 2017.
11. *Ankit Panda*. Op. cit.
12. Цит. по: *Trần Công Trục*. Tính toán thực sự của Washington ở Biển Đông qua góc nhìn các tướng mĩ: [*Чан Конг Чу*. Действительные намерения Вашингтона в Восточном море, по мнению американских генералов]. URL: [http://www.giaoduc.net.vn/quoc-te/thao-luan\(3\)/15-02-2018/07:00/post183850.gd#comments](http://www.giaoduc.net.vn/quoc-te/thao-luan(3)/15-02-2018/07:00/post183850.gd#comments).
13. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2017/11/14>.
14. URL: http://www.thestraitstimes/Asia_report_dec_2017.pdf.
15. *Heydarian Richard Javad*. India takes fight to China via SE Asia. URL: <http://www.atimes.com/article/india-takes-fight-china-via-seasia>.
16. URL: <http://news.abs-cbn.com/focus/11/22/17asean-s-Korea-open-to-indo-pacific-but-cautions-over-ties-with-china>.
17. *Hồng Thủy*. Bình luận đáng chú ý của quan chức, học giả Philippines về cục diện Biển Đông: [*Хонг Тхю*. Заслуживающие внимания мнения официальных лиц, масс и филиппинских ученых о положении в ЮКМ]. URL: <http://www.giaoduc.net.vn/20/02/18>.
18. URL: <http://www.Chanelnewasia> 25 Oct 2017 05:03AM (Updated: 26 Oct 2017 01:39AM).
19. The Straits Times. 04 02 2018.
20. *Heydarian Richard Javad*. Op. cit.
21. Цит. по: *Cook Erin*. What Does Indonesia's Own Indo-Pacific Strategy Look Like? URL: <http://www.thediplomat.com>. February 08, 2018.
22. РИА «Новости». 5 октября 2013 г.

«Пекинский консенсус» в международном и внутрикитайском политическом дискурсе

© 2018

А.В. Виноградов, Д.А. Дегтерев, Д.В. Спирина, А.А. Трусова

В статье рассматриваются подходы зарубежных исследователей, включая представителей различных китайских направлений и школ, к сформулированной в 2004 г. Джошуа Рамо модели «Пекинского консенсуса». Анализируется, готов ли Китай, продвигая идеи глобализации, предложить реальную альтернативу «Вашингтонскому консенсусу», способен ли он воспроизвести успешный опыт собственного развития в других развивающихся странах. Модель «Пекинского консенсуса» рассматривается в контексте смены глобального лидерства.

Ключевые слова: «Пекинский консенсус», китайская модель развития, «Вашингтонский консенсус», глобальное лидерство, КНР, США, соперничество.

С успехом китайской модели модернизации, в рамках которой произошла либерализация экономики при сохранении политического строя, возник вопрос о возможности появления особой модели развития, получившей на Западе название «Пекинский консенсус», которая могла бы стать альтернативой так называемому Вашингтонскому консенсусу, длительное время доминировавшему в качестве ориентира реформ для развивающихся стран.

Существует ряд русскоязычных исследований китайской модели развития, среди которых можно отметить работы Я.М. Бергера¹, А.В. Виноградова², Л.И. Кондрашовой³, Э.П. Пивоваровой⁴, В.Я. Портякова⁵ и других. Тем не менее проблематика «Пекинского консенсуса» как целостной модели почти не получила рассмотрения в отечественной литературе. Сугубо экономические аспекты «Пекинского консенсуса» разбирались в статьях А.Н. Лопатиной⁶, некоторые его аспекты рассматривались в контексте стратегии модернизации КНР⁷ и в рамках использования данного подхода к отечественной экономике⁸. Место дискуссии о «Пекинском консенсусе» в развитии общественной мысли Китая рассматривала О.Н. Борох⁹.

Виноградов Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

Дегтерев Денис Андреевич, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений РУДН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД РФ. E-mail: degterev@mgimo.ru.

Спирина Дарья Витальевна, соискатель кафедры теории и истории международных отношений РУДН. E-mail: spirina.darya@inbox.ru.

Трусова Александра Андреевна, соискатель кафедры теории и истории международных отношений РУДН. E-mail: 1032152385@rudn.university.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РПФИ в рамках совместного проекта РПФИ—КАОН № 17–27–21002 «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации».

Вопросы политэкономического измерения данной модели и перспективы ее «экспорта» Китаем практически не затрагивались. Между тем актуальность этой проблематики в последнее время неуклонно растет. В современном мире КНР фактически становится главным сторонником глобализации, о чем Си Цзиньпин заявил на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2017 г.¹⁰ Кроме того, в контексте стратегического партнерства РФ и КНР встает вопрос о сопряжении подходов двух стран к проблематике международного развития¹¹ и отношении к китайской инициативе «сообщества единой судьбы человечества».

Появление термина

В 1989 г. старшим научным сотрудником Института мировой экономики Петерсона Джоном Уильямсоном была выдвинута концепция «Вашингтонского консенсуса», которая представляла собой свод правил экономической политики для латиноамериканских стран и включала в общей сложности десять рекомендаций по реформированию.

1. Финансовая дисциплина, предполагающая четкое соблюдение предписаний по использованию денежных фондов государства его хозяйствующими субъектами. Данный пункт должен был осуществляться в странах, где образовался большой дефицит бюджета, который привел к кризису платежного баланса и высокому уровню инфляции, поразившей в основном неимущие классы.

2. Корректировка приоритетов государственных расходов, что подразумевало направление средств в сферы образования, здравоохранения и в инфраструктуру.

3. Реформа налоговой системы, предполагающая расширение налоговой базы и снижение предельных налоговых ставок.

4. Либерализация процентных ставок.

5. Поддержание конкурентоспособности национальной валюты, обеспечение свободного обменного курса национальной валюты.

6. Либерализация внешней торговли. Количественные торговые ограничения должны были быть заменены тарифами, которые, в свою очередь, следовало постепенно сокращать до тех пор, пока не будет достигнута ставка 10–20%.

7. Либерализация прямых иностранных инвестиций, упразднение барьеров, препятствующих их поступлению в страну.

8. Приватизация государственных предприятий, что должно было способствовать повышению их эффективности и рентабельности.

9. Дeregулирование экономики с целью устранения препятствий для конкуренции на рынке.

10. Обеспечение прав собственности, что в первую очередь касалось мелких хозяйственных единиц¹².

Дж. Уильямсон также сформулировал четыре важных пункта, которые должны были способствовать реализации идей «Вашингтонского консенсуса».

Во-первых, правительства должны стремиться избегать кризисов и стабилизировать макроэкономику.

Во-вторых, необходимо завершение реформы по либерализации различных отраслей экономики, особенно по либерализации рынка труда.

В-третьих, для обеспечения эффективной политики необходимы сильные институты. Так, например, реформированный налоговый кодекс не будет полезен, если налоговая администрация погрязнет в коррупции.

В-четвертых, цели экономической политики не должны ограничиваться темпами экономического роста. Важно, чьи доходы в итоге увеличиваются. Рассматривался вариант использования традиционного механизма улучшения распределения доходов, который заключается во взимании более высоких налогов с богатого населения для увеличения расходов на социальные нужды. Однако эта мера имела ограниченный эффект, так как многие обеспеченные люди могли размещать свои активы за границей. Альтернатив-

ный подход должен был заключаться в создании активов, которые позволили бы бедным самим зарабатывать достаточное количество денег. С этой целью следовало улучшать образование, создавать возможности для микрокредитования и т.д.¹³

Стоит отметить, что основные положения «Вашингтонского консенсуса» были сосредоточены на экономике и политике, социальная сфера при этом затрагивалась в малой степени¹⁴. На протяжении 1990-х годов идеи «Вашингтонского консенсуса» доминировали и рассматривались в качестве главной модели реформирования развивающихся стран, а также для перехода бывших социалистических стран Восточной Европы и СССР от плановой экономики к рыночной.

Через 15 лет в докладе, опубликованном Лондонским центром международной политики в 2004 г., бывший редактор американского журнала «Тайм», старший советник инвестиционного фонда Goldman Sachs — Джошуа Купер Рамо написал, что «Вашингтонский консенсус» является международной системой, в которой США выступают доминирующей финансово-экономической силой. В качестве возможной исторически значимой альтернативы ему Дж. Рамо выдвинул идею «Пекинского консенсуса», отмечая привлекательность китайского опыта модернизации, учитывавшей интересы основной массы населения и избежавшей высоких социальных издержек. «Пекинский консенсус», по Рамо, это модель, позволяющая определить развивающейся стране достойное место в мире¹⁵. Это квинтэссенция китайской культуры — объединение различных противоречивых факторов и гармоничное развитие на этой основе¹⁶.

«Пекинский консенсус», по словам Дж. Рамо, представляет собой консенсус наций, позволяющий привести к гармонии и согласию всех участников международных отношений. «Это консенсус в том, что вашингтонская модель не единственно возможная»¹⁷. Смысл данной концепции в том, что основные идеи относительно развития и преобразования мира могут исходить не только из какого-то одного центра или от одного государства (США), но и от других стран. В таком случае миропорядок становится более сложным, но в то же самое время более разумным, безопасным и устойчивым.

Внимание концепции фокусировалось на Китае, который благодаря своей экономической и военной мощи, усилению влияния на мировые процессы постепенно превращался в один из новых центров силы. За годы модернизации и стремительного экономического роста уже в начале 2000-х годов Китай занял одно из ведущих мест в мировой политике, а по мере увеличения своего экономического потенциала создал основу для дальнейшего возвышения¹⁸. С начала XXI века в КНР проходили активные дискуссии относительно роли страны в мире. Констатация Дж. Рамо, признававшая новую роль и место Китая, способствовала их активизации и выходу на более высокий уровень. Все больше аналитиков сходились во мнении, что Китай больше не может оставаться в тени, следуя стратегии Дэн Сяопина, которая уже не соответствует реалиям сегодняшнего дня.

По мнению Дж. Рамо, китайский опыт могут использовать и другие развивающиеся страны в их стремлении достичь экономического подъема, улучшения социальной политики государства и повышения социально-экономического уровня жизни населения. «Пекинский консенсус» как альтернатива западной формуле есть результат критики неоллиберализма и обнаружившихся проблем в реализации американской модели развития¹⁹.

«Пекинский консенсус» представляет собой суммирование 20-летнего опыта развития Китая, который включает:

- осуществление смелых инноваций и экспериментов (например, создание специальных экономических зон), так как именно инновации выступают в качестве серьезной движущей силы процветания страны и жизнеспособности политической партии. У Китая существовал целый ряд серьезных проблем, и только внедрение инноваций в здравоохранение, экономику и управление были способны сохранить страну;

- активную защиту национального суверенитета и интересов государства (например, четкая позиция по тайваньскому вопросу), выступление против вмешательства во внутренние дела других государств;

– накопление значительных валютных резервов;
– гармоничное развитие: ориентация на человека, на повышение уровня жизни и, одновременно, на экономический рост²⁰.

Для реализации «Пекинского консенсуса», по мнению эксперта, необходимы три условия:

1. Ориентации на инновации.
2. Качественное и устойчивое развитие, социальное равенство.
3. Национальное самоопределение²¹.

С момента выдвижения понятия «Пекинский консенсус» в Китае стало появляться большое количество статей на данную тему. Публикации, посвященные успешному опыту китайских преобразований, стали скрытым, а иногда — открытым одобрением роста влияния Китая в мире, увеличения потенциала его «мягкой силы»²². Внимание экспертов и ученых внутри страны и за рубежом было направлено, с одной стороны, на критику «Вашингтонского консенсуса», а с другой стороны, на популяризацию китайской модели развития, ориентированной на применение инноваций и экспериментов, устойчивое, сбалансированное и качественное развитие, социальное равенство, самоопределение и достижение финансовой независимости. При этом сравнение двух «консенсусов» не приобрело характера бескомпромиссной идеологической кампании.

Так, важно подчеркнуть, что несмотря на определенные преимущества «Пекинского консенсуса» по сравнению с «Вашингтонским», ряд экспертов характеризовал обе модели как неолиберальные со всеми вытекающими последствиями. На неолиберальные корни китайской модели в 2010 г. обратил внимание китайский экономист Ю Уэнли, написав, что «неолиберальная трансформация государства под руководством КПК привела к обострению социально-экономических проблем в КНР». По его мнению, «КНР стала обществом риска, где ответственность за занятость, социальное обеспечение, образование, здравоохранение, смягчение бедности, защиту окружающей среды все больше перераспределяется между правительством и НПО, между коллективом и индивидами в пользу последних»²³.

Феномены «Пекинского консенсуса» и китайской модели породили споры, в процессе которых одни исследователи отрицали их существование, другие считали их универсальными и вполне пригодными для использования в других странах мира.

«Пекинский консенсус» и китайская модель развития

С конца 1950-х годов КПК отстаивала свое право на самостоятельный путь строительства социализма в идеологической борьбе с КПСС. Самостоятельность, отсутствие единой модели и национальная специфика были одним из главных постулатов китайской позиции. В период реформ эта позиция воплотилась в понятия «социализм с китайской спецификой» и «начальный этап социализма». Пропаганда универсализма даже на основе успешного китайского опыта в этом контексте выглядела как переход на позиции советского ревизионизма, отрицание самой методологии китайских реформ — и была неприемлема для КПК. Не только поражение социализма в СССР и Восточной Европе, но и аргументированная критика «Вашингтонского консенсуса» указывали границы слева и справа и легитимизировали наличие особого, китайского пути. В этих условиях многие китайские исследователи склонны были использовать термин «китайский путь развития» вместо «китайской модели» и «Пекинского консенсуса». У Юаньхуа в своей статье подчеркивает, что «китайский путь развития» — это наиболее подходящая концепция для точного понимания исторических тенденций, основных характеристик и ценностей экономического и социального развития Китая²⁴.

Ряд китайских исследователей использовали термин «китайская модель», но отвергали обоснованность применения «Пекинского консенсуса». Так, например, Чжуан Цзюньцзюй указывал, что «Пекинский консенсус» не может заменить китайскую модель, и что термин «консенсус» трудно применим к Китаю. Во-первых, по его словам, нельзя

забывать, что сам термин «консенсус» во многом был связан с «Вашингтонским консенсусом», который использовался для продвижения опыта экономического развития стран Запада во главе с Соединенными Штатами в Латинской Америке. Поэтому понятие «консенсус» следует использовать с осторожностью. Во-вторых, китайская модель фокусируется на обобщении опыта Китая, она объясняет, как Китай преуспел в своем развитии, а «Пекинский консенсус» направлен на продвижение китайского опыта в других странах, что не является правильным, так как КНР — коммунистическое государство, и некоторые страны, в частности страны Юго-Восточной Азии, могут враждебно отнестись к «Пекинскому консенсусу» и к самому Китаю²⁵. Использовать термин «китайская модель развития» предпочитал и известный китайский интеллектуал, советник бывшего Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао Юй Кэпин²⁶.

В отличие от «Пекинского консенсуса» понятие «китайская модель» не имеет четкого источника возникновения. «Китайская модель существенно отличается от демократического социализма и традиционного социализма, хотя они в определенных аспектах пересекаются»²⁷, — считает профессор Бостонского университета Тянь Юйцао, автор монографии «Китайская модель современного развития». По мнению автора, китайская модель внедряет принципы равенства и справедливости в социально-экономическую жизнь за счет государственного регулирования экономики и справедливого распределения доходов. Вместе с тем в настоящее время КНР характеризуют также рыночная экономика, приверженность принципам демократии в политике, новый стиль партийного руководства, формирование гражданского общества²⁸.

По мнению руководителя Программы изучения политики Китая Университета Джорджа Вашингтона Дэвида Шамбо, основным элементом китайской модели развития является экономика, а успехи модернизации Китая можно объяснить наличием государственного корпоративизма на местном уровне (тесных отношений бизнеса с властью) и использованием механизмов свободного рынка в сфере аграрного производства²⁹. Подтверждением эффективности китайской экономической модели является та сила, которую продемонстрировал государственный сектор КНР во время азиатского финансового кризиса 1997 г. и мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Вместе с тем Д. Шамбо отмечал, что китайская политическая система является уникальной и не может быть перенята и эффективно использована другими странами³⁰.

В то же время некоторые китайские исследователи, критично относясь к «Вашингтонскому консенсусу», верили, что «Пекинский консенсус» вскоре может его заменить. Прежде всего потому, что одним из важнейших аспектов «Пекинского консенсуса» является то, что он направлен на содействие простым людям, на сбалансированное и всестороннее развитие всей страны. Данную точку зрения разделяли, в частности, Чжоу Цзяньцзюнь и Хэ Хэньюань из Нанькайского университета, утверждая, что «Пекинский консенсус» является наиболее подходящей моделью экономического развития для развивающихся стран³¹.

Для многих исследователей противопоставление «Пекинского» и «Вашингтонского» консенсусов было в известной мере условно. Так, сотрудники Бюро переводов ЦК КПК писали, что «Пекинский консенсус» является дополнением «Вашингтонского консенсуса», «Вашингтонский консенсус» является ядром, его конечной целью является переход к рыночной экономике, а «Пекинский консенсус» предлагает лишь путь к достижению этой цели³². «Пекинский консенсус» не может заменить «Вашингтонский консенсус», так как он является его дополнением. «Вашингтонский консенсус» определяет необходимые условия для функционирования системы рыночной экономики, в то время как «Пекинский консенсус» уделяет больше внимания созданию системы институтов. По мнению Юань Шаня, «Пекинский консенсус» не имеет универсального значения: несмотря на то, что КНР продолжает активно развиваться, она все еще остается развивающейся страной, и принятие данной модели может привести к слепому оптимизму в отно-

шении развития Китая, вследствие чего не будет обращать внимание на трудности, с которыми сталкивается государство³³.

Рассуждая о соперничестве и взаимозаменяемости «Пекинского» и «Вашингтонского» консенсусов, нельзя забывать об индийской модели либерализации экономики, которая также может рассматриваться в качестве альтернативы «Вашингтонскому консенсусу» и может именоваться «Делийским консенсусом»³⁴. Индия за последние годы действительно добилась выдающихся экономических успехов, вследствие чего ее модель способна составить конкуренцию «Пекинскому консенсусу». Наконец, следует отметить, что «Пекинский консенсус» был выдвинут не так давно и до сих пор находится на этапе обсуждения и нуждается в дальнейшем обогащении и развитии³⁵.

В момент появления «Пекинского консенсуса» подавляющее большинство китайских экспертов критически относились к этому феномену. Некоторые считали его обоснование неточным и преувеличенным, в то время как другие утверждали, что данная модель упускает из виду многие важные элементы экономических реформ в Китае³⁶. Ряд экспертов в принципе отрицали существование «Пекинского консенсуса»³⁷. До сих пор некоторые эксперты в Китае вообще не признают «Пекинский консенсус», заявляя, что данная модель является западной теоретической конструкцией и трудно применима к Китаю³⁸. Например, профессор Пан Чжунин, работавший в Брукингском институте, считает, что термин «Пекинский консенсус» является весьма спорным и нереалистичным: «Нам нужно предложить новые концепции, которые будут необходимы Китаю и всему миру»³⁹.

До недавнего времени связь между «Вашингтонским консенсусом» и Китаем рассматривалась прежде всего в контексте «заката Запада», подъема Китая и исследований западных экспертов относительно угрозы, которую представляет Китай для экономической и политической системы Запада⁴⁰. Их в первую очередь интересовал вопрос: может ли Китай после краха советского социалистического проекта предложить новую формационную инициативу исторического значения? Внутриполитическим дискуссиям относительно того, что из себя представляет модель «Пекинского консенсуса»⁴¹ и как она может быть использована в других государствах, внимание почти не уделялось.

Внутриполитический дискурс

С приходом в 2002 г. к власти Ху Цзиньтао было принято решение уделять больше внимания строительству «гармоничного общества», чем показателю ВВП как основной характеристике роста⁴². Коммунистическая партия Китая никогда не пропагандировала идеи «Пекинского консенсуса», но вместе с тем еще до финансового кризиса 2008–2009 гг. активно выступала с критикой «Вашингтонского консенсуса» и неолиберализма, который он олицетворяет. Идея «социалистического гармоничного общества», выдвинутая Ху Цзиньтао, определенно претендовала на роль альтернативы неолиберализму и «Вашингтонскому консенсусу».

Активная критика «Вашингтонского консенсуса» со стороны КПК объяснялась тем, что принципы неолиберализма, которые в нем заложены, назывались основной причиной множества кризисов и нестабильности в мире, в том числе распада СССР и всей социалистической системы⁴³, финансовых кризисов 1990-х годов в Латинской Америке и России⁴⁴. Однако, если при рассмотрении взаимосвязи между Китаем и «Вашингтонским консенсусом» брать в расчет только официальную критику КПК, можно упустить важные содержательные моменты, связанные с обсуждением роли государственного сектора в экономике КНР. Основной спор разразился между различными группами китайской интеллектуальной общественности в конце 1990-х — начале 2000-х годов и касался того, как справиться с основными недостатками ориентированной на государство модели развития⁴⁵. Главными участниками спора стали так называемые новые левые и представители научной общественности, придерживавшиеся либеральных взглядов, а главным источником разногласий двух сторон вскоре стал вопрос, связанный с китайской моделью развития⁴⁶.

В тот период дебаты относительно китайской модели породили настоящий издательский бум. Основной особенностью появлявшихся исследований, независимо от того, принадлежали они перу новых левых, представителей официального обществоведения или китайских либералов, стало выдвигание на первый план роли «прагматичного», «идеологически нейтрального» правительства, успешно сменившего акцент с политической и идеологической линии эпохи Мао Цзэдуна на первостепенность простой схемы с опорой на экономическое развитие⁴⁷. Однако такой «прагматичный подход» подогревал дискуссию относительно того, как изменилась связь между государством и экономикой с момента начала реформ, и к чему это может привести в будущем⁴⁸.

Новые левые полагали, что высока вероятность замены «Вашингтонского консенсуса» «Пекинским»⁴⁹. Их представители разделяли критику КПК в отношении неолиберализма и «Вашингтонского консенсуса», их неприязнь была связана с опасением распространения в Китае неолиберальных идей, которые могли привести к социальной и экономической нестабильности.

Появление доклада Дж. Рамо на фоне смены руководства страны повлияло на возникновение новых споров между представителями новых левых и либеральных слоев, время которых пришлось на период мирового финансового кризиса, проведение Олимпийских игр в Пекине и празднование 90-летия КПК. Опыт Китая по преодолению глобального кризиса благодаря сильной роли государства в экономике дал основание многим представителям новых левых выступать в поддержку китайской модели как альтернативы «Вашингтонскому консенсусу»⁵⁰.

Высокий интерес к китайской модели развития был подтвержден на праздновании 100-летия Университета Цинхуа в апреле 2011 г. На данном мероприятии многие влиятельные представители новых левых, включая преподавателей Университета Цинхуа и Университета Гонконга, представили свои взгляды относительно китайской модели. В ходе данного мероприятия был озвучен термин «Чунцинская модель» (“The Chongqing Model”, Chongqing moshi). За основу этой модели была взята модель управления, проводившаяся главой Чунцинского горкома КПК Бо Силаем и направленная на возрождение «красной культуры», строительство доступного жилья и реформирование миграционной системы. В результате проведенного в 2010–2011 гг. исследования в Университете Цинхуа данный опыт получил название «Чунцинская модель». В исследовании говорилось о том, что эта модель является альтернативой распространению неолиберальных ценностей⁵¹. На фоне 30-летних рыночных преобразований Чунцинская модель воплощала другую тенденцию — не дальнейшую либерализацию экономической жизни, а увеличение влияния государства на экономику и другие сферы для улучшения социально-экономических условий жизни населения (помощь иногородним, бедным и безработным и др.) Данная модель иногда также называлась «Социализм 3.0», так как представляла собой уникальную модель общественного управления с сильной ролью центра. Новые левые одобряли опыт, полученный в результате реализации данной модели, считая, что она является хорошей платформой для дальнейших преобразований⁵².

Несмотря на обсуждение уникального пути развития Китая, а также усилившуюся критику со стороны КПК и левых неолиберализма и «Вашингтонского консенсуса», либеральные идеи по-прежнему оставались популярны в стране⁵³. По мнению некоторых исследователей, большинство представителей либеральной общественности в КНР состоит из интеллигенции, выступающей против монополии КПК на власть, за личные права, свободный рынок и либеральную демократию⁵⁴. Тем не менее, согласно опросам общественного мнения, «режим КПК является чрезвычайно популярным, несмотря на наличие критики по ряду вопросов»⁵⁵. Однако все это не означает, что представителей либеральных кругов становится меньше. Кроме того, многие исследователи считали, что их влияние и роль являются «более заметными», чем влияние и роль новых левых⁵⁶.

Либерально ориентированная часть общественности не пропагандировала идеи «Вашингтонского консенсуса», однако, в отличие от представителей новых левых, кри-

тично относилась к идее «Пекинского консенсуса». На их взгляд, дискуссии относительно «Пекинского консенсуса» или китайской модели приравниваются к восхвалению тех проблем, которые либералы видят в китайском обществе, политике и экономике⁵⁷.

Исследования историка либерального направления из университета Цинхуа Цинь Хуэя позволяют сделать вывод, что критика китайской модели вызвана тем, что быстрый экономический рост в Китае идет за счет неконтролируемости аппарата власти⁵⁸. Более того, выдвинутая Дж. Рамо концепция, по мнению китайских либералов, является утопией, поскольку ни одна страна рыночной демократии, а также ни одна относительно благополучная страна не захочет перенять опыт Китая, если она не желает отодвинуть развитие политической, экономической и социальной сфер своего государства на 100 лет назад⁵⁹.

Представители китайских мозговых центров, таких, как Фонд Боюань (Woуuan jijin hui) и Институт Тяньцзэ (Tianze jingji yanjiusuo), на конференциях, посвященных этой теме китайской модели, утверждали, что аргументы новых левых в пользу данной модели представляют собой не что иное, как поддержку действующего однопартийного курса в стране⁶⁰.

Сторонники «Пекинского консенсуса» и «китайской модели» развития полагали, что опыт модернизации Китая идет вразрез с «Вашингтонским консенсусом» и неолиберализмом. Тем не менее, рассматривая «Пекинский консенсус» в качестве продукта западной мысли, все больше исследователей сходятся на мысли о том, что в идеологическом плане он не сможет стать одним из дополнительных элементов «социализма с китайской спецификой» или политики «реформ и открытости»⁶¹. Разногласия между КПК, новыми левыми и либеральной общественностью по вопросам «Вашингтонского консенсуса» и «Пекинского консенсуса» отражали фундаментальные противоречия относительно самой природы роли государства в экономике.

Власть поощряла обсуждение официальным обществоведением «китайского пути развития», демонстрирующего положительный опыт модернизации другим странам, но избегала любых намеков на возможное универсальное значение китайского опыта, что можно было увидеть в понятиях «китайская модель» и тем более «Пекинский консенсус». С 2004 г. ситуация в этой области постепенно стала меняться.

В момент появления понятия «Пекинский консенсус» китайский опыт отражал скорее мощную и перспективную тенденцию, но даже в самом Китае трудно было говорить о ее конечных результатах — в начале правления Ху Цзиньтао Китай находился на 6-м месте по ВВП и, несмотря на успехи реформ в целом, еще оставался бедной страной, которая только отставала право на свой путь развития и не была готова предложить его миру. Появление в тех условиях понятия «Пекинский консенсус» стало признанием «мягкой силы» Китая. «Пекинский консенсус» превратил китайскую модель в «мягкую силу» и создал позитивный образ, который стало можно использовать для усиления политического влияния Китая в мире. И в середине нулевых годов Китай задумался о возникновении перед ним двух новых задач.

Во-первых, о необходимости дополнить свою экономическую мощь привлекательным образом на внешней арене. Экономические успехи, таким образом, открыли путь для пропаганды китайской культуры в мире, в том числе традиционной. Китайская традиционная культура перестала быть символом отсталости и становится символом успехов и прогресса. В основе китайской «мягкой силы» — китайская история и традиционная культура, их позитивная роль в современном мире. В 2004 г. в Южной Корее был открыт первый Институт Конфуция, в сентябре 2005 г. на 60-летию образования ООН Ху Цзиньтао предложил идею «гармоничного мира». Появившийся в 1990 г. в работе Дж. Ная термин «мягкая сила» до начала 2000-х годов мало обсуждался и использовался в Китае. Но в 2007 г. в Отчетный доклад ЦК XVII съезду КПК Ху Цзиньтао впервые включил понятие «мягкая сила», которая с этого момента стала частью государственной политики.

Во-вторых, к началу 2010-х годов Китай вышел на 2-е место по размеру ВВП. Решив проблему бедности (или вплотную приблизившись к ее решению), он показал практический пример массе бедных развивающихся стран. «Пекинский консенсус» как альтернатива реформам «Вашингтонского консенсуса» стал свершившимся фактом, который можно и нужно было использовать на международной арене. Для этого необходима была лишь политическая воля и отвечающее оригинальному содержанию название.

После прихода Си Цзиньпина и выдвижения им концепции «китайской мечты» идея «Пекинского консенсуса» как проекта, имеющего международное значение, приобрела второе дыхание и вернула себе актуальность. Уже на закрытии 1-й сессии ВСНП 12-го созыва 17 марта 2013 г. Си Цзиньпин сказал: «Сегодня, когда Китай поднимается как великая держава, китайская мечта, нацеленная на национальное возрождение, привлекает беспрецедентное внимание на международной арене»⁶². После этого, все еще со ссылкой на иностранных исследователей, китайские авторы стали рассуждать о том, что «экспансия развитых держав Запада шла за счет военной и политической силы», «тогда как Китай расширял свое влияние за счет экономической и культурной силы»⁶³.

В заданной Си Цзиньпином новой системе координат утверждается, что «американская мечта не обращена ко всем... Американская мечта может остаться только мечтой некоторых людей, но не мечтой для всех». Китайская мечта, напротив, открытая и инклюзивная, «мечта всего мира и для всех»⁶⁴.

В докладе на XIX съезде КПК в октябре 2017 г. Си Цзиньпин подчеркнул: «Непрерывное развитие пути, теории, строя и культуры социализма с китайской спецификой открыло развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставило совершенно новые альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить свое развитие и желающим сохранить собственную независимость. Таким образом, Китай привнес китайскую мудрость и китайский вариант для решения проблем человечества»⁶⁵.

* * *

В настоящее время существует необходимость в комплексном изучении опыта Китая. В этом заинтересованы многие страны мира⁶⁶. Оказалось, что китайская политическая система, являясь ядром и главным объяснением успехов КНР в модернизации, отнюдь не уникальна и может быть воспринята другими государствами. Авторитарные лидеры намерены следовать примеру КНР для достижения роста с сохранением однопартийного правления⁶⁷, хотя на данный момент нет гарантий, что этот опыт продемонстрирует такой же экономический успех в другой стране. Китайские исследователи считают, что те, кто будет пытаться слепо применять методы китайской политики, вполне могут оказаться в том же положении, что и те, кто безоглядно доверился соблюдению принципов «Вашингтонского консенсуса»⁶⁸.

Вместе с тем, несмотря на очевидные недостатки американской модели развития и растущую критику ее в мире, модель общественного развития, предложенная США, учитывая все ее положительные и отрицательные аспекты, все еще имеет глобальное измерение, в то время как модель «Пекинского консенсуса» в настоящее время находится в стадии обсуждения, уточнения и развития в качестве проекта, имеющего международное значение. Его судьба будет зависеть от успешной реализации «китайской мечты».

-
1. Бергер Я.М. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 73–81; *Он же*. Китайская модель глобализации // Век глобализации. Волгоград, 2009. № 1. С. 91–97; *Он же*. Еще раз о китайской модели развития // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2012. № 2. С. 119–124.
 2. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 1-е изд. М., 2005; 2-е изд. М.: НОФМО, 2008. 364 с.; *Он же*. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты. Дис. ... докт. полит. наук. М., 2006. 367 с.; *Он же*.

- Изучение моделей развития Китая в России в 1990-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 137–145; *Он же*. Китайская модернизация в сравнительной перспективе // Сравнительная политика. М., 2010. Т. 1. № 1. С. 104–120; *Он же*. Притяжение Азии. Китайский опыт для России // Тетради по консерватизму. М., 2015. № 5. С. 240–248.
3. *Кондрашова Л.И.* Китай: к новой модели общественного развития. М., 2017.
 4. *Пивоварова Э.П.* Строительство социализм со спецификой Китая: Поиск пути. М., 1992; *Она же*. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М., 1999. *Она же*. Социализм с китайской спецификой. М., 2011.
 5. *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998; *Он же*. Китайская Народная Республика: Поиск путей социально-экономического развития (конец 70-х — первая половина 90-х): В 3 ч. М.: ИДВ РАН, 1995; *Он же*. Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня. М., 2017.
 6. *Лопатина А.Н.* От «Вашингтонского консенсуса» к «Пекинскому» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 9. С. 59–71; *Она же*. Экономическая реализация «Пекинского консенсуса» в условиях мирового экономического кризиса // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. М., 2010. № 4. С. 13–30.
 7. *Сухарева Д.В., Морозова В.С.* «Пекинский консенсус» как путь к модернизации и глобализации Китая // Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия: Сб. Восточного центра. Чита: Забайкальский государственный университет. 2014. № 14. С. 57–62; *Васильева Е.А.* Китайская модель модернизации в работах отечественных исследователей // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2010. С. 26–29.
 8. *Шапиро Н.А.* Нетипичные воззрения известного советского экономиста, или мог ли быть в России «Пекинский консенсус» // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. СПб., 2010. № 2. С. 195–210; *Бабурина О.Н.* Санкции и внешнеэкономическая стратегия России сквозь призму Вашингтонского и Пекинского консенсуса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. М., 2015. № 23 (208). С. 48–58.
 9. *Борох О.Н.* Социально-экономические дискуссии в 2000-х годах // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. 9: Реформы и модернизация. (1976–2009). М., 2016. С. 661–663.
 10. Выступление Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum>
 11. *Дегтерев Д.А.* Политическая экономия международной помощи // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 26–35; *Он же*. Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности // Вестник международных организаций / НИУВШЭ. 2013. № 2 (41). С. 69–85.
 12. *Williamson J.* A Short History of the Washington Consensus // Paper commissioned by Fundación CIDOB for a conference "From the Washington Consensus towards a new Global Governance". Barcelona, 2004. URL: <https://piie.com/publications/papers/williamson0904-2.pdf>; *Он же*. The Washington Consensus as Policy Prescription for Development // A lecture in the series "Practitioners of Development" delivered at the World Bank. Washington, 2004. P. 3–12. URL: <https://piie.com/publications/papers/williamson0204.pdf>.
 13. *Williamson J.* The Washington Consensus as Policy Prescription for Development...
 14. *Yu Donghua.* "Huashengdun gongshi", "Beijing gongshi" yujingjizhuanxing: [«Вашингтонский консенсус», «Пекинский консенсус» и экономическая реструктуризация] // Shandong shehui-kexue=Shandong social sciences. Цзинань, 2007. № 11. С. 92–96.
 15. *Ramo J.C.* The Beijing Consensus. London: The Foreign Policy Center, 2004. 209 p. URL: <http://fpc.org.uk/publications/123>
 16. См.: *Zhao Lei.* The Present and Future of China's Soft Power. Beijing, 2015. P. 128.
 17. *Рамо Дж.К.* Пекинский консенсус как согласие наций // Русский журнал. С. 12–13. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/49/10.pdf
 18. *Ян Таоюань.* Увеличивать мягкую силу Китая: изучая материалы тринадцатой коллективной учебы в Политбюро ЦК КПК // Ежедневные новости. 004. № 6 (1060). С. 18.
 19. *Борох О., Ломанов А.* Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Pro et Contra. 2005. № 3. С. 20–39. URL: <http://www.ru-90.ru/attachments/nps7528.pdf>
 20. Там же.

21. *Ramo J.C.* Op. cit.
22. *Zhang Jiakun Jack.* Seeking the Beijing Consensus in Asia: An Empirical Test of Soft Power. Durham: Duke University Press, 2011. P. 68.
23. Цит. по: *Ещенко П.С., Арсеенко А.Г.* «Пекинский консенсус» vs «Вашингтонский консенсус» // «Экономика і прогнозування». Киев, 2011. № 1. URL: <http://hvyly.net/analytics/economics/pekin-skiy-konsensus-vs-vashingtonskiy-konsensus.html>.
24. *Wu Yuanhua.* Beijinggongshi, zhongguo moshi, zhongguo jingyan, zhongguo daolu zhibian: [Разница между терминами « Пекинский консенсус», китайская модель развития, опыт Китая и путь Китая] // Chongqing youdian daxue xuebao (shehui kexue ban) = Journal of Chongqing University of Postsand Telecommunications (Social Science Edition). Чэнду, 2015. № 27 (4). С. 1–5.
25. *Zhuang Junju.* Guanyu “beijing gongshi” yu zhongguo moshi yanjiu de ruogan sikao: [Исследования «Пекинского консенсуса» и китайской модели развития] // Dangdaishijieyushehuizhuyi. Цзинань, 2005. № 5. С. 24–28.
26. Re hua ti yu leng sikao (sanshisi) — guanyu “Beijing gongshi” yu zhongguo fazhan moshi de duihua: [Горячие темы и холодные мысли (34) — диалог о «Пекинском консенсусе» и развитии Китая] // Dangdaishijieyushehuizhuyi. Цзинань, 2004. № 5. С. 4–9.
27. Что такое «китайская модель развития» и существует ли она вообще? URL: <http://www.rondon.org/polit-100312094446>.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. *Luo Min, Zhu Xiaoning.* Zhongguo fazhan moshi jiuqing yinggai ruhe gaikuo — “Beijing gongshi” he you zhongguo tese shehuizhuyi lilun tixi bijiao yanjiu: [Обобщение китайской модели развития — сравнительный анализ «Пекинского консенсуса» и теории социализма с китайской спецификой] // Dianzi keji daxue xuebao (sheke ban) = Journal of Electronic Science and Technology of China (Social Sciences Edition). Чэнду, 2008. № 10 (5). С. 15–18.
32. Там же.
33. *Yuan Shan.* Guanyu “Beijing gongshi” yanjiu de ruogan wenti: [Ряд проблем в отношении «Пекинского консенсуса»] // Dangdai shijie yu shehuizhuyi. Цзинань, 2004. № 5. С. 17–21.
34. *Галищева Н.В.* «Делийский консенсус» — индийская модель либерализации экономики // Азия и Африка сегодня. 2014. № 3. С. 2–8.
35. *Yuan Shan.* Op. Cit.
36. *Liu Yangtang.* Beijing gongshi de qiantaici: [Скрытое значение Пекинского консенсуса]. Пекин, 2007. № 42. С. 102–104.
37. *Zhu Yaobing.* Beijing gongshi: Dui quanqiu hua Beijing xia zhongguo gaige jieshili de fenxi: [Пекинский консенсус: анализ проводимых Китаем реформ в рамках глобализации] // Beijing daxue chubanshe. Пекин, 2005. С. 15–19.
38. *Wu Yuanhua.* Op. cit.
39. *Pang Zhongying.* “Zhongguo tezheng de quanqiu hua” yu “Beijing gongshi”: [«Глобализация с китайской спецификой «Пекинский консенсус»] // Dangdai shijie yu hehuizhuyi. Цзинань, 2004. № 5. С. 15–16.
40. *Johnston A. I.* Stability and Instability in Sino—US Relations: A Response to Yan Xuetong’s Superficial Friendship Theory // The Chinese Journal of International Politics. Oxford: Oxford University Press, 2011. 4 (1). P. 5–29.
41. *Naisbitt J., Naisbitt D.* China’s Megatrends: The 8 Pillars of a New Society. New York: Harper Collins, 2010. P. 127.
42. *Hu Jian.* Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Strive for New Victories in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects // Report to the 17th National Congress of the Communist Party of China. 2007.
43. *Li R.* Be on Guard Against the Ideological Trend of Neoliberalism // Guangming Ribao. Beijing, 2004. URL.: <http://www.chinareform.org.cn/cindbbs/dispbbs.asp?BoardID=2&replyID=86283&ID=38349&skin=1>
44. *Fang Nian.* Neoliberalism and the Argentine Crisis', in B. He (ed.) Analyses of Neo-Liberalism. Beijing: Social Sciences Documentation, 2004. P. 168–181.
45. Там же.
46. *Kennedy S.* The Myth of the Beijing Consensus // Journal of Contemporary China. China. Abingdon: Routledge, 2010. 19(65). P. 61–77.

47. *Zhao Suisheng*. The China Model: Can it Replace the Western Model of Modernization? // *Journal of Contemporary China*. Abingdon: Routledge, 2010. 19(65). P. 19–36; *Yao Yang*. The China Model and Its Future / R. Garnaut, J. Golley and L. Song (eds.) *China: The Next Twenty Years of Reform and Development*. Canberra: The Australian National University Press, 2010. P. 39–52.
48. *Turin Dustin R*. China and the Beijing Consensus: An Alternative Model for Development // *Student Pulse Academic Journal*. Cambridge, 2010. 2 (1). № 13. P. 48–79.
49. *Cha A. E*. China Uses Global Crisis to Assert Its Influence: Along with Aid to Other Nations, Beijing Offers Up Criticism of the West // *The Washington Post*. Washington, 2009. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/04/22/AR2009042203823.html>.
50. *Pan Wei*. The China Model: 60 Years of the People's Republic. Beijing: SDX Joint Publishing Company, 2010. P. 67.
51. *Su Wei, Yang Fan, Liu Shiwen*. Chongqing Model. Beijing: China Economic Publishing House, 2011. P. 147.
52. The Guangdong Model: One Chinese Province Adopts a Beguilingly Open Approach— Up to a Point // *The Economist*. London, 2011. URL: <http://www.economist.com/node/21540285>
53. *Xu Jilin*. Universal Civilization, or Chinese Values? // *Kaifang*, 2010. № 5. URL: http://www.qstheory.cn/zz/yjzy/201112/t20111207_128390.htm.
54. *Feng Chongyi*. The Troubled History and Future of Chinese Liberalism // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2010. URL: <http://www.japanfocus.org/-Feng-Chongyi/3285>
55. *Dickson B.J*. Updating the China Model // *The Washington Quarterly*. Washington, 2011. P. 39–58.
56. *Li He*. Debating China's Economic Reform: New Leftists vs. Liberals // *Journal of Chinese Political Science*. Knoxville, 2010. P. 45.
57. *Feng C*. Charter 08, the Troubled History and Future of Chinese Liberalism // *The Asia-Pacific Journal*. 2010. URL: <http://www.japanfocus.org/-Feng-Chongyi/3285>
58. *Zhu Yao Bing*. Beijing gongshi: Dui quanqiuhua Beijing xia zhongguo gaige jieshi li de fenxi: [Пекинский консенсус: анализ проводимых Китаем реформ в рамках глобализации] // Пекин пресс. 2005. С. 25–27.
59. Там же. С. 38.
60. *Kelly D*. Chinese Political Transition: Split in the Princeling Camp? // *East Asia Forum*. Canberra, 2011. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2011/03/21/chinese-political-transition-split-in-the-princeling-camp/>
61. *Zhou Chunbo*. Huashengdun gongshi de pochan dao weicheng tixi de Beijing gongshi: [От «Вашингтонского консенсуса» к «Пекинскому консенсусу»] // *Современная экономика*. 2007. № 61(7). С. 146–148.
62. *Xi Jinping* zaishi'erjie quanguo renda yici huiyi bimu hui shang fabiao jianghua: [Речь Си Цзиньпина на первой сессии 12-ого созыва ВЧП]. URL: http://www.xinhuanet.com/2013lh/2013-03/17/c_115052635.htm
63. *Zhao Lei*. The Present and Future of China's Soft Power. Beijing, 2015. P. 15.
64. Ibid. P. 27, 37.
65. Доклад Си Цзиньпина с XIX съезда КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
66. *Yao Yang*. Zhong xing zhengfu: Zhongguo sanshi nian fazhan qiji de yi zhong quanshi: [Нейтральное государство: попытки дать объяснение успеху китайских реформ]. Пекин, 2008. С. 58.
67. Там же. С. 112.
68. *Wu Zengji*. Lun Zhongguo moshi kechixu de tiaojian: [Рассмотрение критериев устойчивости «китайской модели»] // *Liluntantao*. Харбин, 2008. № 1. С. 5–9.

Россия, Китай и северокорейская ядерная проблема

© 2018

Ю.В. Морозов

В статье показаны перспективы развития ракетно-ядерной программы КНДР и противоборство США и КНДР на Корейском полуострове, выявлено его влияние на национальные интересы РФ и КНР и на обстановку в регионе. Подчеркнуто, что купирование угроз, исходящих от ракетно-ядерной программы и стратегии КНДР в регионе, можно реализовать совместными усилиями России и Китая при поддержке со стороны ООН и мирового сообщества.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Северная Корея, Россия, Китай, США, Южная Корея, ракетно-ядерная программа.

Северная и Южная Кореи до сих пор формально находятся в состоянии войны, поскольку Соглашение о перемирии в Корее определило лишь условия прекращения огня и разделения войск противоборствующих сторон. Эта ситуация является источником нестабильности и потенциальным очагом вооруженного конфликта в Северо-Восточной Азии, что обусловлено высоким уровнем противостояния между США и КНДР, отсутствием перспектив урегулирования проблем региона, а также продолжением работ Пхеньяна по развитию ракетной и ядерной программ. Наличие ядерного кризиса на Корейском полуострове — наиболее актуальная проблема для мирового сообщества, серьезная угроза безопасности в Северо-Восточной Азии и международному режиму ядерного нераспространения.

В 1993 г. КНДР объявила о выходе из ДНЯО, ссылаясь на наличие «ядерной угрозы» со стороны США. В 2009 г. Пхеньян, прервав шестисторонние переговоры по этой проблеме, заявил, что вне зависимости от официального признания или непризнания его «ядерного статуса», он ни при каких обстоятельствах не согласится на разоружение в одностороннем порядке и не намерен обсуждать данный вопрос. Это стало одной из причин роста военной напряженности на Корейском полуострове. Другая причина связана с тем, что основу новой ядерной стратегии Трампа составляет возможность упреждающего применения ядерного оружия практически против любого государства мира.

Сегодня на фоне кризиса отношений между Пхеньяном, Сеулом и Вашингтоном Москва ищет пути решения ядерной проблемы Корейского полуострова, в связи с чем возникает необходимость проанализировать подходы экспертов к оценке ракетно-ядерного потенциала КНДР, чтобы определить возможные направления взаимодействия России и Китая в интересах снижения военной напряженности в этом регионе.

Российская оценка ракетно-ядерного потенциала КНДР

По оценке российских ученых, количество ядерных боезарядов КНДР может составлять около 20 боеголовок, а наличие материалов для производства новых позволяет

изготовить еще 60¹. Это количество боезарядов обеспечивает нанесение ракетно-ядерного удара по объектам на территории Южной Кореи и Японии. Изготовление новых образцов ракет, в том числе межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с дальностью от 10 до 13 тыс. км, позволит Северной Корее наносить удары и по континентальной территории США.

Это подтвердили ракетно-ядерные испытания КНДР в 2017 г. Всего было выполнено более 20 пусков ракет различного типа. В частности 4 и 28 июля были проведены успешные испытания межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Хвасон-14». Кроме того, 28 августа и 15 сентября из района Сунан (22 км северо-западнее г. Пхеньян) были осуществлены пуски БР средней дальности «Хвасон-12» в акваторию Тихого океана на дальность около 2700 и 3700 км соответственно. В рамках создания ядерного оружия 3 сентября 2017 г. Пхеньян провел шестое подземное испытание ядерного взрывного устройства. Его мощность составила 80–100 кт. Эксперты КНДР также заявили об успешном тестировании термоядерной боеголовки для межконтинентальной баллистической ракеты.

С мнением российских ученых о ракетно-ядерном потенциале КНДР несколько разнятся оценки Министерства обороны США. По данным Пентагона, к началу 2018 г. ядерный арсенал КНДР насчитывал около 50 боеголовок различного типа, а возможности производства составляли от 5–6 до 10 боеголовок в год².

При наличии такого количества боезарядов Пхеньян, очевидно, рассчитывает добиться от американцев дополнительных уступок и принятия «правильного решения» по отношению к его ракетно-ядерной программе. Под ним подразумевается урегулирование ситуации исключительно на условиях, предлагаемых КНДР. В качестве основных требований Пхеньян выдвигает следующие: отказ США от проведения как самостоятельно, так и во взаимодействии со своими союзниками, военных учений в районе Корейского полуострова; подписание мирного договора взамен действующего Соглашения о перемирии в Корее; установление дипломатических отношений; отмена всех санкций, а также вывод американских войск из Южной Кореи.

При этом подчеркивается, что Пхеньян вне зависимости от официального признания или непризнания его «ядерного статуса» ни при каких обстоятельствах не согласится на разоружение в одностороннем порядке и не намерен обсуждать данный вопрос в ходе возможных переговоров. 17 апреля 2017 г. первый заместитель Постоянного представителя КНДР при ООН Ким Ин Рен заявил, что «США создали опасную ситуацию в регионе, представляющую серьезную угрозу миру на Корейском полуострове, при которой ядерная война может начаться в любой момент». Обновленная ядерная доктрина США (февраль 2018 г.) понижает порог применения ядерного оружия. Это отмечено во вступительной части к «Обзору ядерной политики», где появилась формулировка, которая позволяет президенту США использовать ядерное оружие в случае «скоротечного изменения геополитической обстановки» и даже технологических «неожиданностей»³.

Руководство КНДР считало, что администрация Д. Трампа пока не готова к существенным коррективам подходов к применению ядерной стратегии США на северо-корейском направлении. Данный шаг продемонстрировал бы несостоятельность американской политики в регионе и неспособность урегулировать даже локальную кризисную ситуацию. В связи с этим в Пхеньяне учитывают, что США в ближайшей перспективе продолжат реализацию курса, направленного на дальнейшую экономическую и политическую изоляцию КНДР.

Оценки представителями Генштаба ВС РФ параметров ракетно-ядерного потенциала КНДР отличаются от оценок Пентагона большей сдержанностью. Так, по мнению бывшего начальника Генерального штаба Ю. Балувеского, за воинственными заявлениями Пхеньяна не следует усматривать готовность КНДР нанести по противнику упреждающий удар с помощью ядерных боеголовок. «В Пхеньяне нет сумасшедших, которые запускали бы ядерный боезаряд на экспериментальной ракете», — считает Балувеский.

По его словам, «ядерное устройство можно поднять в воздух и взорвать, но ядерное оружие нужно включить в состав боевой части ракеты — в этом разница». При этом путь от ядерного устройства до создания ядерного оружия занимает от 5 до 10 лет, существующие у Северной Кореи ядерные боеприпасы имеют массу около 3 тонн, а полезная нагрузка существующих у Пхеньяна баллистических ракет семейства «Нодон» — одна тонна. Схожего мнения придерживается генерал-майор в запасе П. Золотарев, проходивший службу в Главном штабе Ракетных войск стратегического назначения: «Не исключая, что за прошедшие после первых ядерных разработок годы северокорейцы научились “мастерить” ядерные заряды. Но это, скорее всего, единичные экземпляры. Для нанесения ядерного удара с воздуха ядерный заряд нужно установить на головную часть баллистической ракеты или подвесить к самолету. А надежных носителей ядерных боезарядов в Северной Корее нет, как нет и специальных приспособлений для защиты от случайного или ошибочного применения ядерного боезаряда»⁴.

С этих же позиций выступает МИД РФ. Директор департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД М. Ульянов считает, что КНДР сможет нанести по США ракетно-ядерный удар с помощью МБР не раньше, чем через 2–3 года. И «если мы не сможем найти политическое решение», то власти КНДР в течение указанного срока получат в свое распоряжение усовершенствованные ракеты различного предназначения»⁵.

Россия неоднократно предлагала США наладить сотрудничество в области решения ядерной проблемы Корейского полуострова, однако Вашингтон в одностороннем порядке прервал диалог с Москвой по этой проблеме. И в случае применения США военных акций по уничтожению ядерных сил Пхеньяна представители Генштаба ВС РФ допускают вероятность развязывания на полуострове широкомасштабной войны с участием США, Южной Кореи и Японии, с одной стороны, и Северной Кореи — с другой, с возможным вовлечением в эту войну России и Китая. При этом лидер КНДР Ким Чен Ын, очевидно, понимает, что использование им первым ядерного оружия в наступательных целях приведет к мгновенному контрудару со стороны США, в результате чего Северная Корея будет уничтожена⁶.

Поэтому с военно-политической точки зрения логика взаимно гарантированного уничтожения, которая сдерживала использование США и СССР ядерного оружия в период холодной войны, не менее эффективна и сейчас с точки зрения предотвращения нападения со стороны Пхеньяна. С другой стороны, как полагают российские эксперты, северокорейская ядерная программа придает Пхеньяну уверенность в своей безопасности и удерживает США от военного нападения на КНДР.

Они также считают, что размещение американской системы ТНААД в Южной Корее создает существенные риски для стратегической стабильности в регионе. Поэтому Россия наряду с Китаем выступает с критикой американской ПРО в Южной Корее, так как это ограничивает возможности для проработки дальнейших шагов в плане сокращения и ограничения ядерных вооружений КНДР.

Политика Москвы по отношению к ракетно-ядерной программе Пхеньяна

Москва последовательно выступает за денуклеаризацию Корейского полуострова исключительно мирным, дипломатическим путем. В России понимают мотивы поведения Пхеньяна и причины, подтолкнувшие его пойти по пути создания национальной ракетно-ядерной программы, но не признают ядерный статус Северной Кореи.

Это связано с тем, что Россия, исходя из обязательств одного из депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и своих национальных интересов, заинтересована в сохранении глобального режима нераспространения ОМП⁷. Меж-

дународные санкции в отношении КНДР с участием России накладывают ограничения на возможности российско-северокорейского сотрудничества, но когда Пхеньян принимал решения о проведении своих ракетно-ядерных испытаний, он знал позицию Москвы и понимал, какие действия с ее стороны последуют.

В то же время Россия считает, что потенциал санкций в отношении КНДР исчерпан, их дальнейшее наращивание не заставит Пхеньян отказаться от своих целей. Поэтому Москва выступает за скорейшее возобновление переговорного процесса на различных направлениях, в том числе в двустороннем и многосторонних форматах. «По мнению России, — заявил Президент РФ В. Путин, — расчет на то, что можно остановить ракетно-ядерные программы КНДР исключительно давлением на Пхеньян, ошибочен и бесперспективен. Необходимо решать проблемы региона путем прямого диалога всех заинтересованных сторон без выдвижения предварительных условий. Провокации, давление и воинственная риторика — это путь в никуда»⁸.

Поэтому Россия стала все чаще заявлять, что не санкции в отношении КНДР, а диалог с ней может помочь избежать военной катастрофы. На Восточном экономическом форуме во Владивостоке Путин подчеркнул: «Мы не признаем ядерный статус Северной Кореи. В то же время понятно, что решить проблемы Корейского полуострова одними лишь санкциями и давлением невозможно. Не стоит загонять Северную Корею в угол. Сейчас всем необходимо проявить хладнокровие и избегать шагов, ведущих к эскалации напряженности. Без политико-дипломатического инструментария сложившуюся ситуацию сдвинуть с места крайне сложно, а если быть более точным, я считаю, невозможно вообще». Он отметил, что не только и не столько КНДР виновата в срыве шестисторонних переговоров. «Заинтересованные стороны практически обо всем договорились в 2005 г. КНДР согласилась свернуть ядерную программу, другие участники процесса пообещали развернуть переговоры. Но кое-кто потребовал от КНДР того, чего она не обещала, и постепенно эта ситуация деградировала до сегодняшнего уровня», — напомнил В. Путин. А глава МИД РФ С. Лавров на саммите АТЭС 8 ноября 2017 г. заявил: «Мы убеждены, что обмен угрозами и оскорблениями, а такие вещи имели место с обеих сторон, ни к чему хорошему не приведет. Нужно садиться и договариваться, мы убеждены, что альтернативы мирному урегулированию нет»⁹. На сегодняшний день реальность ситуации с решением проблемы Корейского полуострова такова — на фоне кризиса отношений между Пхеньяном, Сеулом и Вашингтоном, Пекин и Москва ищут пути решения этой проблемы и сохраняют сотрудничество с КНДР в ряде областей с одновременным выполнением санкционных резолюций СБ ООН.

Одной из причин того, что Россия предпочитает более примирительную политику в отношении КНДР, чем Запад, является прагматический подход Москвы по отношению к Пхеньяну. В Северную Корею идут поставки российского угля и нефти, представляющие особую ценность для небогатой энергетическими ресурсами страны. А когда КНДР в мае 2017 г. запустила ракету «более или менее» в направлении Владивостока, она в виде «своего извинения перед Россией» тут же открыла в этот портовый город новую паромную переправу. В России учатся много северокорейских студентов, работают тысячи низкоквалифицированных рабочих из КНДР — особенно на Дальнем Востоке. При этом объем экономических связей сегодня ограничен санкционными резолюциями СБ ООН, но если они будут сняты, можно ожидать роста двусторонней торговли. Однако главная причина того, что Россия заняла более примирительную позицию по отношению к Северной Корее, заключается в том, что Москва интерпретирует поведение Пхеньяна несколько иначе, чем это делает Вашингтон и его союзники. Она придерживается гораздо более «спокойной» точки зрения по отношению к правящей власти в КНДР и не заинтересована в том, чтобы на смену нынешнему правительству Северной Кореи пришли новые власти объединенной Кореи, состоящей в тесном военно-политическом союзе с США.

На этом фоне для многих западных обозревателей стал неожиданным Указ Президента РФ № 484, подписанный В. Путиным 14 октября 2017 г., о введении санкций против КНДР¹⁰. Они предположили, что в политике России по отношению к Пхеньяну произошел крутой перелом: терпение Москвы иссякло, и она решила примерно «наказать» Пхеньян за ракетно-ядерный авантюризм. Но это ошибочная точка зрения.

Во-первых, ошибочным является утверждение о том, что эти санкции Москвы введены в качестве реакции на *шестое* по счету ядерное испытание, осуществленное Северной Кореей 3 сентября 2017 г., по поводу чего СБ ООН принял Резолюцию 2375. На самом деле в отмеченном указе Президента РФ речь идет об ответе на предшествующий, *пятый* подрыв ядерного заряда, произведенный 9 сентября 2016 г. Во-вторых, многие СМИ представили этот шаг В. Путина как подтверждение якобы того, что Москва решила присоединиться к курсу Запада на полную изоляцию и экономическую блокаду Северной Кореи. На самом деле в указе подчеркивается, что речь идет о мерах по выполнению резолюции СБ ООН 2321 от 30 октября 2016 г., посвященной осуждению *пятого* испытания ядерного оружия КНДР. Проголосовав за эту резолюцию, Россия взяла на себя обязательства исполнять прописанные в ней рестрикции в отношении КНДР, воплотив их в Указ № 484.

Оценка российскими экспертами политики Китая по отношению к КНДР

Как считает директор Института Дальнего Востока РАН С. Лузянин, нынешние отношения между Китаем и КНДР неоднозначны¹¹. С одной стороны, Китай является крупнейшим торговым партнером Северной Кореи — контролируя примерно три четверти всей внешней торговли страны, КНР добилась в этой области фактически монопольных позиций. Китай также является почти единственным поставщиком продовольственной и гуманитарной помощи в КНДР и выступает в роли крупнейшего импортера для северокорейских производств — больше половины товаров из КНДР переправляются в Китай. Однако это сотрудничество нельзя назвать равнозначным: КНДР занимает лишь 82-е место по количеству продукции, экспортируемой из КНР.

С другой стороны, как считают российские эксперты, у Пекина есть справедливые основания быть недовольным многими аспектами северокорейской политики. Особое раздражение вызывают ядерные амбиции Пхеньяна, который сосредоточил все силы и ресурсы нации на развитии ядерной программы. Это создает напряженность у китайских границ, оправдывая наращивание американского военного присутствия в Восточной Азии. У КНР не вызывает симпатий и существующая в КНДР модель государственного устройства, которая является архаичной и иррациональной. Пекин также раздражают культ личности в Северной Корее и национализм, часто направленный против Китая, неэффективная централизованно-командная экономика КНДР. При этом многие российские эксперты не верят в корейскую модернизацию по китайскому варианту, так как правительство КНДР не слишком прислушивается к мнению КНР. Однако игнорировать недвусмысленные предупреждения из Пекина становится все сложнее — слишком велика экономическая зависимость КНДР от китайской помощи и торговли с Китаем¹². Нельзя исключать тот вариант, при котором китайское давление на Пхеньян может заставить его «образумиться» и в своих ядерных амбициях. При этом Пекин, как и Москва, не собирается «загонять Северную Корею в угол» и не стремится к тому, чтобы спровоцировать там кризис.

Как считает бывший начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ (1999–2001 гг.) генерал-лейтенант А. Клименко, Северная Корея и впредь будет оставаться 1300-километровым стратегическим буфером для Китая. Она прикрывает северо-восточные границы КНР, примыкающие к ней промышленные и политические центры от военной инфраструктуры американо-южнокорейского альянса.

Военный кризис с ним и американо-японским альянсом будет иметь негативные последствия для Китая, которому придется столкнуться с потоками беженцев и с проблемами, которые будут вызваны потерей контроля над северокорейским ядерным оружием. Потребность Пекина в этом буфере дает Северной Корее гарантию того, что Китай будет защищать ее от нападения извне¹³.

Как полагает руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН А. Жебин¹⁴, отношения между Китаем и Северной Кореей и впредь сохранятся, поскольку у них много общего, в том числе идеология, территория. Обе страны объединены Договором о взаимопомощи и сотрудничестве 1961 г., вторая статья которого гласит: «В том случае, если одна из сторон Договора подвергнется вооруженной агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств и окажется, таким образом, в активном состоянии войны, другая сторона Договора незамедлительно окажет ей необходимую военную и другую помощь всеми доступными в ее распоряжении средствами». Китай из соображений геополитической безопасности, не желает агрессии против Северной Кореи либо воссоединения Кореи под эгидой США, однако, поскольку Китай желает собственного воссоединения с Тайванем, то вряд ли он будет открыто выступать против мирного объединения КНДР и РК. И в случае их объединения максимум, на что гипотетически может согласиться Пекин, это корейский нейтралитет с предпочтительным отношением к Китаю¹⁵.

Тем не менее, как считает эксперт ИДВ РАН К. Асмолов, поглощение КНДР Южной Кореей нанесет значительный ущерб международному авторитету Пекина, что скажется на его внешнеполитических планах. Это будет означать, что даже в отношении своего союзника КНР оказалась не в состоянии отстоять свои коренные интересы и подчинилась воле США¹⁶. Поэтому трудно представить, что Пекин согласится лишиться союзника и стратегического буфера, прикрывающего жизненно важные районы КНР в условиях осложнения отношений с Вашингтоном¹⁷. И вряд ли Пекин смогут успокоить заверения в том, что в случае поглощения КНДР Южной Кореей инфраструктура американо-южнокорейского альянса не приблизится к границам КНР и китайские интересы и собственность в Корее будут гарантированы. Поэтому Пекин уже дал понять Вашингтону, что в случае начала войны против Северной Кореи силы НОАК могут захватить Пхеньян и сохранить северную часть Кореи под своим контролем, взяв на себя ответственность за управление буферной зоной. При этом Пекин четко обозначил, что он не заинтересован в коллапсе Северной Кореи и не допустит его.

КНР выступает против расширительного подхода к реализации жестких санкций, наложенных резолюциями СБ ООН, и трактует их как меры, направленные на блокирование, прежде всего, ракетно-ядерных программ КНДР, но ни в коем случае не гражданского сектора экономики. В итоге КНР резко осуждает ядерные испытания КНДР и поддерживает санкционные резолюции СБ ООН, но на практике не идет на «удушающие» санкции в отношении КНДР. При этом Китай является торгово-экономическим партнером № 1 не только для Северной, но и для Южной Кореи. Этим объясняется стремление Пекина поддерживать сбалансированные отношения с обоими корейскими государствами. Поэтому вероятным сценарием развития отношений Китая с ними российский экспертам представляется продолжение политики, направленной на сохранение нынешнего статус-кво на Корейском полуострове и урегулирование ядерной проблемы путем переговоров в возобновленном шестистороннем формате. Эту позицию Китая Россия поддерживает и призывает все заинтересованные стороны тщательно обдумать предложенный Пекином подход к этой проблеме.

Контакты, направленные на снижение напряженности на полуострове

23 марта 2017 г. советник посольства КНДР в РФ Ким Чжон Гю заявил, что позиция США по КНДР делает невозможным возобновление шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной программе¹⁸. А 31 июля 2017 г. центральная газета КНДР «Нодон синмун» сообщила, что Северная Корея продолжит демонстрацию ядерной мощи до тех пор, пока США не прекратят враждебную политику в отношении страны¹⁹. 22 августа Пхеньян подтвердил, что не откажется от развития своей ракетно-ядерной программы и не намерен ее обсуждать с кем-либо, пока сохраняется угроза со стороны США. Эти заявления в совокупности с новой ядерной стратегией Д. Трампа серьезно препятствуют снижению военной напряженности на Корейском полуострове и мирному решению проблем, связанных с ракетно-ядерной программой КНДР.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, 4 июля 2017 г. В. Путин и Си Цзиньпин во время встречи в Москве сделали совместное заявление о корейском конфликте. В нем лидеры двух стран выдвинули предложения по немедленной деэскалации военной напряженности на Корейском полуострове путем реализации «двойной заморозки» (американо-южнокорейских маневров и ракетно-ядерных испытаний КНДР), на базе трехэтапного плана урегулирования ситуации и скорейшего запуска переговорных механизмов: Пхеньян объявляет мораторий на испытания ракет и ядерных взрывных устройств, а США и РК воздерживаются от крупномасштабных совместных учений в регионе²⁰.

Параллельно с началом моратория планировалось начало переговоров, основанных на общих принципах отказа от применения силы. При этом первой необходимой предпосылкой для возобновления диалога виделось существенное снижение военной активности сторон, их отказ от воинственной риторики с целью деэскалации напряженности, которая «зашкаливала». Как заявил глава МИД РФ С. Лавров, Россия и Китай убеждены, что реализация этой дорожной карты будет способствовать снижению военной активности и напряженности на Корейском полуострове, формированию в Северо-Восточной Азии системы равной и неделимой безопасности²¹.

При этом Москва поддерживала идею Пекина о введении ограничений на ядерную программу КНДР, выступая против новых международных санкций в отношении КНДР и против политики США, направленной на смену режима Ким Чен Ына. Это вызывает противоречия между Россией и США и служит препятствием для их потенциальных обоюдных усилий, направленных на стабилизацию обстановки в регионе.

По мнению российских экспертов, Вашингтон заслуживает такого же порицания за напряженность на Корейском полуострове, что и Пхеньян. Они считают, что если бы Вашингтон не угрожал сменой режима в КНДР и нападением на эту страну, Пхеньян не счел бы необходимым создавать ядерное оружие. С этой точки зрения «Пхеньян предпринимает не упреждающие, а ответные шаги.— отмечал ведущий российский внешнеполитический аналитик Ф. Лукьянов.— Из-за наличия иностранного военного вмешательства Северная Корея создала ядерную и ракетную программу». И санкции, по его мнению, не смогут изменить логику, лежащую в основе стремления Пхеньяна к созданию ядерного оружия²².

При этом КНДР уже доказала, что она способна выдерживать такие санкции. Так, в 2017 г. были приняты четыре резолюции СБ ООН с суровыми мерами против Пхеньяна, в 2016 г. их было три, а всего, начиная с 2006 г., их насчитывается 18(!). И все меньше остается сомнения в том, что внешнеполитический курс США в ООН будет направлен на дальнейшее формирование международного режима изоляции и полной экономической блокады Северной Кореи. Подобный подход Вашингтона не дает Ким Чен Ыну шансов на то, чтобы изменить свое поведение. Печальный опыт С. Милошевича, С. Хусейна, М. Каддафи в их уступках Западу не оставляет у него сомнений в том, что

малейшая односторонняя уступка с его стороны непременно приведет к лавинообразному росту новых требований США с неизбежным финалом — ликвидацией северокорейского государства. Тогда почему же, задают вопросом российские аналитики, американцы считают, что ужесточение экономических санкций убедит Пхеньян отказаться от своей ядерной программы — единственного способа защиты от удара США?

При этом, как отмечают эксперты, Соединенные Штаты до сих пор не подписали мирный договор об окончании Корейской войны и продолжают угрожать Пхеньяну применением военной силы²³. Одновременно Вашингтон, недовольный нежеланием Китая оказать давление на Пхеньян с тем, чтобы тот изменил свой курс, ищет другие варианты решения проблемы. США уже действуют в обход КНР, вступая в диалог с Индией и Монголией как с потенциальными посредниками. Если бы Вашингтон умерил свои планы на Корейском полуострове, приняв де-факто ядерную программу Пхеньяна, и предложил бы Северной Корее гарантии безопасности, Москва могла бы оказать определенное политическое давление на КНДР с требованием остановить дальнейшие испытания ракетно-ядерного оружия. Но пока Вашингтон будет настаивать на военном решении проблемы или смене режима в Пхеньяне, Москва и дальше будет возлагать вину не только на Ким Чен Ына, но и на Д. Трампа.

Что касается перспектив международных переговоров о снижении напряженности на Корейском полуострове, то эти перспективы, по мнению российских аналитиков, выглядят неоднозначно. С одной стороны, Вашингтон отверг российско-китайский план «двойного замораживания» для снижения напряженности на Корейском полуострове, увидев в нем лишь стремление Москвы и Пекина подорвать систему американских военно-политических союзов в регионе. Пессимистический подход к этой формуле выражает и экс-посол РФ в Южной Корее и Японии А. Панов. Он уверен, что эта формула нежизненная и неработающая. «КНДР может и готова временно прекратить испытания, но США, выступающие против ракетно-ядерной программы Пхеньяна, ждут первых шагов именно от Северной Кореи, но не от себя. Пока Пхеньян не сделает первый шаг, Вашингтон ничего делать не будет и не пойдет на компромиссы», — считает Панов. По его мнению, для решения проблемы сначала нужно подписать мирный договор между КНДР и РК, после чего начать многосторонний диалог с участием членов СБ ООН, чтобы достигнуть приемлемого компромисса²⁴.

А пока перспективы нормализации военно-политической обстановки на Корейском полуострове остаются неопределенными. КНДР с учетом явного военного превосходства США и РК будет стремиться избежать развития событий по кризисному сценарию, фактически балансируя «на грани войны» в интересах решения собственных внутри- и внешнеполитических задач. При этом наличие у Северной Кореи оружия массового поражения остается ключевым фактором, удерживающим Вашингтон и Сеул от проведения силовой акции в отношении Пхеньяна²⁵.

С другой стороны, в качестве положительного примера налаживания контактов можно отметить последнюю инициативу России. 24 февраля 2018 г. заместитель министра иностранных дел РФ И. Моргулов призвал Вашингтон провести прямые переговоры между США и Россией по вопросу Северной Кореи. «Я уверен, что динамичное развитие нынешней ситуации на Корейском полуострове требует активного российско-американского диалога по этому вопросу», — заявил Моргулов²⁶. Он также отметил, что Москва готова предоставить свою площадку Вашингтону и Пхеньяну, чтобы те смогли наладить диалог. Этому желает и Пхеньян. Так, во время переговоров 26 февраля 2018 г. с лидером Южной Кореи Мун Чжэ Ином глава разведки КНДР Ким Ён Чхоль заявил, что его страна готова к переговорам с США²⁷. Белый дом так отреагировал на данные слова: «Пхеньян должен продемонстрировать свое стремление к необратимой денуклеаризации Корейского полуострова», тем самым подчеркнув, что КНДР должна подтвердить свои намерения конкретными действиями.

Зимой 2018 г. появились и некоторые позитивные подвижки в отношениях между Пхеньяном и Сеулом. Так, 9 января 2018 г. КНДР и РК договорились провести консультации между военными двух стран о снижении напряженности на межкорейской границе. Они договорились возобновить работу горячей линии связи между военными двух стран, которая была прервана в 2013 г. Кроме того, спортсмены из Северной и Южной Кореи объединились в одну команду на открытии и закрытии зимних Олимпийских игр в Пхёнчхане и вместе участвовали в ряде соревнований²⁸. На игры Пхеньян отправил самых высокопоставленных представителей: сестру Ким Чен Ына Ким Ё Чжон и Ким Ён Нама, занимающего пост номинального руководителя страны (он считается вторым человеком после Ким Чен Ына). По мнению российского эксперта А. Жебина, основная причина того, что КНДР и РК пошли на столь «молниеносное» потепление заключается в том, что обе стороны извлекли из него выгоду.

А далее позитив в развитии отношений между Пхеньяном и Сеулом стал нарастать. 27 апреля 2018 г. в пограничном пункте Пханмунджом состоялась встреча президента Республики Корея Мун Чжэ Ина с лидером КНДР Ким Чен Ыном. Эти переговоры стали первой встречей на высшем уровне между Югом и Севером более чем за 10 лет. По итогам переговоров лидеры двух стран подписали совместную Пханмунджомскую декларацию о мире, процветании и объединении Корейского полуострова. 16 мая Сеул и Пхеньян договорились вновь провести переговоры на высоком уровне. По данным южнокорейского министерства объединения КНДР собиралась направить на встречу делегацию, состоящую из 29 членов во главе с председателем Комитета по мирному объединению родины Ри Сон Гвоном. В нее также должны были войти официальные лица, отвечающие за сферы спорта и экономики, журналисты. Однако в последний момент власти КНДР приняли решение отменить эту встречу, так как Сеул вновь участвовал в военных учениях вместе с США. Хотя президенты РК и США в свое время пообещали перенести эти запланированные военные учения, этого, однако, не произошло, и ответная реакция Пхеньяна была вполне ожидаема.

Поэтому, несмотря на «оттепель» между Пхеньяном и Сеулом, ряд западных аналитиков не верят в то, что намерения Ким Чен Ына пойти на перемирие с РК искренни. Они считают, что он притворяется дружелюбным, чтобы получить больше времени на развитие ядерной программы Северной Кореи. Такого мнения, к примеру, придерживается премьер-министр Японии²⁹.

* * *

Исходя из анализа подходов российских экспертов к северокорейской ядерной проблеме, можно сделать ряд выводов и определить возможные направления взаимодействия России и Китая в интересах снижения военной напряженности на Корейском полуострове.

Во-первых, ядерный кризис на Корейском полуострове — наиболее злободневная проблема для мирового сообщества и серьезная угроза безопасности в Северо-Восточной Азии и международному режиму ядерного нераспространения. В 1993 г. КНДР объявила о выходе из ДНЯО, ссылаясь на наличие «ядерной угрозы» со стороны США и «несправедливых требований определенных кругов МАГАТЭ». Это стало одной из причин роста военной напряженности на Корейском полуострове. Москва и Пекин назвали эти действия Пхеньяна «неприемлемыми, идущими вразрез с резолюциями Совета Безопасности ООН». По их мнению, решение северокорейской ядерной проблемы необходимо искать только на основе политического консенсуса всех участников шестистороннего переговорного процесса, который необходимо восстановить. Другая причина связана с тем, что основу новой ядерной стратегии Трампа составляет возможность применения ядерного оружия в первом ударе практически против любого государства мира, включая КНДР. При этом обновленная ядерная доктрина США понижает порог применения ядер-

ного оружия. В связи с этим в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. сказано, что «...Любое применение ядерного оружия против России или ее союзников... мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями»³⁰.

Во-вторых, международные санкции не оказывают заметного воздействия на КНДР. В этой стране не работает обычный для остальных стран мира механизм действия санкций, от которых, как правило, страдает население страны и значительная часть ее элиты. В КНДР у этой политики нет шансов на успех. Население Северной Кореи не имеет никаких возможностей оказывать давление на политику своего правительства, а вероятность переворота в стране ничтожно мала. Никакие страдания своего населения не могут заставить Пхеньян идти на уступки в вопросах, которые там считают приоритетными. А усиление санкций может привести к тому, что значительная часть населения КНДР окажется в бедственном положении, но на высшее руководство страны и на правительство эта ситуация не окажет никакого влияния.

В-третьих, Россия призывает все стороны, заинтересованные в стабилизации обстановки в регионе, к совместным усилиям в контексте реализации российско-китайской «дорожной карты», в интересах комплексного урегулирования проблем Корейского полуострова единственно возможными — мирными, политико-дипломатическими средствами. Силовой вариант разрешения корейского кризиса абсолютно неприемлем.

В связи с чем китайским и российским ученым и аналитикам в своих статьях и на международных форумах необходимо доводить до сведения мировой общественности последствия применения военной силы на Корейском полуострове и появление феномена «ядерной зимы» на планете в случае, если противоборствующие стороны в развязанной региональной войне применят ракетно-ядерное оружие.

В-четвертых, РФ и КНР сохраняют солидарность по ключевым проблемам Корейского полуострова. Москва и Пекин будут играть важную роль в урегулировании северокорейской ядерной проблемы и содействовать сохранению статус-кво в области нераспространения ядерного оружия в регионе. Позиции России и Китая по этим вопросам усиливаются их постоянным членством в СБ ООН. Существует вероятность того, что они смогут убедить Пхеньян хотя бы временно отказаться от испытательной активности в обмен на частичное сокращение военной активности США, Южной Кореи и Японии. Однако уступки противостоящих сторон будут носить символический характер, а обмены жесткими заявлениями и демонстрация силы возможны в любой момент. США и их союзники не пойдут на значительное сокращение планов учений и оборонных мероприятий в регионе.

В-пятых, позиции российской и китайской сторон по урегулированию корейского ядерного кризиса представляются сбалансированными и конструктивными. Они исходят из того, что подходить к урегулированию проблем Корейского полуострова необходимо в контексте комплексного решения всего спектра проблем, возникших между вовлеченными в кризис сторонами, что создаст благоприятные условия для денуклеаризации полуострова. Это невозможно без снижения военно-политической напряженности, отказа от наращивания военных приготовлений, сокращения масштабов проводимых маневров, формирования атмосферы доверия между государствами региона. Такой подход отражен в Совместном заявлении МИД РФ и КНР от 4 июля 2017 г., в котором изложена «дорожная карта» корейского урегулирования, основанная на соответствующих российских и китайских инициативах. Поэтому Китаю и России важно и далее проявлять активность в налаживании диалога США и КНДР, побуждая их к сдержанности и конструктивному взаимодействию со всеми участниками многостороннего диалога.

Российским и китайским политикам и дипломатам необходимо синхронизовать их практические шаги на различных международных уровнях. Целесообразно продолжать совместную линию, направленную на то, чтобы КНДР объявила о моратории на ядерные испытания и ракетные пуски, а США и РК приостановили совместные воен-

ные учения или снизили их масштабы с целью создания благоприятной атмосферы для начала переговоров о базовых принципах отношений между КНДР, США и РК. После этого стороны смогут перейти к комплексному урегулированию проблем Корейского полуострова, включая его денуклеаризацию, с конечной целью формирования в Северо-Восточной Азии системы мира и безопасности.

В-шестых, в целях начала конструктивного процесса стабилизации обстановки на Корейском полуострове под эгидой ООН представляется целесообразным создать ряд рабочих групп: по денуклеаризации Корейского полуострова; по оказанию экономической/энергетической помощи КНДР; по политическим вопросам и вопросам безопасности. Задача этих групп будет состоять в том, чтобы выработать соответствующие варианты решения конкретных проблем и вынести их на утверждение государств-участников переговоров по стабилизации обстановки на Корейском полуострове. Инициаторами создания таких групп могли бы выступить представители КНР и РФ в ООН. А учитывая высокий уровень недоверия между ключевыми участниками переговоров — КНДР и США, — целесообразно провести серию встреч в двустороннем формате (РФ — США, РФ — КНДР, КНР — США, КНР — КНДР) дабы побудить Пхеньян и Вашингтон к большей гибкости и сговорчивости. Одновременно ООН должна дать четкое определение правам Пхеньяна на «мирный атом», задействовав при этом механизм контроля со стороны МАГАТЭ.

В-седьмых, реалистичным путем достижения конечной цели денуклеаризации Корейского полуострова является постепенное продвижение от решения более простых вопросов к более сложным. Поэтому представляется важным, чтобы КНДР и США предприняли шаги, характеризующие серьезность их намерения искать выход из тупиковой ситуации. Пхеньян мог бы объявить о начале процесса восстановления своего членства в ДНЯО, а Вашингтон приостановил бы осуществление санкций, введенных в отношении северокорейских компаний. Россия и Китай могли бы выступить посредниками этих шагов со стороны КНДР и США, добиваясь их синхронности. Для этого Москва и Пекин могут задействовать принцип, зафиксированный в Совместном заявлении РФ и КНР, — «обязательство в обмен на обязательство, действие в обмен на действие». Этот принцип можно также применить для нормализации межгосударственных отношений КНДР и Японии и замены Соглашения о перемирии 1953 г. комплексной системой мира на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии.

1. *Степаненко Е.* Имеет ли Северная Корея ядерное оружие? URL: <http://fb.ru/article/346957/imeet-li-severnaya-koreya-yadernoe-oruzhie-stranyi-s-yademyim-oruzhiem>
2. Военный эксперт оценил ядерный потенциал КНДР. URL: <https://ria.ru/world/20180118/1512828932.html>
3. *Gronlund Lisbeth, Wright David, Fetter Steve.* How to limit presidential authority to order the use of nuclear weapons. US Bulletin of the Atomic Scientists. URL: <https://thebulletin.org/how-limit-presidential-authority>
4. Эксперты: заявления КНДР о ядерном оружии — скорее шантаж, чем реальная угроза. URL: <http://tass.ru/politika/2717909>
5. Михаил Ульянов: договор РСМД сейчас оказался в сложном положении. URL: <http://www.interfax.ru/interview/592516>
6. *Клименко А.Ф.* Национальные интересы России в АТР, их соотношение с интересами других акторов в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Сб. ст. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 28–57.
7. *Батюк В.А., Морозов Ю.В. и др.* Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века. М.: Институт США и Канады РАН, 2017. 328 с.
8. Путин: в КНДР «праву будут есть», но не откажутся от ядерной программы. URL: <http://tass.ru/politika/4532288>

9. Сергей Лавров: Уверен, в отношении США к России наступит отрезвление.
URL: <https://www.discred.ru/2017/12/25/sergej-lavrov-uveren-v-otnoshenii-ssha-k-rossii-nastupit-otrezvlenie/>
10. Указ Президента Российской Федерации № 484 от 14.10.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42376>
11. *Лузянин С.Г.* РФ и КНР в ШОС. М., 2015. 83 с.
12. *Гордиенко Д.В.* Изменение уровня безопасности США в рамках экономической кооперации государств — участников Транстихоокеанского партнерства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. № 6. С. 1176–1188.
13. *Клименко А.Ф.* Россия и вопросы обеспечения безопасности в Центральной Азии // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 271–280.
14. *Жебин А.З.* Северная Корея: бомбы, ракеты, санкции // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С. 2–9.
15. *Жебин А.З.* Ядерная проблема и пути ее решения на Корейском полуострове. М.: ИД «ФОРУМ», 2016. С. 264–284.
16. *Асмалов К.* Если Трамп решит воевать с Кимом, погибнут миллионы людей // Новые Известия. 12.01.2018.
17. Эксперт: Объединение КНДР и Южной Кореи приведет к размещению войск США у границ РФ. URL: <http://nsn.fm/in-the-world/ekspert-obedinenie-kndr-i-yuzhnoy-korei-privedet-k-gazmesheniyu-voysk-ssha>
18. В КНДР заявили о невозможности переговоров по ядерной программе из-за США. URL: <https://ria.ru/world/20170323/1490641566.html>
19. Северокорейская газета рассказала, зачем КНДР устраивает демонстрацию сил. URL: <https://ria.ru/world/20170731/1499443470.html>
20. Совместное заявление МИД РФ и МИД КНР по проблемам Корейского полуострова. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662
21. Лавров призвал поддержать план РФ и КНР по урегулированию на Корейском полуострове. URL: <http://tass.ru/politika/4663154>
22. *Лухьянов Ф.* Почему Трамп не рискнет бомбить Северную Корею. URL: https://www.znak.com/2017-09-04/politolog_fedor_lukyanov_pochemu_tramp_ne_risknet_bombit_severnyuyu_koreyu
23. *Морозов Ю.В.* Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН, 2016. 376 с.
24. Корейский узел: как Россия, Китай и США рассчитывают давить на Пхеньян. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/07/2017/595a70889a7947130c9b8295>
25. *Кузнецов А.* О ситуации на Корейском полуострове // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 12. С. 3–11.
26. Интервью заместителя Министра иностранных дел России И.В. Моргулова информагентству ТАСС. 20 января 2018 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id
27. КНДР заявила о готовности к переговорам с США. URL: <https://regnum.ru/news/2384093.html>
28. Атлеты из КНДР и Южной Кореи прошли под одним флагом на открытии Олимпиады. URL: <https://sputnik.by/sport/20180209/1033555905/atlety-iz-kndr-i-yuzhnoj-korei-proshli-pod-odnim-flagom-na>
29. Япония и США согласились продолжать оказывать давление на Северную Корею. URL: <https://dknews.kz/politics/65564-yaponiya-i-ssha-soglasilis-prodolzhat-okazyvat-davlenie-na-severnyuyu>
30. Послание Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. — М.: ИТАР ТАСС, 2018. 22 с.

Экономика

Потенциальные варианты перехода БРИКС к согласованной экономической политике

© 2018

М.В. Жариков

Автор рассматривает два варианта интеграции стран БРИКС: через «шоковую терапию» или *градуализм*. На основе проведенного анализа в статье предложена программа гармонизации к 2030 г. валютных систем стран БРИКС по базовым макропоказателям при соблюдении согласованной кредитно-денежной политики, установлении единой ставки рефинансирования и утверждении общей расчетной денежной единицы.

Ключевые слова: БРИКС, согласованная экономическая политика, базовые макропоказатели, гармонизация экономики, «шоковая терапия», *градуализм*.

При наличии воли к осуществлению экономической интеграции странам БРИКС необходимо придерживаться общей (согласованной) экономической политики, что предполагало бы тесную координацию макроэкономической политики с охватом кредитно-денежной, бюджетной и фискальной сфер. Результатом проведения согласованной экономической политики явилась бы гармонизация экономик стран, входящих в группу¹.

Рассматривая условия внедрения общей экономической политики в рамках БРИКС, целесообразно сопоставить их с Маастрихтскими критериями формирования зоны евро, не закрывая глаза на их недостатки, ибо важнейшим вектором достижения целей более глубокой интеграции должно быть условие оптимальности, а не формально оглашенные постулаты. Это означает, в частности, что критериями участия в их гипотетической единой валютной зоне будут выступать не 2–3% инфляции в год, не 3% бюджетного дефицита в ВВП и не 60% госдолга в ВВП, а показатели, исходящие из интересов развития промышленности, общества, нации. А именно: оптимальный объем денежной массы в обращении, не провоцирующий высоких темпов инфляции, оптимальная величина дополнительного предложения денег, потребляемого экономикой без ее перегрева, оптимально допустимые размеры бюджетного дефицита и доли госдолга в ВВП.

Жариков Михаил Вячеславович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Отдела экономических исследований Института Европы РАН, профессор департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: michaelzharikov1@gmail.com.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Теоретико-методологические основы формирования стратегии инклюзивного развития экономики России» № 17-02-00040 «а».

В данной работе внимание концентрируется на кредитно-денежной политике как составной части общей экономической политики стран БРИКС². Общая согласованная кредитно-денежная политика имеет целью формирование общего рынка денег стран БРИКС; установление единой ставки рефинансирования, единой нормы резервирования, ставки выкупа государственных облигаций на открытом рынке; эмиссию единой расчетной денежной единицы, создание эмиссионного центра, согласованное предложение денег и согласованные лимиты кредитования³.

Переход к единой кредитно-денежной политике может иметь разные последствия для стран — членов БРИКС, поскольку в каждой действуют собственные национальные денежные системы, обращаются свои национальные валюты, сложились самостоятельные эмиссионные центры — центральные банки⁴.

Варианты перехода к согласованной экономической политике

Переход на единую экономическую политику в целом и единую кредитно-денежную политику, в частности, в мировой практике осуществляется, как правило, посредством «шоковой терапии», градуалистского подхода и смешанного механизма.

При интеграции разных по экономическим параметрам стран «шоковая терапия» оправдана только в случае форс-мажорных обстоятельств, возникающих из необходимости концентрации центростремительных сил формального объединения стран ввиду существования общей внешней угрозы, ставящей страны-члены в условия экзистенциальной опасности. Она может быть вызвана соображениями поддержания суверенитета, экономической безопасности, выживания в период турбулентных трансформаций, протекающих объективно, независимо от воли и сознания интегрирующихся субъектов.

Так, в 2015 г. в результате «шоковой терапии» заработал Евразийский экономический союз, в котором еще не были полностью завершены этапы формирования и развития таможенного союза и общего рынка, еще не сложились общие принципы единой экономической, промышленной и сельскохозяйственной политики. «Шоковая терапия» как метод стремительного объединения стран целесообразна и эффективна в случаях, если интегрируются субъекты, близкие по степени экономического и социального развития, общественно-политического устройства.

Противоположным «шоковой терапии» является градуалистский подход, нацеленный на постепенную подготовку устойчивых конкурентных преимуществ и достижение синергетического эффекта, в результате чего интегрируемые страны осуществляют сложение компетенций, которые становятся базой создания более высокого международного конкурентного преимущества.

Мотивировкой экономической интеграции обычно служит дефицит конкурентных преимуществ в той или иной сфере. То есть состояние, при котором экономика страны, рассматривающей возможность участия в интеграционной группировке, не может обеспечить полного цикла воспроизводственного процесса, что часто обусловлено нехваткой природных ресурсов, либо рабочей силы, либо капитала, либо совокупности факторов производства. Если же соединение конкурентных преимуществ происходит на уровне корпораций, то межгосударственная интеграция необязательна: достаточно осуществить слияние или поглощение компании, способной обеспечить стабильные поставки дефицитного сырья или иного фактора производства.

На уровне суверенных государств (особенно близких по территории, языку, культуре, истории, имеющих общие цели, геополитические и геоэкономические интересы) участие в совместных проектах региональной специализации и кооперации труда и производства становится фактором, могущим инициировать развитие интеграционных связей на многих стадиях воспроизводства (например, соглашение по созданию совместного предприятия между Россией и страной ближнего зарубежья).

При освобождении от различных ограничений во внешнеэкономических связях возникают предпосылки формирования договоров об интеграции: преференциальных соглашений, договоров о зонах беспошлинной торговли, о таможенных союзах, общем рынке, единой экономической политике, единой валюте и пр. Для определения, в каких сферах экономической деятельности налицо дефицит конкурентных преимуществ, нужен аудит воспроизводственного процесса в стране, склонной к интеграции, чтобы определить недостающие звенья единого цикла производства готовой продукции. Другими словами, градуалистский подход к единой экономической политике означает поэтапную, пошаговую гармонизацию национальных различий по основным макропоказателям, протекающую долгий период времени на основах здравого смысла и взвешенности политических решений, во избежание серьезных потрясений для экономик интегрирующихся стран.

С одной стороны, «шоковая терапия» и градуалистский подход зачастую сочетаются в смешанном механизме единой экономической политики. Так, ЕС служит примером градуалистского механизма перехода к единой экономической политике, поскольку прошел через ряд этапов за долгий период времени. Одна из ступеней этого процесса (валютная интеграция) осуществлялась в ЕС поэтапно, а именно: в 1979 г. единая расчетная единица была разработана, итогом валютной интеграции стали переход на единую валюту и реализация единой кредитно-денежной политики с общей ставкой рефинансирования и кредитором последней инстанции⁵.

С другой стороны, поэтапность и постепенность перехода к единой валютной политике носили в данном случае фиктивный характер, ибо сроки принятия или ратификации соглашений, предусматривавших введение единой валюты, единой ставки и т.д., устанавливались, по сути, директивно. Реальная же гармонизация показателей социально-экономического развития в потенциальных странах-членах еврозоны не имела места (или протекала очень слабо), и они, в конечном счете, вошли в ее состав с существенно разнившимся уровнем бюджетного дефицита, налогообложения, ставками по кредитам, нормами резервирования, темпами экономического роста и инфляции, не достигнув и не реализовав Маастрихтских критериев в полной или хотя бы в удовлетворительной мере. Например, в Греции ставка по кредитам сразу снизилась в среднем с 18 до 4%, то есть до уровня развитых стран, составляющих ядро европейской интеграции. Поэтому объем кредитования существенно превышал способность слабых экономик Греции, Португалии, Ирландии к рациональному использованию мультиплицировавшейся денежной массы. В связи с этим валютную интеграцию в ЕС лишь условно можно охарактеризовать как градуалистскую. Такой механизм следует рассматривать как смешанный, в котором преобладала «шоковая терапия» с соблюдением внешних, декларативных, формальных признаков постепенной интеграции. В результате ныне ни одна из стран — членов еврозоны — Маастрихтских критериев не выполняет.

Вероятные последствия либерализации движения кредитных ресурсов в странах БРИКС

Переходя к предмету данной работы, следует отметить, что если бы страны БРИКС гипотетически воспользовались либеральными принципами и шоковым методом по программе с условным наименованием «365 дней» (по аналогии с планом «500 дней» перехода к рыночной экономике в РФ в начале 1990-х годов)⁶, то мгновенное расширение и мультиплицирование кредитных денег в экономической системе оказалось бы губительным для Бразилии, России, Индии и ЮАР, как более слабых членов группировки по экономическому, промышленному, производственному и финансовому потенциалам в сравнении с Китаем. В них выше темпы инфляции, ставки по кредитам и ставки рефинансирования, менее эластичны предложение и спрос на деньги. Китай практически не ощутил бы на себе значительных изменений при переходе к единой экономической и ва-

лютной политике, так как здесь самая низкая среди стран БРИКС ставка рефинансирования. Следовательно, условия кредитования в нем более гибкие и эластичные.

В свою очередь, интеграция стран БРИКС с целью создания общего экономического пространства и единой валютной системы потребовала бы отмены ограничений на перемещение капитала. Поскольку капитал, особенно спекулятивный, перемещается в страны с более высокой процентной ставкой, то Бразилия, Россия, Индия и ЮАР оказались бы объектами агрессивного инвестирования со стороны китайских экономических субъектов, что в итоге расшатало бы их экономики и спровоцировало бы финансовый кризис⁷.

Таблица 1

Вероятный эффект для стран БРИКС от «шоковой терапии» перехода к единой кредитно-денежной политике

Показатель	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Ставка рефинансирования, 2016 г., %	13,75	10,00	6,75	2,90	7,00
ВВП 2016 г., трлн долл.	1,79	1,26	2,26	11,20	0,29
Денежная база, 2016 г., млрд долл.	184,03	164,70	211,43	4650,17	16,32
Количество денег в обращении, 2016 г., млрд долл.	66,49	125,93	116,72	1127,02	10,14
Коэффициент обеспечения ВВП денежной базой, не вызывающий инфляции, %	10,25	13,09	9,36	41,52	5,55
Коэффициент обеспечения ВВП денежной массой, не вызывающий инфляции, %	3,70	10,01	5,17	10,06	3,45
Новая ставка рефинансирования, %	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00
Дополнительное количество денег по новой ставке, млрд долл.	44,67	83,73	118,14	1024,64	6,43
Новая денежная база, млрд долл.	307,66	274,19	425,44	8877,91	26,65
Новое количество денег в обращении, млрд долл.	111,16	209,66	234,86	2151,65	16,57
Коэффициент обеспечения ВВП новой денежной базой, %	17,14	21,79	18,83	79,27	9,06
Коэффициент обеспечения ВВП новой денежной массой, %	6,19	16,66	10,39	19,21	5,63
ВВП, который может быть обеспечен за счет новой денежной массы, трлн долл.	3,00	2,10	4,55	21,38	0,48
Прирост ВВП, который может быть обеспечен за счет новой денежной массы, трлн долл.	1,21	0,84	2,29	10,18	0,19
Экономический рост, на который должен увеличиться ВВП для адекватной реакции на рост денежной массы в 2017 г., %	67,18	66,48	101,22	90,92	63,35

Составлено автором по данным: *International Monetary Fund. Principal Global Indicators*. URL: <http://www.principalglobalindicators.org/regular.aspx?key=60942003> (дата обращения: 13.12.2017).

Для обоснования этого положения в работе произведен расчет оптимальной величины дополнительной денежной массы, не вызывающей инфляции, перегрева в экономике и кредитного бума как ведущего критерия или принципа формирования гипотетического единого валютного соглашения стран БРИКС. Эти расчеты базируются, прежде всего, на темпах экономического прироста, на какой мог бы увеличиться ВВП каждой из

стран БРИКС при нахождении их экономик на *кривой трансформации*, при полной занятости населения и полной загруженности производственных мощностей.

В табл. 1 рассчитан экономический эффект для стран БРИКС от перехода к единой кредитно-денежной политике в течение одного года (за который автором принят 2016 г.)

Целесообразность градуалистского подхода обосновывается в статье с помощью модели, в которой ВВП стран БРИКС соотносится с объемом денежной базы и денежной массы с допущением, что эта величина остается постоянной на протяжении всего времени перехода к единой валютной политике. Используя это соотношение, можно рассчитать потенциальные величины ВВП и денежной массы по завершении интеграции. В частности, чтобы определить размер ВВП, который может быть обеспечен за счет величины денежной массы, на которую увеличится количество денег в обращении в результате снижения внутренних ставок рефинансирования в странах БРИКС до общей ставки, необходимо подставить долевые значения, принятые за константу, в следующие формулы:

$$K_{об} = ДМ / ВВП * 100\%, \quad (1)$$

$$ДМ = K_{об} * ВВП * 100\%, \quad (2)$$

$$ВВП = ДМ * 100\% / K_{об}, \quad (3),$$

где $K_{об}$ — коэффициент обеспечения ВВП денежной массой, принятый в формируемой модели для каждой из стран БРИКС за константу, то есть значение этого показателя при начале процесса интеграции совпадает с его уровнем по завершении: ДМ — денежная масса, которая потенциально может быть получена в результате установления общей ставки рефинансирования⁸.

Если страны БРИКС сразу перейдут на единую валюту, единую кредитно-денежную политику и ставку рефинансирования, то их экономики в течение одного года должны потребить все кредитные ресурсы, на величину которых вырастет предложение денег на их внутренних рынках в результате свободного рыночного самоопределения и принципа рыночного фундаментализма. Тогда, если сопоставить ВВП и количество дополнительных кредитных средств, как показано в табл. 1, то, бразильская экономика, чтобы уравновесить и сбалансировать макросистему, должна будет вырасти за один год на 67,3%, экономика России — на 66,5, Индии — на 101,2 и ЮАР — на 63,3. то есть ВВП этих стран в среднем должен будет вырасти более чем вдвое, чтобы предложение товарно-материальных запасов адекватно отреагировало на рост денег в странах, а это, согласно здравому смыслу и принципу рассудительности, невозможно реализовать без острых негативных последствий для населения, промышленного производства, стабильности цен и прочих макроэкономических показателей.

Между прочим, это объясняет, почему Греция в 2009 г. вступила в период серьезного долгового кризиса: с 2002 г. она сразу столкнулась с мощным, неконтролируемым потоком свободных кредитных средств, повлекших бум потребительского кредитования и наращивание долгов. Без адекватного роста налогов увеличились государственный и частный долги Греции, и когда коммерческие банки (преимущественно, зарубежные) востребовали возврат кредитов, ее правительство фактически объявило технический дефолт.

Вариант программы перехода стран БРИКС до 2030 г. к единой экономической политике

Во избежание подобного развития в странах БРИКС автор предлагает иную модель перехода к единой валюте и единой кредитно-денежной политики: градуалистскую. В ней устанавливается величина кредитных денег, на которую целесообразно увеличивать денежную базу и денежную массу в экономике для обеспечения адекватного роста ВВП. Эта сумма названа оптимальной, так как именно на нее целесообразно расширять предложение денег для создания дополнительной покупательной способности населения, чтобы приобрести товары и услуги, производимые в количестве, помноженном

на темп среднегодового роста экономики. В результате складывается план-график (табл. 2), на основе которого гармонизация предложения денег и процентной ставки в странах БРИКС может завершиться к 2030 г. на уровне 2%, при условии, что их ВВП рос в темпе, спрогнозированном в пределах, отраженных в табл. 3, а оптимальное умножение (к 2030 г.) денег в обращении — на величины, представленные в табл. 4.

Таблица 2

План-график программы гармонизации ставок рефинансирования стран БРИКС до 2030 г.

Гармонизация ставок рефинансирования	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Этап стартовый (2016 г.)	13.8	10.0	6.8	2,9	7,0
Этап 1, 2017 г.	13.5	9.8	6,4	2,8	6,8
Этап 2, 2018 г.	13.0	9,4	6,0	2,8	6,7
Этап 3, 2019 г.	12,4	8,9	5,7	2,7	6,4
Этап 4, 2020 г.	11,6	8,5	5,4	2,6	6,0
Этап 5, 2021 г.	10,6	7,9	5,0	2,6	5,6
Этап 6, 2022 г.	9,6	7,2	4,7	2,5	5,1
Этап 7, 2023 г.	8,6	6,5	4,3	2,4	4,7
Этап 8, 2024 г.	7,6	5,8	4,0	2,4	4,3
Этап 9, 2025 г.	6,6	5,3	3,7	2,3	4,0
Этап 10, 2026 г.	5,7	4,6	3,4	2,2	3,6
Этап 11, 2027 г.	4,7	3,9	3,0	2,2	3,2
Этап 12, 2028 г.	3,8	3,3	2,7	2,1	2,8
Этап 13, 2029 г.	2,9	2,7	2,3	2,0	2,4
Этап 14, 2030 г.	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0

Составлено автором.

Таблица 3

Прогноз темпа прироста ВВП до 2030 г., при котором достигается гармонизация ставок рефинансирования,

Этапы динамики ВВП стран БРИКС	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Этап 1, 2017 г.	1,8	1,1	7,3	6,2	1,9
Этап 2, 2018 г.	2,5	3,0	7,7	6,0	2,3
Этап 3, 2019 г.	3,2	3,8	6,1	5,8	3,1
Этап 4, 2020 г.	4,3	3,3	5,9	5,6	4,9
Этап 5, 2021 г.	5,2	4,7	5,6	5,4	4,8
Этап 6, 2022 г.	4,9	5,3	5,4	5,2	4,6
Этап 7, 2023 г.	4,7	4,9	5,2	5,0	4,4
Этап 8, 2024 г.	4,4	4,5	5,0	4,7	4,2
Этап 9, 2025 г.	4,1	3,1	3,0	4,4	3,0
Этап 10, 2026 г.	3,9	4,1	4,6	4,1	3,7
Этап 11, 2027 г.	3,6	4,2	4,4	3,9	3,5
Этап 12, 2028 г.	3,4	3,4	4,1	3,5	3,3
Этап 13, 2029 г.	3,3	3,2	3,9	3,3	3,2
Этап 14, 2030 г.	3,0	3,5	3,6	3,0	3,0

Составлено автором.

Таблица 4

**План-график программы оптимального увеличения денежной массы
в странах БРИКС, не вызывающего инфляцию, до 2030 г.**

Этапы гармонизации	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Этап 1, 2017 г.	1227,5	1443,5	8513,9	70437,8	194,8
Этап 2, 2018 г.	1704,4	3819,5	9590,0	71769,8	242,0
Этап 3, 2019 г.	2221,2	4987,4	8222,6	73294,0	331,5
Этап 4, 2020 г.	3082,8	4487,1	8401,3	75266,5	539,4
Этап 5, 2021 г.	3854,0	6725,9	8556,4	77035,3	543,9
Этап 6, 2022 г.	3883,9	7803,4	8710,0	78205,9	547,6
Этап 7, 2023 г.	3840,2	7613,6	8848,5	78538,5	549,1
Этап 8, 2024 г.	3788,8	7457,0	8953,7	77867,7	547,1
Этап 9, 2025 г.	3723,6	5327,3	5556,5	76388,0	407,0
Этап 10, 2026 г.	3624,9	7210,2	8848,9	74763,0	523,8
Этап 11, 2027 г.	3540,4	7683,8	8802,8	72462,3	517,1
Этап 12, 2028 г.	3480,0	6438,2	8640,7	69315,8	504,7
Этап 13, 2029 г.	3408,9	6315,3	8412,3	66019,6	498,8
Этап 14, 2030 г.	3288,8	7183,5	8085,8	63272,1	478,6

Составлено автором.

В табл. 2–4 представлены планы-графики градуалистского перехода на единую валюту БРИКС (с начальным и конечным этапами). Как явствует из них, показатели Бразилии, России, Индии и ЮАР колеблются на одном примерно уровне, а соответствующие показатели КНР растут со значительным опережением. Чтобы адекватно отреагировать на потребность своей экономики и на потребности остальных четырех стран БРИКС в кредитах, китайский ВВП должен будет, согласно данной модели, вырасти к 2030 г. до 21,4 трлн долл., а денежная масса — до 2,1 трлн долл. Верность полученных результатов обусловлена допущением, что эластичность спроса и предложения на внутренних рынках денег останется неизменной на протяжении рассматриваемого периода. Это означает, что в течение всего процесса гармонизации до 2030 г. необходимо будет проводить на уровне стран БРИКС согласованную, однородную кредитно-денежную политику.

Обоснование рекомендаций по проведению общей кредитно-денежной политики стран БРИКС

Общая кредитно-денежная политика стран БРИКС до 2030 г. такова:

1. Модель, предложенная в данной работе, построена на основе *кривых спроса и предложения* денег на уровне национальных экономик стран БРИКС и справедлива в случае, если эти *кривые* сохраняют установленный угол наклона и смещения, согласно уравнениям, приведенным в табл. 5. Это означает, что спрос и предложение денег должны иметь одинаковую эластичность на всем протяжении процесса гармонизации.

Уравнения, приведенные в табл. 5, получены на основе анализа ставок по кредитам коммерческих банков стран БРИКС, ставки межбанковского кредита и ставки рефинансирования центральных банков, а также количества денег в обращении. При составлении этих уравнений, характеризующих кредитно-денежные системы стран БРИКС, использованы как фактические данные, так и гипотетические значения ставок коммерческих банков, построенные в соответствии с заданными уравнениями функций. Этим коммерческим банкам могут быть присвоены наименования Bank A, Bank B и Bank C, по средневзвешенным ставкам которых потенциально может быть предоставлено количество денег, необходимое для удовлетворения потребностей общества в кредитах. Данное допущение предложенной модели сводится к тому, что на любом рынке, включая де-

нежный, должны быть представлены товары по цене ниже рыночной при величине спроса или предложения больше рыночной. В действительности такая ситуация на рынке денег иметь места практически не может, поскольку ставка кредитора последней инстанции — центрального банка — является, как правило, минимальной, наименьшей для всей национальной валютной системы и ниже опускаться не может.

Таблица 5

Уравнения функций спроса на деньги в странах БРИКС до 2030 г.

Страны БРИКС	Функция спроса на деньги
Бразилия	$y = -0,26174x + 31,17764$
Россия	$y = -0,09324x + 21,74156$
Индия	$y = -0,04007x + 11,42709$
Китай	$y = -0,000891266x + 3,905214846$
ЮАР	$y = -0,77467x + 14,85721$
БРИКС	$y = -1,9115x + 12,47$

Составлено автором.

Еще одно допущение построенных *кривых*, в особенности касающееся Китая, заключается в следующем: коль скоро его спрос на деньги наиболее эластичен, то соответствующее уравнение имеет наибольший угол наклона. Поэтому существенное изменение внутренней ставки при формировании либеральной модели движения капитала между странами БРИКС будет сопровождаться серьезным сокращением величины кредитной массы в экономике страны-донора. На практике это вряд ли могло бы быть разрешено правительством КНР, т.к. нанесло бы непоправимый ущерб экономике. Так, по составленному уравнению, если ставка Центрального банка КНР увеличится с 2,9 до 3,9%, то даже такое, вроде бы, малое изменение (лишь на 1,0%) повлечет резкий спад спроса на деньги: с 1,1 трлн до 5,8 млрд долл., что противоречит здравому смыслу и целесообразности образования гипотетического валютного союза стран БРИКС. Поэтому максимальная ставка, что фактически могла бы быть установлена для всех стран БРИКС в случае реализации либеральной модели и перехода на единую валюту по методу «шоковой терапии», находится в жестком интервале с большим значением ставки рефинансирования в Китае, но не превышающем 3,1%, поскольку по этой ставке предложение денег в самом Китае должно было бы сократиться с 1,1 трлн до 0,9 трлн долл., что чревато немалым дефицитом кредитных ресурсов и вероятным кризисом ликвидности в стране.

Следовательно, для выполнения условий модели, построенной на случай изменения спроса на деньги внутри одной из стран БРИКС, центральный банк должен будет реагировать соответственной политикой. Так, если произойдет увеличение спроса на деньги на национальном рынке, центральный банк не сможет расширить предложение денег для удовлетворения потребности экономических субъектов в деньгах, поскольку его полномочия и компетенции ограничены согласованной кредитно-денежной политикой стран БРИКС, и он может увеличить предложение денег только на величину, соответствующую плану-графику, принятому на конкретный год, в соответствии с табл. 4.

Иными словами, центральному банку стран БРИКС пришлось бы при возникновении подобной ситуации тормозить рост спроса на деньги (а также закономерный рост внутренней ставки межбанковского кредита и учетной ставки) как кредитору последней инстанции. В таких условиях закономерно возникает дефицит, а затем и кризис ликвидности. То есть темп экономического роста также должен ограничиваться, поскольку ликвидные средства, как правило, расходуются на инвестиции, сбережения и потребление, рост которых ведет к росту ВВП. Иначе нарушались бы условия гармонизации, и страны БРИКС, как и страны в зоне евро, стали бы развиваться с разной скоростью, в результате чего они — одни раньше, другие позже — подойдут к введению единой ставки рефинансирования, эмиссии общей валюты и учреждению единого клирингового центра — кредитора последней инстанции. Следовательно, кредитно-денежная политика должна до-

полняться согласованной странами БРИКС фискальной и бюджетной политикой, в рамках которой для ограничения темпов роста экономики придется сокращать субсидии сельхозпредприятиям и прочим отраслям, состоящим под покровительством государства, урезать расходы по статьям бюджета для госсектора, а также увеличивать налоги.

Такая поддержка кредитно-денежной политики центрального банка должна быть быстрой и действенной. Другими словами, сигнал к сокращению предпринимательской активности, исходящий от государства, должен быть таким, чтобы экономические субъекты отреагировали моментально. Для создания такого сигнала государству следует выбрать перечень соответствующих налогов и сборов, которые быстро окажут воздействие на экономику, в обход длительного, бюрократического процесса принятия и корректировки действующего бюджета. Таковыми могут послужить налог на потребление, таможенные тарифы и др.

2. Сокращение спроса на деньги в экономике также сулит вызовы в адрес согласованной, общей экономической политики стран БРИКС, ибо влечет за собой падение ставки межбанковского кредита и учетной ставки национального клирингового центра. Как правило, для восстановления равновесия в таких условиях центральный банк сокращает предложение денег в экономике. В результате образуется экономия денег, на что, согласно плану-графику, увеличивается их предложение для адекватного обеспечения темпов экономического роста в стране. Поэтому в случае, если центральный банк выполнит предписание согласованной кредитно-денежной политики, принятой на уровне стран БРИКС, то это вызовет еще большее сокращение ставок, удешевление кредита, роста инвестиционной активности и потребления, что может простимулировать дальнейший экономический рост и интенсифицировать скорость развития, тем самым вновь вызывая отставание одних стран БРИКС от других при выполнении общей программы гармонизации.

Это означает, что даже в ситуации падения ставок рефинансирования и межбанковского рынка и образования экономии кредитных ресурсов необходимо восстановление баланса экономики на прежнем уровне. В таких условиях центральному банку целесообразно стимулировать спрос на национальную валюту посредством установления более высокой нормы резервирования, повышения ставки по краткосрочным облигациям и ставки РЕПО, а также ставок по вкладам и депозитам в национальной валюте. Помимо этого целесообразно было бы увеличить предложение иностранной валюты на межбанковском рынке, чтобы относительно поднять курс национальной валюты.

3. Согласно прогнозу, разработанному для построения модели единой валютной системы, в 2025 г. в странах БРИКС следует ожидать падения темпов экономического роста, которое будет сопровождаться, возможно, периодом рецессии (рис. 1). Ввиду этого центральные банки и ответственные органы правительств стран БРИКС должны осуществлять постоянный мониторинг основных макроэкономических показателей и в случае их отклонения от заданных параметров модели и общего плана-графики программы гармонизации принимать соответствующие меры. Иными словами, чтобы темпы экономического роста не продолжились падать в 2026 г., потребовалось бы проводить стимулирующую бюджетную и фискальную политику, а именно: сокращать налоги и увеличивать госрасходы, субсидии. Другим вариантом стало бы ожидание автоматического выравнивания темпов экономического роста.

При разработке положений общей экономической политики стран БРИКС необходимо также определиться с субъектом, который будет наделен функциями осуществлять эмиссию новой валюты, устанавливать ставку рефинансирования, обеспечивая оптимальное количество денег в обращении. Согласно практике интеграционного валютного соглашения, действующего в ЕС, этим субъектом является общерегиональный центральный банк. Однако Европейский центральный банк не имеет полномочий выпускать в обращение единую валюту, а может только устанавливать ставку рефинансирования. Эмиссию же денег в зоне евро продолжают осуществлять национальные центральные банки. Это означает, что фактически Европейский центральный банк не является кредитором последней инстанции. В этой связи странам БРИКС следует определиться, будет ли формирующийся центральный банк выполнять в полной или ограниченной степени

функции кредитора последней инстанции. Здесь также возможен градуалистский подход. Например, до 2030 г., вплоть до окончания периода гармонизации, функции эмитента новой валюты БРИКС следовало бы распределить между центральными банками стран — членом группы в определенных согласованных пропорциях, а затем к 2031 г. — ратифицировать соглашение стран БРИКС о полной передаче полномочий эмиссионного центра кредитору последней инстанции.

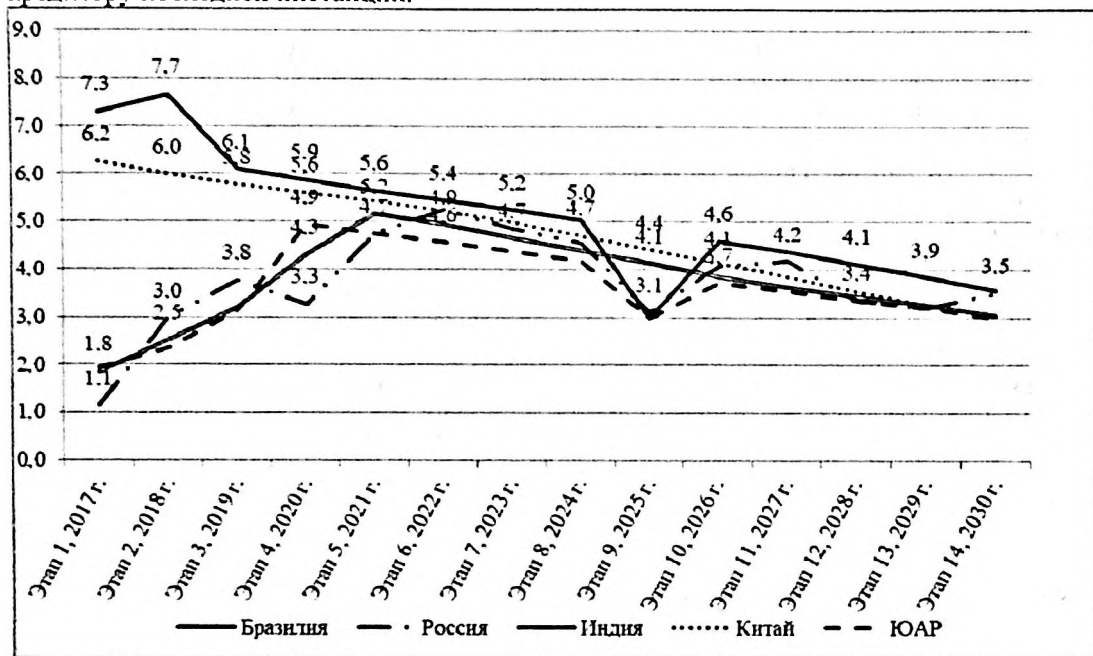

Рис. 1. Динамика прогнозных темпов прироста ВВП стран БРИКС до 2030 г.

Составлено автором.

Оптимальное количество денег в обращении в странах БРИКС

Важнейшим вопросом, который встанет перед кредитором последней инстанции при выпуске новых дензнаков, является расчет количества денег в гипотетической валюте БРИКС. Для ответа на это следует обратиться к классической формуле денежного равновесия — формуле И. Фишера, а именно:

$$MV=YP \quad (4)$$

В соответствии с этой формулой, в национальной экономике количество денег в обращении, умноженное на скорость обращения денежной единицы, соответствует номинальному объему ВВП, или произведению реального ВВП на уровень цен в стране.

В связи с тем, что валюта БРИКС гипотетически и потенциально может использоваться как во внутреннем, так и в международном обращении, то количество требуемых денег имеет три уровня измерения, на которых объем денежной массы в валюте БРИКС соответствует обеспечению:

- национальных потребностей экономик стран БРИКС;
- потребностей компаний стран БРИКС для опосредования взаимных торгово-экономических и финансовых сделок;
- международного оборота стран мира в сфере торговли, инвестиций, кредита, денежных переводов и т.д.

Согласно монетаристской теории, в национальной экономике 100% денежной массы должно соответствовать 100% товарной массы для поддержания стабильности цен и

умеренных темпов инфляции. Впрочем, в развитых странах достаточно распространено соотношение примерно 120% денежной массы на 100% валового продукта. Это обусловлено необходимостью стимулирования предпринимательской деятельности и экономического роста. Вычисление дополнительного количества денег основывается также на формуле И. Фишера. Полностью ВВП обеспечивается денежной массой в трех из стран БРИКС (кроме Бразилии и Китая), причем в России очевидно превышение нормы более чем на 44%, в Индии — на 29%, в ЮАР — на 21%. В Китае данный показатель отстает почти на 23%, а в Бразилии — на 90%. Это означает, что Китай потенциально может увеличить предложение денег таким образом, чтобы соотношение в формуле Фишера составило 100–120%, и удовлетворить общественные потребности в кредитных ресурсах (табл. 6).

Таблица 6

Показатели обеспеченности ВВП стран БРИКС денежной массой, 2016 г.

Показатель	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
ВВП, трлн нац. денежных ед.	6,3	84,4	151,8	4,4	4,3
Денежная база, трлн нац. денежных ед.	0,6	11,0	14,2	0,9	0,2
Колич-во денег в обращении, трлн нац. денежных ед.	0,2	8,5	7,8	7,5	0,1
Денежный мультипликатор, 2016 г.	2,6	14,3	25,0	7,7	35,1
MV в формуле И. Фишера, трлн нац. денежных ед.	0,6	121,7	196,1	57,7	5,2
Объем денежной массы с учетом скорости обращения на 100% номинального ВВП, %	9,6	144,3	129,1	77,6	121,1

Составлено автором по данным: *International Monetary Fund. Principal Global Indicators*. URL: <http://www.principalglobalindicators.org/regular.aspx?key=60942003> (дата обращения: 13.12.2017).

Среди стран БРИКС особое внимание следует обратить на компоненты формулы Фишера для России и Бразилии, а именно: в первом случае показатель превышает норму по меркам даже для развитых стран, то есть дальнейшее расширение кредита здесь может привести к высоким темпам инфляции (на это, в частности, указывает сокращение ставки рефинансирования до 8,25% в 2017 г., хотя согласно разработанной модели оптимальным моментом для такого снижения был бы рубеж 2020–2021 гг.), тогда как в последнем примере — номинальный ВВП практически не обеспечен денежной массой, главным образом, вследствие очень малой скорости обращения одноименной денежной единицы, малого количества денег в обращении, высокой нормы резервирования и в целом очень дорогим кредитом в стране. Так, если бы денежный мультипликатор в Бразилии составлял величину, хотя бы сопоставимую с другими странами БРИКС, то это привело бы к увеличению обеспеченности ВВП до 34% (табл. 6).

Это означает, что в Бразилии имеет место чрезвычайно острая проблема, связанная с необходимостью контроля инфляции, а также формированием условий, сходных с российскими в 1998 г. к моменту дефолта. Следовательно, в Бразилии государство испытывает дефицит финансирования, недополучает налоговых поступлений с физических и юридических лиц и пытается решить эту проблему за счет привлечения средств местных рантье и иностранных инвесторов посредством высоких ставок по пассивам центрального банка. Поэтому физические лица в Бразилии мало потребляют товаров длительного пользования, юридические лица (или реальный сектор экономики) недополучают средств для расширения, увольняют рабочих, не инвестируют достаточно ресурсов

в производство, что вызывает стагнацию. Исходя из этого, можно предположить, что результатом (или целью) такой политики станет образование финансовой пирамиды по краткосрочным обязательствам правительства, следствием чего закономерно явится неплатежеспособность и фиаско государства с девальвацией национальной валюты и серьезными негативными последствиями для социально-экономического развития страны и стабильности общественно-политического устройства, если в ближайшее время не будут предприняты соответствующие попытки преодоления данной ситуации.

Величина денежной массы, на которую потенциально или гипотетически может увеличиться предложение денег в странах БРИКС в результате приведения внутренних ставок рефинансирования к общей (единой) ставке, получена на основе графико-математического метода, который был построен при адаптации механизма формирования мировой цены обмена результатами производства между странами с учетом международной модели специализации по принципу свободной рыночной конкуренции.

* * *

Итак, в случае увеличения кредитования экономик стран БРИКС за счет общего рынка денег в общей валюте и по общей ставке рефинансирования необходим адекватный рост деловой активности населения, чтобы сохранить пропорции соотношения ВВП, денежной базы и денежной массы. Для их сохранения необходимо соответствующее пропорциональное увеличение ВВП стран БРИКС, согласно плановым показателям программы гармонизации до 2030 г. Это означает, что для перехода на единую валюту страны БРИКС в долгосрочном периоде должны соблюдать финансовую дисциплину и поддерживать оптимальные темпы роста ВВП.

1. Хейфец Б.А. Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 25–42.
2. Давыдов В.М. БРИКС. Достижения и задачи нового этапа // Вестник Финансового университета. 2015. № 5. С. 13–18.
3. Арапова Е.Я. Азиатская валютная единица: в поисках оптимальной структуры валютной единицы // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 1. С. 40–51.
4. Каплина О.С. Электронные деньги как важный инструмент денежного оборота в современной России // Экономика и предпринимательство. 2014. № 6 (47). С. 222–226.
5. Chen R., Milesi-Ferretti G.M., Tresselt T. Euro Area Debtor Countries: External Imbalances in the Euro Area // IMF Working Paper. 2012. № 12 (236). P. 1–22.
6. Шумкова К.Г. Тенденции развития банковской системы России: угрозы и возможности // Финансы и кредит. 2014. № 14. С. 11–20.
7. Chin G., Helleiner E. China as a creditor: a rising financial power? // Journal of International Affairs. 2008. № 62 (1). P. 88.
8. Величина денежной массы, на которую потенциально может увеличиться предложение денег в странах БРИКС в результате приведения внутренних ставок рефинансирования к общей (единой) ставке, получена на основе графико-математического метода, который был построен при адаптации механизма формирования мировой цены обмена результатами производства между странами с учетом международной модели специализации по принципу свободной рыночной конкуренции (см.: Курс экономической теории / под общ. ред. проф. Чепурина М.Н., проф. Киселевой Е.А. / Киров: «АСА», 2002. С. 620). В разработанной модели за товар, которым обмениваются страны на международном рынке, были приняты деньги, а за мировую цену — величина процентной ставки, по которой они предоставляются в пользование.

Особенности сибирского экспорта в КНР: современное состояние и «узкие места»

© 2018

М.В. Александрова

В статье анализируется структура и динамика экспорта сырья и продукции субъектов Сибирского федерального округа в КНР. Отмечаются отраслевые и географические особенности внешнеторговой деятельности отдельных сибирских регионов. Особое внимание автор уделит внешнеторговой политике КНР в сфере импорта, в частности из российских регионов.

Ключевые слова: Сибирский федеральный округ (СФО), незаконные рубки леса, целлюлоза, сырая нефть, каменный уголь, пищевкусовая продукция, растительное масло, зерно, мука, фитосанитарный контроль, Иркутская область, Байкальский регион, Российский экспортный центр (РЭЦ).

По данным Сибирского таможенного управления (далее СТУ), за 2017 г. регионы СФО отправили в КНР топливно-энергетических, лесных, рудных ресурсов и продовольствия на 6,24 млрд долл., а завезли китайской продукции лишь на 2 млрд долл., чему способствовали, по оценке экспертов, благоприятная рыночная конъюнктура и снижение курса рубля, повысившее конкурентоспособность российских товаров на мировом рынке¹.

Диаграмма 1

Источник: построено на основании данных ФТС России.

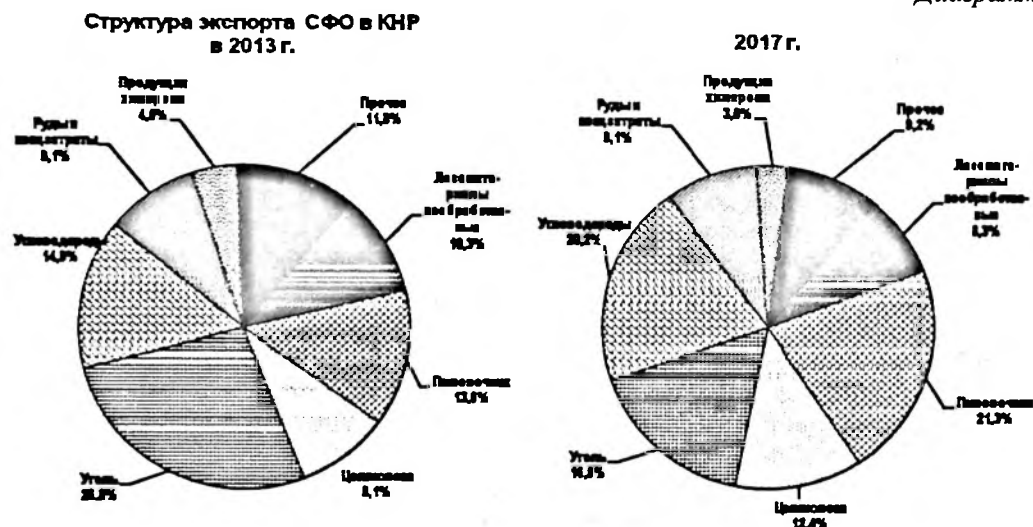
Для сибирского экспорта, как известно, характерна сырьевая направленность. При этом доля продукции лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей в экспорте округа в КНР возросла с 2013 по 2017 г. на 10%, а доля продукции ТЭК снизилась с 41,6 до 36%.

Рассмотрим основные экспортные статьи.

Лес-сырец и лесопродукция с низкой степенью переработки вывозятся из Сибири в более чем 60 стран мира (90% их объема по стоимости приходятся на КНР, Японию, Египет, страны Средней Азии). Основная тенденция последних лет: снижение физических объемов экспорта в КНР круглого леса при росте отгрузки хвойного пиловочника, что связано с постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. об увеличении вывозных таможенных пошлин на 25%².

Лес-сырец экспортируется в КНР из многих субъектов ДФО и СФО. Лидируют Хабаровский край (35% всего российского экспорта в КНР), Иркутская область (31%), Приморский (13%) и Красноярский (9%)³ края. Кроме того, среди статей экспорта древесина преобладает также в Томской области и Алтайском крае⁴.

Диаграмма 2

Источник: построено на основании данных ФТС России.

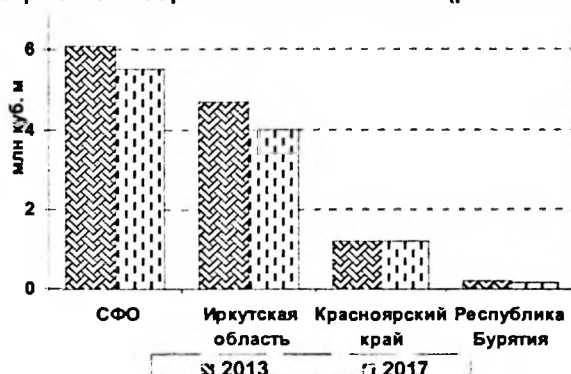
Экспорт круглого леса и пиломатериалов к сожалению, не приносит Сибирскому региону достойных налогов, зато создает проблемы, суть которых иллюстрирует пример Иркутской области. По официальным данным, там в 2012 г. было заготовлено (*легально*) 25,1 млн куб. м; в 2013 г. — 26,9; в 2014 г. — 29,2; 2015 г. — 34,2⁵; а в 2016 г. — 35,3 млн куб. м ликвидной древесины⁶. Но при этом год от года множится *нелегальная* вырубка «кругляка»: в 2012 г. — 254 тыс. куб. м, в 2014 г. — 560 тыс. куб. м⁷. В 2015 г. в России выявлено более 17 тыс. случаев незаконных рубок леса с общим объемом древесины 1,2 млн куб. м, из них в Иркутской области — 3 тыс. случаев и 677 тыс. куб. м⁸. С большой степенью вероятности можно утверждать, что большая часть нелегально вырубленной древесины СФО направляется в КНР.

Итак, в Иркутской области, которая относится к наиболее богатым лесами (занимают 83% ее территории) субъектам РФ, лесозаготовки стали самой криминализованной сферой экономики. Согласно данным таблицы 1, с 2012 по 2016 г. доля нелегальных рубок в Иркутской области возросла в относительных величинах в 3,5 раза.

Помимо безжалостного уничтожения леса, три четверти которого приходится на прибайкальскую тайгу, налицо колоссальная опасность для сохранности озера Байкал. Рубка леса в горных условиях с использованием обычной лесозаготовительной и дорожной техники всегда резко ускоряет эрозию почвы. С увеличением рубок вблизи Байкала умножается смыв глины, песка, биогенных элементов в озеро и впадающие в него водотоки⁹.

Диаграмма 3

Экспорт СФО необработанного леса в КНР (регионы-лидеры)

Источник: построено на основании данных ФТС России.

Таблица 1

Доля Иркутской области в незаконной рубке лесных насаждений РФ

	2012	2013	2014	2015	2016
Доля	24%	38%	43%	56%	85%

Источник: И.В. Гончарук. *Современные проблемы государственного регулирования торговли лесом и лесоматериалами в Российской Федерации* // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 3 (80). С. 79–88; *Сибирь вырубает по заказу Китая* // Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/05/05/10658207.shtml>; Чипирование леса сократило нелегальные вырубки в Иркутской области на 53%. URL: <https://www.infpol.ru/news/society/138341-chipirovanie-lesa-sokratilo-nelegalnye-vyrubki-v-irkutskoy-oblasti-na-53>

Благодаря специфике своего географического положения и наличию крупнейшего на российско-китайской границе железнодорожного погранперехода «Забайкальск — Маньчжоули», СФО является одним из лидеров в экспорте круглого леса и несомненным лидером по экспорту пиловочника (табл. 2).

Таблица 2

Доля СФО в российском экспорте «круглого» леса и пиловочника (млн куб. м)

	2013	2014	2016	2017	2017
Доля СФО в экспорте «круглого» леса	57%	55%	51%	45%	43%
Доля СФО в экспорте пиловочника	81%	81%	81%	78%	79%

Источник: рассчитано на основании данных ФТС РФ.

Хотя в последние годы уменьшился экспорт «кругляка» (частично заменен пиловочником), это не решает проблемы и не сулит «облагораживания» сибирского экспорта, ибо пиловочник — продукт с минимальной степенью переработки (в 2016 г. разница в цене 1 куб. м необработанной древесины и пиловочника в СФО составила лишь 20–25 долл.) При этом разницы в цене между необработанной древесиной и пиловочником в принципе не наблюдается (тем более что распилка сопряжена с дополнительными затратами).

Почему сибиряки продолжают вывозить лес в КНР? Прежде всего, потому, что внутрисибирская цена на хвойный пиловочник составляет порядка 1450 руб., а экспортная — 85 долл. (т.е., примерно в 3,5 раза выше). К тому же транспортные издержки внутри РФ слишком высоки. Наконец, рубка леса, как уже отмечалось, отчасти криминальная сфера,

особенно в Байкальском регионе, где ее контролируют китайские группировки. В результате в 2017 г. хотя поставки лесоматериалов СФО осуществлялись в 55 стран мира, 83% физического объема и 73% стоимостного объема экспорта лесоматериалов пришлось на КНР¹⁰.

Товарная целлюлоза, входящая в число пяти важнейших экспортных товаров лесопромышленного комплекса России представляет собой единственный среди них продукт переработки с высокой добавленной стоимостью. Наша страна поставляет на мировые рынки сульфатную нерастворимую древесную целлюлозу. Главным ее импортером (с большим отрывом от других стран) является Китай. Основным российским игроком на китайском рынке — группа «Илим». Компания экспортирует в КНР более 40% своей продукции, в том числе хвойную и лиственную целлюлозу, а также тарный картон¹¹.

Таблица 3

География экспорта товарной целлюлозы Сибири

2013	2014	2015	2016	2017
КНР (81,1%)	КНР (84,1%)	КНР (84,4%)	КНР (88%)	КНР (87,2%)
Швейцария (9,3%)	Япония (5,5%)	РК (7,5%)	Япония (5,1%)	Япония (5,6%)
Япония (3,3)	РК (3,8%)	Япония (5,7%)	РК (4,6%)	РК (4,6%)

Источник: рассчитано на основании данных ФТС России.

В последние годы физические объемы экспорта иркутской целлюлозы в КНР растут: если в 2013 г. было отгружено порядка 979 тыс. т, то в 2017 г. — более 1,4 млн т. Однако она попадает на китайском рынке в атмосферу жесткой конкуренции. Во-первых, это давление на рынок со стороны стран «эвкалиптового пояса» — Бразилии, Чили, Уругвая. Во-вторых, спрос на целлюлозу в КНР снижается из-за замедления темпов экономического развития. В-третьих, благодаря созданию в КНР плантаций быстрорастущих ГМО-саженцев¹² ее ведущий производитель бумаги и картона — холдинг APP¹³, с годовым производством на уровне 8 млн т, с 2013 г. полностью обеспечивает себя отечественным сырьем¹⁴. Впрочем, у сибирской целлюлозы есть весомый «плюс»: хвойной целлюлозе свойственна более высокая плотность, и при прочих равных условиях бумага получается лучшего качества, чем из лиственных пород¹⁵.

Производство топливно-энергетического комплекса (ТЭК). В российском экспорте на нее приходится от 57 до 77%, что во многом обеспечивается красноярской нефтью. Однако, заглянув в таможенную статистику, ничего подобного мы не увидим: в период с 2013 по 2017 г. Красноярский край, как явствует из нее, экспортировал в КНР сырой нефти... «0» тонн!!! Парадокс связан с тем, что исходным пунктом трубопроводной системы «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО) является Тайшет, расположенный в Иркутской области (хотя и ему «достается» немного от сибирской нефти, реально отгруженной для КНР). «Сливки» снимает Центральный ФО, так как главные офисы российских нефтяных компаний базируются в Москве. И получается, что только за 12 месяцев 2017 г. именно из столицы было отгружено в КНР 37479 тыс. т нефти.

Впрочем, независимо от лукавства цифр, факт остается фактом: с 2005 по 2016 г. «Роснефть» поставила в Китай 195,5 млн т нефти на общую сумму 98,6 млрд долл.¹⁶ Значительная часть «черного золота», добываемого и экспортируемого «Роснефтью» в КНР, добывается на востоке страны, в том числе в Сибири.

Таблица 4

Роль ЦФО и СФО в экспорте российской сырой нефти в КНР

	2013	2014	2015	2016	2017
Доля СФО в экспорте российской нефти	4,94%	2,61%	2,70%	5,31%	6,06%
Доля ЦФО в экспорте российской нефти	72,91%	84,34%	80,02%	75,52%	72,62%

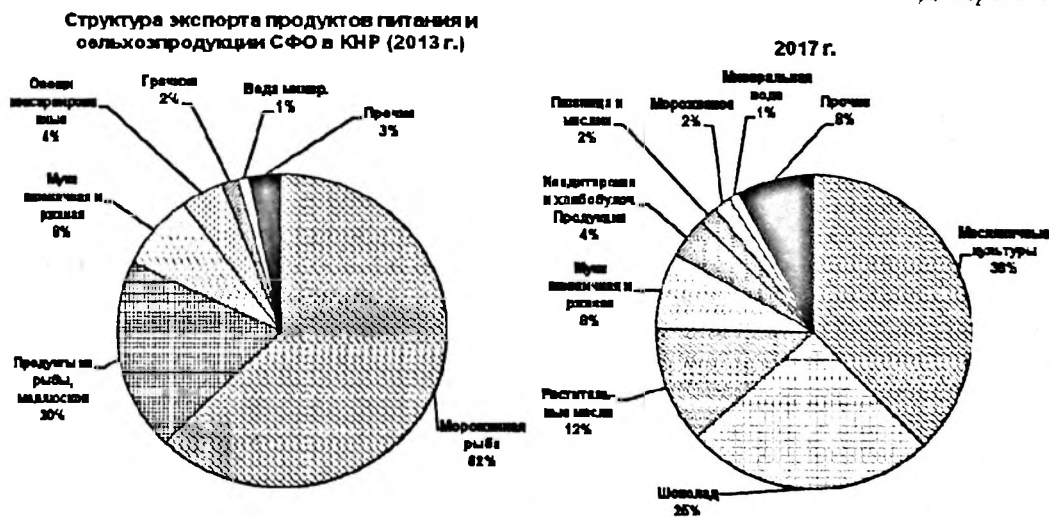
Источник: рассчитано на основании данных ФТС России.

Каменный уголь наравне с лесной продукцией является традиционной статьёй сибирского экспорта, из которого более 70% приходится на Кемеровскую область и Республику Бурятию. Начиная с 2011 г. на мировом рынке цена на каменный уголь постоянно снижалась. Стоимость кузнецкого угля на момент отгрузки из дальневосточных портов составляла 35 долл. за тонну, что в сравнении с конкурентами, поставляющими на китайский рынок, дорого: цена фрахта из Австралии в Китай составляет ориентировочно 9 долл., из Бразилии — 22 долл. за тонну¹⁷.

В 2016 г. ситуация стала меняться: за 2-е полугодие 2016 г. цены на энергетический уголь удвоились, достигнув в ноябре отметки в 100 долл. за тонну. В 2017 г. в экспорт угля вмешалась политика: с февраля Китай прекратил закупки антрацита в КНДР из-за санкций, введенных СБ ООН, и ему пришлось увеличить импорт из России (уже в 1-м полугодии 2017 г. втрое по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.¹⁸ Крупнейшие отгрузки были совершены из Новосибирской области с предприятий «Сибирского антрацита» (за 2017 г. — более 3,5 млн т, или в 3,2 раза больше, чем в 2016 г.), а также с месторождений Кузбасса.

Пищевкусовая продукция — новая статья, появившаяся в российско-китайской торговле с 2014 г. Ввиду резкого сокращения покупательной способности населения РФ, сибирские производители стали активнее выходить на зарубежные рынки с кондитерской продукцией. Основными ее сибирскими экспортерами стали Кемеровская и Омская области (в 2016 г. первая обогнала по экспорту сладостей в КНР Московскую область и Москву).

Диаграмма 4

Источник: построено на основании данных ФТС России.

Многие китайские торговые сети проявляют заинтересованность в импорте пищевкусовой продукции из РФ, считающейся экологически чистой и пользующейся спросом среди китайцев. Кстати, наценка в торговых сетях на некоторые виды российской продукции может значительно отличаться от цен поставщика. Так, на растительное масло наценка варьируется в пределах 15–30%, а на кондитерские изделия цена на полке и экспортная цена фабрики может отличаться 30-кратно¹⁹.

Впрочем, полагать, что для сибирской пищевкусовой продукции завоевать китайский рынок — «плевое дело», было бы преждевременно. Пищевые компании Сибири начинают сталкиваться не столько с проблемами конкуренции, сколько со структурными трудностями в своей отрасли. Моральный и физический износ основных производственных фондов ряда наших пищевых компаний снижает возможности расширения и смены ассортимента, повышает издержки, препятствует росту объемов производства. Помимо

этого сибирские пищевые компании все еще слишком зависимы как от импортного сырья и полуфабрикатов, так и от технологий, оборудования и комплектующих. Настолько зависимы, что не могут мгновенно задействовать производственные мощности полностью или создать новые технологические линии для выпуска продукции²⁰. Непредвиденным для сибирских производителей стал вопрос сроков годности. Как уже не раз отмечалось, в КНР российская пищевая продукция позиционируется как экологически чистая, отличающаяся минимальным содержанием консервантов. Немало продуктов имеют срок годности 3 месяца или полгода, что для китайских импортеров неприемлемо, они требуют от российской стороны увеличения срока годности до 1 года. То есть продукт автоматически попадает в другую категорию качества, ибо необходимо добавлять консерванты. Непростым для выхода наших региональных производителей на китайский рынок является финансовый вопрос: а именно, по оценкам экспертов, минимальные инвестиции для самостоятельного выхода на китайский рынок составляют минимум 1 млн долл.²¹

Единственный пищевой продукт, который экспортируется из Сибири и ряда других российских регионов крайне успешно: *растительное масло*. Наиболее удачными оказались декабрь 2015 г. и апрель 2016 г., когда было отгружено по 6,4 и 6,8 тыс. т. В сумме за период с начала 2013 г. по декабрь 2017 г. экспорт составил порядка 95 тыс. т на сумму 80 млн долл. В основном экспортировались рапсовое (49%) и подсолнечное (41%) масла. Таким образом, в рассматриваемый период КНР как импортер сибирского растительного масла заняла лидирующее положение.

По экспорту рапсового масла в КНР Сибирь является несомненным лидером в России, но в отношении подсолнечного существует серьезный конкурент в лице Приволжского ФО. Экспорт из ПФО в Китай товаров из группы «жиры и масла» за тот же период составил 183 млн долл. (общий вес — 219 тыс. т²²), при этом 100% масел приходится на подсолнечное.

С экспортом сельхозпродукции ситуация выглядит еще сложнее, чем на пищевом рынке. Поскольку Россия в последние годы стала мировым лидером по экспорту пшеницы, у аграриев Сибири и других регионов возникло страстное желание экспортировать ее в КНР, но требования китайской стороны к ввозу зерна (прежде всего, пшеницы) — весьма строги: включают, к примеру, проверку фитосанитарного состояния семян пшеницы; фитосанитарный контроль мест выращивания; проверку фитосанитарного состояния зернохранилищ и оборудования хлебоприемных предприятий; проведение карантинного профилактического обеззараживания, фитосанитарную экспертизу партии пшеницы, подготовленной к погрузке в КНР с выдачей фитосанитарных сертификатов при соответствии их фитосанитарным требованиям страны-импортера²³. Дополнительные расходы влекут и другие требования: так, перевозка зерна в КНР осуществляется, по настоянию китайской карантинной службы, исключительно в фасованном виде — в мешках по 50 кг, загруженных в крытые вагоны. Одно из объяснений — разница в ширине железнодорожной колеи, вынуждающая перегружать товар на границе. Заpackовать тысячи тонн зерна в мешки небольшой емкости — значит наладить в регионе специальное упаковочное производство достаточно большой мощности²⁴.

Из-за всего этого в настоящее время лишь четыре субъекта СФО имеют право ввозить яровую пшеницу в КНР, а именно Алтайский и Красноярский края, Новосибирская и Омская области. Данное решение было принято в декабре 2015 г., но каков результат?

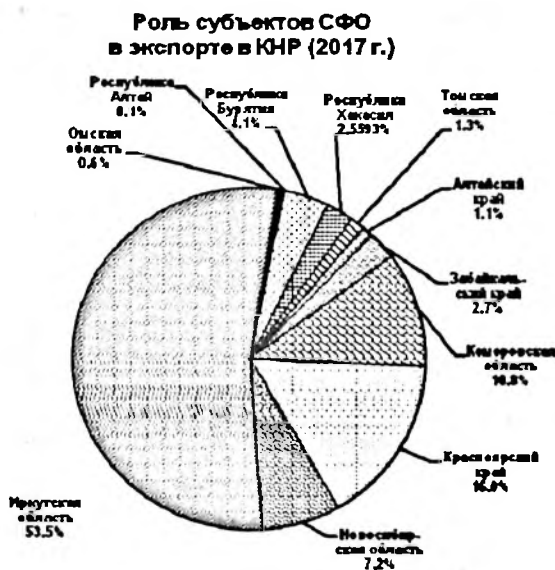
Процесс согласования и объемы поставок далеки от желаемых российскими зернопроизводителями результатов.

Так, Новосибирская область согласовала с китайской COFCO Group²⁵ объем поставок в размере 24 тыс. т в 2017 г., но с января по декабрь смогла поставить лишь 3 пробные партии общим весом 5 тыс. т²⁶. Процесс согласования может тянуться годами. Это связано с тем, что китайское правительство ежегодно принимает решение по квотам на ввоз зерна, причем по квотируемому зерну таможенная пошлина составляет 1%, а по ввозимому вне квоты — 65%²⁷. При этом 90% объема квоты на импорт зерна в КНР

получает компания SOFCO²⁸, а остальные 10% распределяется среди частных компаний Китая²⁹. SOFCO Group крайне неудобно работать с отдельными российскими субъектами, а у нас подобной структуры нет.

По словам председателя комитета Законодательного собрания Новосибирской области по аграрной политике, природным ресурсам и земельным отношениям Олега Подоймы, из девяти предъявляемых КНР требований пока удалось выполнить только одно. Подтверждением тому служит и существенное сокращение поставок в Китай зерна из главной сибирской житницы — Алтайского края. В отличие от других регионов СФО, где основу экспорта в КНР составляют лес, уголь, руды, металл, каучук, только Алтай поставляет туда в основном агропромышленную и пищевую продукцию (льняное семя, пшеницу, растительные масла, муку). И если в предыдущие два года край стабильно наращивал такие поставки, то в 2017 г. резко сократил объемы экспорта — на 40%³⁰.

Диаграмма 5

Источник: построено на основании данных ФТС России.

Таблица 5

Коэффициента покрытия импорта экспортом

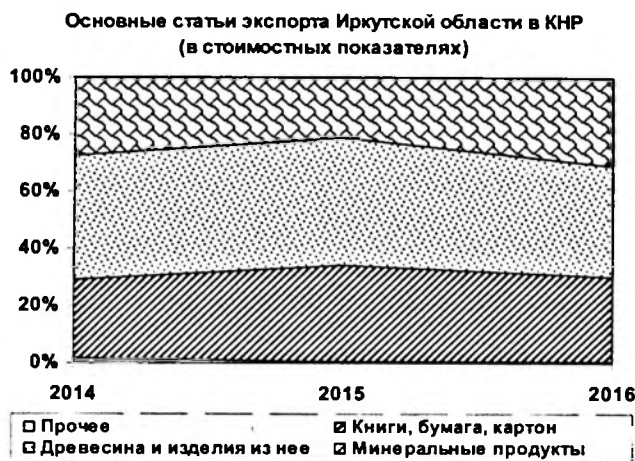
	2013	2014	2015	2016	2017
СФО	232%	217%	265%	243%	273%
Республика Алтай	1,6%	16%	678%	287%	50%
Алтайский край	31%	41%	82%	113%	70,4%
Республика Бурятия	1628%	1515%	629%	551%	565%
Забайкальский край	12%	13%	19%	23%	34,77%
Иркутская область	596%	621%	692%	1093%	1089%
Кемеровская область	1478%	955%	1024%	416%	608%
Красноярский край	183%	189%	247%	324%	316,7%
Новосибирская область	39%	36%	44%	26%	66%
Омская область	52%	24%	52%	62%	88,8%
Томская область	191%	283%	287%	259%	289%
Республика Тыва	—	—	—	0,12%	—
Республика Хакасия	117%	428%	116%	202%	275%

Источник: рассчитано на основании данных ФТС России.

Рассмотрим внутрирегиональные особенности экспорта сибирских регионов в КНР. Исторически профицит торговли СФО с КНР складывается в основном за счет активного экспорта трех «игроков». С 2015 г. количество регионов, у которых отмечается положительное сальдо торговли с КНР, увеличилось с 5 до 7 субъектов. У четырех субъектов наблюдается устойчивый дефицит торговли, а один субъект СФО — Республика Тыва — вообще не имеет торговых операций с КНР.

КНР является крупнейшим внешнеторговым партнером Байкальского региона и прежде всего *Иркутской области*. Уровень внешнеторгового оборота между ними остается на высоком уровне, хотя и претерпел падение с началом кризиса. Как уже отмечалось выше, в Китай регулярно отгружаются круглый лес и пиловочник, целлюлоза, нефть и нефтепродукты. В близкой перспективе — поставки газа с восточносибирских месторождений по строящемуся газопроводу «Сила Сибири».

Диаграмма 6

Источник: составлено на основании данных ФТС России.

На 2-м месте по объемам экспорта — *Красноярский край*, поставивший ближайшему зарубежному соседу в 2017 г. товаров на 985 млн. долл. При положительном сальдо в 674 млн долл. КНР занимает 2-е место по товарообороту и экспорту товаров из края и 1-е — по поставкам товаров в Красноярский край. В КНР в основном экспортируют хвойный пиловочник, свинцовые и цинковые руды, круглый лес, а также строительные материалы³¹. Красноярский край является в России лидером по экспорту свинцовых руд (в том числе в КНР), что связано с расположенной в крае Вороговско-Ангарской зоной, где сконцентрировано почти 40% российских запасов свинца, в основном в недрах Горовского месторождения³².

Замыкает тройку «передовиков»-экспортеров *Кемеровская область*, чей экспорт в КНР вырос в 2017 г. в 1,6 раза и перешагнул отметку в 600 млн долл. Данный результат достигнут, как отмечалось выше, в основном за счет увеличения экспортной цены каменного угля³³. В период 2015–2017 гг. ежегодный экспорт кузбасского угля в КНР составлял примерно 5 млн т., а вот цена за тонну в этот же период претерпевала существенные колебания. Начиная с 2011 г. цена на мировом рынке упала со 140 долл. за тонну до 53 долл. в конце 2016 г. В подобной ситуации Кузбасс не стремился наращивать экспортные поставки не только в КНР, но и на другие зарубежные рынки. Летом 2016 г. ситуация с углем изменилась в лучшую сторону, что было связано как с природными катаклизмами в КНР и Австралии, так и с сокращением количества рабочих дней китайских шахтеров с 330 до 276³⁴. В результате в 2017 г. цены на энергетический уголь перешагнули 100-долларовый рубеж.

Аутсайдеры по товарообмену с КНР — Омская область, Хакасия и Республика Тыва.

Таблица 6

Доля КНР в экспорте субъектов СФО

Доля КНР в экспорте	2013	2014	2015	2016	2017
0–10%	Республика Алтай Алтайский край Красноярский край Омская обл. Республика Хакасия	Республика Алтай Алтайский край Кемеровская обл. Красноярский край Омская обл. Республика Хакасия	Алтайский край Кемеровская обл. Красноярский край Омская обл. Республика Хакасия	Кемеровская обл. Новосибирская обл. Омская обл. Республика Хакасия	Алтайский край Кемеровская обл. Омская обл. Республика Хакасия
10–20%	Кемеровская обл. Новосибирская обл. Томская обл.	Новосибирская обл.	Республика Бурятия Новосибирская обл. Томская обл.	Алтайский край Красноярский край	Республика Алтай Красноярский край
20–30%	Забайкальский край	Томская обл.		Томская обл. Республика Бурятия	Новосибирская обл.
Свыше 30%	Республика Бурятия Иркутская обл.	Республика Бурятия Забайкальский край Иркутская обл.	Республика Алтай Забайкальский край Иркутская обл.	Республика Алтай Забайкальский край Иркутская обл.	Республика Бурятия Забайкальский край Иркутская обл. Томская обл.

Источник: составлено на основе расчета статистических данных ФТС России.

URL: <http://stu.customs.ru/>

На основе данных, представленных в табл. 6, следует выделить еще один субъект СФО, для которого торговля с КНР является «жизненно важной». — *Забайкальский край*, чей импорт на 95–97% идет от южного соседа, а в экспорте наблюдается диверсификация, которая в последние 2–3 года изменилась не в лучшую сторону для региона. Так, если в 2013 г. лишь 22,5% экспорта отгружалось в КНР, то в 2017 г. — уже свыше 62%. Подобная зависимость от одного торгового партнера при слаборазвитой экономике края чревата многими проблемами. Но это, как явствует из прессы, не слишком беспокоит руководство Забайкалья. В интервью агентству Синьхуа губернатор края Н. Жданова отметила: «Китай был, остается и, думаю, всегда будет крупнейшим торговым партнером для Забайкальского края. Сейчас успешно продвигается целый ряд стратегических проектов в таких сферах, как инвестирование, переработка леса, туризм и транспортная инфраструктура»³⁵. Нет сомнений в том, что для КНР крайне выгодно это сотрудничество. В товарной структуре экспорта Забайкальского края основные позиции занимает продукция первичного передела, прежде всего вольфрамовый, свинцовый, медный концентраты, ферромолибден и уголь. Практически весь произведенный в крае ферромолибден, применяемый в качестве легирующих добавок при производстве стали, отправляется

на экспорт. Такая ситуация обусловлена практическим отсутствием внутреннего спроса не только на территории края, но и в РФ³⁶.

Независимо от того, что в Забайкальском крае находится крупнейший российско-китайский погранпереход, социально-экономическая жизнь региона не улучшается, хотя в 2017 г. переход установил некоторые «рекорды». К примеру, экспорт древесины достиг исторического максимума — 11,841 млн куб. м. Всего за 2017 г. через пункт пропуска в Китай было ввезено 157 000 партий леса³⁷. Импорт угля из России через этот КПП в минувшем году составил 2,806 млн т, что в 7,4 раза больше, чем годом ранее³⁸. Китайские таможенники в Маньжоули указывают еще на один «рекорд»: в 2017 г. туда было ввезено пиломатериалов, необработанной древесины, свинцовой и обогащенной руды на 2,1 млрд долл., или на 56,8% больше, чем годом ранее³⁹. Удивительно, но факт: Маньжоули за более чем 30 лет активного товарооборота через этот погранпункт превратился в современный город, а Забайкальск захирел. Такая тенденция, как нам кажется, будет лишь усугубляться, даже если Забайкальский край попадет в сферу действия программы «Экономического пояса сухопутно-морского Шелкового пути провинции Хэйлуцзян»⁴⁰.

Еще одним интересным для исследования субъектом СФО стал *Алтайский край*: если еще в 2013 г. доля КНР в его экспорте составляла менее 5%, то в 2016 г. достигла практически 15% (хотя в 2017 г. снова опустилась ниже отметки 10%). Край имеет значительный потенциал в экспортных поставках агропищевой продукции, является профицитным регионом в плане обеспеченности продовольствием. Он готов поставлять на внешние рынки широкий ассортимент пищевкусовой продукции. По итогам 1-го полугодия 2017 г. алтайские предприятия сохраняли лидирующие позиции в стране по производству муки, сыров и сырных продуктов, сухой сыворотки, сливочного масла, хлопьев для завтрака, биологически активных добавок к пище. По выпуску круп Алтайский край — на 2-м месте в России (по гречневой и овсяной — на 1-м), по макаронным изделиям — на 3-м месте. Это единственный регион Сибири и Дальнего Востока, где вырабатывается сахарный песок из свеклы⁴¹.

Начиная с 2013 г. Алтайский край стал наращивать экспорт пищевой и сельхозпродукции в КНР. В 2013 г. это были лишь отдельные позиции (например, пшеничная и ржаная мука), затем концу 2013 г. добавились консервированные овощи. Начиная с 4-го квартала 2014 г. резко увеличился экспорт растительного (прежде всего рапсового) масла в КНР. За период с июня 2014 г. по декабрь 2017 г. край экспортировал в КНР растительных масел общим весом 64,1 тыс. т, или 68% сибирского экспорта этого продукта. Если в 2013–2014 гг. доля пищевых и сельхозпродуктов в экспорте Алтайского края в КНР составляла примерно 11–13%, то в 2015 г. — 41%, при этом только доля растительного масла — свыше 29%. В 2016 г. была достигнута максимальная отметка, когда на долю пищевкусовой и сельхозпродукции пришлось 63% от суммарного экспорта края в КНР. При этом ассортимент был широк — вплоть до замороженной рыбы сибирских рек, лекарственных растений и мороженого.

Край занимает лидирующие позиции по экспорту СФО в КНР по следующим сельхозпродуктам и пищевой продукции: по подсолнечному маслу свыше 86%, семенам льна — 70%, рапсовому маслу — 62%, мороженому — 44%, по муке пшеничной и пшенично-ржаной — 32%. В крае складывается уникальная ситуация: практически 39% экспорта в КНР приходится на пищевую и сельхозпродукцию.

* * *

В заключении хотелось бы отметить, что в ближайшие годы не следует питать иллюзий относительно радикального улучшения структуры сибирского экспорта в КНР.

Во-первых, после запуска газопровода «Сила Сибири» поставки российского сырья будут увеличены.

Во-вторых, как уже отмечалось, отсутствуют серьезные региональная и федеральная программы продвижения в КНР российских экспортных товаров с высокой степенью переработки. Российский экспортный центр (РЭЦ) не в состоянии этим заниматься, поскольку в его аппарате числится только один специалист по Китаю. Имеющиеся в нашей стране отраслевые союзы не способны объединить производителей, которые зачастую напрямую друг с другом конкурируют.

В-третьих, и это самое главное, в КНР нет заинтересованности в России как стране-экспортере высокотехнологичной продукции и продукции с высокой степенью переработки.

1. Кузнецова Т. Покорили Поднебесную. Сибирь экспортирует в Китай больше, чем закупает // Российская газета. Спецвыпуск № 7454 (289). URL: <https://www.rg.ru/2017/12/21/reg-sibfo/eksport-iz-sibiri-v-kitaj-prevysil-import-v-25-raza.html>.
2. Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 982 «О ставках вывозных таможенных пошлин в отношении отдельных видов лесоматериалов, вывозимых с территории Российской Федерации за пределы государств — участников соглашений о Таможенном союзе».
3. Рассчитано на основании данных Федеральной таможенной службы. URL: <http://www.customs.ru>.
4. Сибирское таможенное управление/Таможенная статистика внешней торговли Внешняя торговля. URL: <http://stu.customs.ru>.
5. О самых острых лесных проблемах Иркутской области. URL: https://ecodelo.org/rossijskaya_federaciya/sibirskiy_fo/irkutskaya_oblast/40570-o_samyh_ostryh_lesnyh_problemah.
6. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Иркутской области в 2016 году». URL: <http://irkobl.ru/sites/ecology/%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82.pdf>.
7. Беспрецедентная вырубка иркутской тайги приносит выгоду лишь Китаю. URL: <http://activatica.org/problems/view/id/563/version/930>.
8. За незаконными рубками в Иркутской области следят из космоса. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/news/3312>.
9. Эколог: От вырубки горелого леса вокруг Байкала больше вреда, чем пользы. URL: <http://nsn.fm/regions-of-russia/ekolog-ot-vyrubki-gorelogo-lesa-vokrug-baykala-bolshe-vreda-chem-polzy.html>.
10. Экспорт лесоматериалов из регионов Сибири вырос почти на четверть в 2017 году. URL: <https://ksonline.ru/304310/eksport-lesomaterialov-2/>
11. Куркин К. Призрак перепроизводства. URL: <http://expert.ru/northwest/2017/23/prizrak-pereproizvodstva/>
12. Перспективы России на мировом рынке целлюлозы. URL: <https://programlesprom.ru/perspektivy-rossii-na-mirovom-rynke-cellyulozy>.
13. AsiaPulpPaper — один из мировых лидеров бумажной промышленности. Концерн несколько заводов на территории Китая и Индонезии.
14. Китай наращивает импорт российской целлюлозы. URL: <http://www.lesonline.ru/news/?id=277758>.
15. Сульфатная целлюлоза из лиственной древесины по своим свойствам отличается от целлюлозы, полученной из хвойной древесины. Она имеет меньшую степень делигнификации и содержит меньше лигнина. Величина разрывной длины березовой целлюлозы несколько уступает такой длине целлюлозы из сосны. Этот показатель у осинового целлюлозы на 1500–2000 м ниже, чем сосновой. Сопротивление излому у лиственной целлюлозы ниже, чем у сосновой целлюлозы, и составляет 1500–2500 двойных перегибов. Сопротивление раздиранию на 20—25% ниже аналогичного показателя сосновой целлюлозы (Подробнее см.: КПД зеленого листа, витаминны в растениях. URL: <http://lsdinfo.org/pererabotka-listvennoj-i-melkotovarnoj-drevesiny/>
16. Грамов А., Титов А. «Роснефтяное» ускорение российско-китайского энергетического сотрудничества. URL: https://sief.ru/upload/gromov_titov_neft&capital.pdf.

17. Российский и международный рынок угля. URL: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/a75/a75ad208830190f10f7e7bdc7987b0f4.pdf>.
18. Импорт антрацита из России в Китай вырос втрое. URL: <http://www.sibantracite.ru/media/2017/08/16/import-antracita-iz-rossii-v-kitaj-vyros-vtroe/>
19. Павлова О. Потянуло в Китай. URL: www.kommersant.ru/doc/3220328.
20. Эффект от санкций на исходе. URL: <http://expert.ru/siberia/2017/46/effekt-ot-sanktsij-na-ishode/>
21. Павлова О. Указ. соч.
22. Сибирское таможенное управление // Таможенная статистика внешней торговли Внешняя торговля. URL: <http://stu.customs.ru>.
23. О первой поставке пшеницы из Красноярского края в Китай // Сайт Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзора). URL: <http://www.fsvps.ru/fsvps/news/20535.html>.
24. Коваленок А. Решат ли поставки зерна в Китай проблемы новосибирских аграриев. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/23/11/2017/5a1552d69a794717549eed24>.
25. SOFCO была основана в 1949 г. она входит в список 500 крупнейших компаний мира и возглавляет топ-100 продовольственных предприятий Китая. Стоимость активов корпорации оценивается в 71,9 млрд долл., у нее 336 филиалов и представительств в 140 странах. Мощности единовременного хранения превышают 31 млн т, перерабатывающие — 89,5 млн т.
26. Коваленок А. Указ. соч.
27. Китай в 2016 году сохранит неизменными квоты на импорт зерна. URL: <https://www.apk-inform.com/ru/news/1052286>.
28. Sofco Cotragation, созданная в 1949 г., является многопрофильной государственной организацией, которая осуществляет закупку, трейдинг, а также глубокую переработку зерна.
29. Информация по экспорту казахстанской продукции в КНР / Национальная палата предпринимателей РК «Атамекен». URL: <http://atameken.kz/ru/pages/649-informaciya-po-eksportu-kazahstanskoj-produkcii-v-chnr>.
30. Кузнецова Т. Указ. соч.
31. Китай остается главным импортером товаров в Красноярский край. URL: <http://zapad24.ru/news/krasnoyarsk/56551-kitay-ostaetsya-glavnym-importerom-tovarov-v-krasnoyarskiy-kray.html>.
32. Состояние и использование свинца РФ. URL: https://studwood.ru/1230186/geografiya/sostoyanie_ispolzovanie_svintsa.
33. Кузнецова Т. Указ. соч.
34. Угольный поворот. URL: <https://ksonline.ru/259965/ugolnyj-povorot/>
35. Наталья Жданова рассказала ИА «Синьхуа» о сотрудничестве Забайкалья и Китая. URL: https://zab.ru/news/100943_natalya_zhdanova_rasskazala_ia_sinhua_o_sotrudnichestve_zabajkalya_i_kitaya.
36. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Особенности торгово-экономического сотрудничества между Забайкальским краем и провинциями Китайской народной республики // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Вып. 135: Географические исследования пригранично-периферийных районов в рыночных условиях / Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 206–213.
37. Побит исторический рекорд экспорта леса в КНР через Забайкалье. URL: https://zab.ru/news/102546_pobit_istoricheskij_rekord_eksporta_lesa_v_chnr_cherez_zabajkale.
38. В 2017 году импорт угля через Маньчжурию превысил 2,8 млн тонн. URL: <http://biang.ru/ru/economics/v-2017-godu-import-uglya-cherez-manchzhuriyu-prevyisil-2,8-mln-tonn.html>.
39. В 2017 году товарооборот таможни Маньчжурии с РФ вырос на 19,8%. URL: <http://biang.ru/ru/news/v-2017-godu-tovarooborot-tamozhni-manchzhurii-s-rf-vyros-na-19,8.html>.
40. Ставров И.В. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлуунцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 39–50.
41. Аналитическая информация о развитии отраслей / Управление Алтайского края по пищевой, перерабатывающей, фармацевтической промышленности и биотехнологиям. URL: <http://www.fprom22.ru/industry/analytical-development/>

Рынок ценных бумаг Китая: пути интернационализации

© 2018

Доу Пэн

В статье анализируются проблемы китайского рынка ценных бумаг, включая недостаточную институциональность в порядке регулирования, несовершенство правовой системы, все еще слабую конкурентоспособность в мире. Автором предложены меры по преодолению проблем в борьбе за интернационализацию китайского фондового рынка, в том числе усовершенствование правовой системы и формирование благоприятной бизнес-среды.

Ключевые слова: фондовый рынок, интернационализация рынка ценных бумаг, финансовые институты, конвертация юаня, финансовые инновации.

В 2014 г. рыночная капитализация ценных бумаг Китая достигла 37,11 трлн юаней, впервые опередив показатели Японии. В результате Китай оказался на втором месте, уступая лишь Соединенным Штатам. Вплоть до 2015 г. общее число компаний на фондовом рынке КНР достигало 2797, число банковских счетов, открытых инвесторами — 300,76 млн, а общая рыночная капитализация — свыше 58,457 трлн. юаней.

Непрерывно ускоряется процесс интернационализации юаня. Так, в 2015 г. Международный валютный фонд (IMF) включил его в корзину валют, составляющих специальные права заимствования (SDR). Это означает, что юань соответствует стандартам свободно конвертируемой валюты МВФ, в связи с чем он обретает статус международной резервной валюты. Несмотря на очевидное укрепление международного положения китайского финансового рынка и стабильное продвижение юаня на пути интернационализации, на сегодняшний день доля Китая в глобальном распределении средств и место китайской экономики в мире серьезно расходятся.

Процесс интернационализация рынка ценных бумаг

В широком смысле этот процесс охватывает рынок финансирования ценными бумагами, рынок портфельных инвестиций, и рынок обслуживания ценных бумаг¹. В узком смысле — интернационализацию рынка финансирования ценными бумагами. Данные два понятия по существу обозначают водораздел между местом и ролью ценных бумаг в разных звеньях этого рынка. Ранее считалось, что рынки финансирования ценными бумагами, инвестиций и обслуживания одинаково важны, впоследствии же подчеркивалась лишь важность рынка финансирования ценными бумагами. В целях всестороннего анализа положения реформы интернационализации рынка ценных бумаг, в данной статье используется широкое понятие.

Доу Пэн, аспирант кафедры финансов и кредита экономического факультета Российского университета дружбы народов (Москва), ассистент Государственного городского университета (г. Ланьчжоу, КНР). E-mail: mathdp@mail.ru.

В 1982 г. Международная китайская инвестиционная корпорация по управлению имуществом (CITIC Group) разместила облигации на сумму 10 млрд иен на японской фондовой бирже, что ознаменовало начало открытия китайского рынка ценных бумаг внешнему миру, а два года спустя Банк Китая (Государственный коммерческий банк КНР, входящий в двадцатку крупнейших банков мира. — *Прим. ред.*) вновь разместил в Токио облигации на сумму 20 млрд иен. Это означало, что Китай официально вышел на международный рынок облигаций. После этого китайские финансовые институты один за другим стали размещать соответствующие облигации в иностранной валюте в Европе, США и Сингапуре. После вступления Китая в ВТО в 2001 г. его рынок ценных бумаг вступил в новую фазу развития.

В сфере интернационализации рынка финансирования ценными бумагами, размещаются привилегированные акции в юанях (типа В). В начале 1990-х годов для привлечения иностранного капитала, разрешения проблем валютного дефицита и срочной нужды в средствах для развития предприятий Китай осуществлял куплю-продажу и размещение ценных бумаг в иностранной валюте на Шанхайской, Шэньчжэньской фондовых биржах. Такая торговля акциями с иностранным капиталом получила название акции класса «В», то есть место выхода на рынок и регистрации компаний с такими акциями определялось на территории Китая. С 1991 по 2002 г. привлеченные средства на рынок акций класса «В» составили около 5,3 млрд долл. По разным причинам после 2001 г. акции класса «В» попали в ситуацию нефункционирования². Благодаря активному стимулированию выхода на зарубежные рынки через первичное публичное предложение акций внутренних предприятий или размещение ценных бумаг постепенно открывался внутренний рынок финансирования ценными бумагами.

В соответствии со сложившимся режимом существуют два пути выхода на внешний рынок для внутренних компаний: прямой и косвенный. Если ранее под моделью выхода на рынок ценных бумаг, включенных в биржевой котировочный список, понималось, что предприятия напрямую торгуют ценными бумагами за рубежом, то позднее стало подразумеваться, что китайские компании в основном владеют активами и ведут бизнес (хотя бы и внутри Китая) через зарегистрированные компании, находящиеся в оффшорной зоне (часто на Каймановых, Бермудских островах), торгующих на зарубежных биржах (в основном в Гонконге, Лондоне, Нью-Йорке, Франкфурте, Сингапуре).

Напрямую либо косвенно выходящие на рынок внутренние компании непременно должны пройти ратификацию в Комитете по Контролю над ценными бумагами (China Securities Regulatory Commission, CSRC), получить разрешение Управления валютными операциями КНР. В период 1993–2014 гг. такое использование китайскими предприятиями акционерного финансирования рынка ценных бумаг из-за рубежа превысило 1729 млрд юаней³. Большинство компаний, вышедших на зарубежный рынок, не только расширили финансовые каналы, ускорили процесс реформирования предприятий и создание системы современных технологий, но и способствовали многим китайским предприятиям самостоятельно выходить на зарубежные фондовые биржи, тем самым повышая их конкурентоспособность и степень известности за рубежом.

Кроме того, с 2005 г. национальное законодательство позволяет международным структурам выпускать ценные бумаги на территории КНР, накапливать средства для предоставления ссуды объектам строительства внутри Китая в виде средне- и долгосрочных фиксированных активов или средств акционерного капитала.

Последовательно в 2007, 2011 и 2015 г. вносились коррективы в «Каталог по руководству сферами международных инвестиций», которые открыли путь для зарубежных капиталовложений в рамках финансового сектора Китая, увеличили удельный вес зарубежных инвестиций, расширили каналы финансирования иностранными компаниями бизнеса внутри КНР.

В процессе интернационализации рынка портфельного инвестирования также налицо важные трансформации. В 2002 г. была создана система Квалифицированных иностранных институциональных инвесторов (QFII, Qualified Foreign Institutional Investor), допустившая иностранных инвесторов к внесению средств (при наличии условий) на внутреннем китайском рынке ценных бумаг. QFII представляет собой готовую систему, при которой в условиях невыполнения свободной конвертируемости счетов капитала Китая зарубежный капитал может обойти этот контроль и при определенных условиях войти на внутренний рынок ценных бумаг. В 2011 г. КНР запустил систему Квалифицированных иностранных институциональных инвесторов в юанях (RQFII, Renminbi QFII), допустив зарубежные инвестиции в юанях на внутренний рынок ценных бумаг. КНР постоянно расширяет условия вступления в системы QFII и RQFII. К 2017 г. числилось в общей сложности 310 компаний с иностранным капиталом, официально действовавших в структуре QFII и 219 компаний, действовавших по системе RQFII.

При этом китайская система Квалифицированного внутреннего институционального инвестора (QDII) также открыла для местных институтов и частных лиц рынки иностранного капитала. QDII может использовать местный капитал для объединения портфельных инвестиций за рубежом, возлагая на внутренние коммерческие банки ответственность за выполнение операций, вследствие чего зарубежные организации, обслуживающие ценные бумаги, могут осуществлять их куплю-продажу. К 2017 г. 132 иностранных учреждения получили лицензию QDII. Из-за нехватки опыта, а также из-за глобального финансового кризиса 2008 г. инвестиции в зарубежные страны QDII успехом не пользовались, но в последние годы положение меняется в лучшую сторону.

Благодаря укреплению торгово-экономических отношений континентального Китая с Гонконгом Пекин запустил в ноябре 2014 г. пилотный проект Шанхайско-Гонконгской фондовой биржи с взаимным доступом с общей суммой капитала 550 млрд юаней (в 2016 г. лимитные ограничения были сняты), что позволило шанхайским и гонконгским инвесторам инвестировать в рынки ценных бумаг друг друга. В декабре 2016 г. был официально запущен механизм взаимного доступа на фондовые рынки Шэньчжэня и Гонконга, и в первый же день объем взаимной торговли превысил 3,5 млрд юаней. Эти шаги означали официальное формирование «Совместного рынка ценных бумаг» Шанхая, Шэньчжэня и Гонконга. Открытие каналов связи иностранных и местных рынков ценных бумаг оптимизирует структуру рынка китайских ценных бумаг, расширит объем и качество капитала, будет способствовать улучшению взаимных связей и интернационализации юаня.

В области интернационализации рынка обслуживания ценных бумаг Китай уже всесторонне исполнил обязательства, данные ВТО, что позволило зарубежному капиталу участвовать в создании инвестиционных банков, управляющих компаний с тем, чтобы совершать в Китае операции с портфельными инвестициями. В конце 2016 г. было ратифицировано создание 11 инвестиционных банков с объединенным капиталом (совместные компании), что составило 9,09% от общего числа инвестиционных банков; было создано 44 управляющих компании с общим капиталом (совместные компании), что составило 40,74% от общего числа управляющих компаний⁴.

Кроме того, Китай расширил условия участия иностранного капитала в создании организаций по управлению ценными бумагами, позволив зарубежным фондовым биржам учреждать представительства на своей территории. Однако в шанхайской зоне свободной торговли участие организаций с иностранным капиталом в деятельности фондовых рынков гораздо шире. В случае разрешения иностранным кредитным рейтинговым агентствам публиковать для местных правительств рейтинг облигаций это предоставит финансовым организациям с зарубежным капиталом право получить статус агента расчетных операций на рынке облигаций и квалификацию андеррайтинга ценных бумаг в соответствии с национальным режимом. КНР также стимулирует местные организации управления ценными бумагами учреждать за рубежом дочерние компании, а также поощ-

ряет участие на международных рынках, изучение передовых иностранных маркетинговых концепций и моделей управления.

Гонконг является важной платформой выхода китайских брокерских компаний за рубеж. К 2015 г. количество учрежденных там дочерних компаний инвестиционных банков Китая достигло 23, а число дочерних предприятий управляющих компаний — 22.

Трудности на пути интернационализации рынка ценных бумаг

Китаю требуется надежная система регулирования, чтобы его рынок ценных бумаг функционировал эффективно, привлекая участников международных рынков. Обязательное условие при этом — наличие местных финансовых учреждений, конкурентоспособных на международной арене, и зарубежных финансовых структур для поддержания конкуренции. Необходимо также, чтобы при установлении правил функционирования фондового рынка соблюдался принцип представительства интересов. Наконец, для обеспечения нормального функционирования рынка ценных бумаг нужно располагать передовой правовой системой. Тем более что между реальной ситуацией на китайском рынке ценных бумаг и требованиями по его интернационализации еще существуют довольно большие расхождения.

Чрезмерно активный административный контроль над рынком ценных бумаг, декоммерциализация инвестиций и финансирования. Сегодня в Китае действуют требования по централизации и унификации системы регулирования ценных бумаг, не соответствующие мировым стандартам. Рыночная экономика требует, чтобы рыночный механизм в полной мере осуществлял распределение ресурсов, а саморегулируемые организации были бы в состоянии осуществлять эффективный самоконтроль и регулирование. Однако рынок ценных бумаг Китая главным образом регулируется административными методами, что означает нехватку саморегулирования. Китайский рынок ценных бумаг получил свое развитие благодаря мощной поддержке правительства, а также обязательствам госпредприятий осуществить реформы. Комитет по контролю над ценными бумагами КНР в данной системе регулирования имеет правоохранительное право, право устанавливать законодательные нормы и контроль за их выполнением. Министерство коммерции, Бюро по вопросам валютного регулирования и другие структуры, имеющие доступ к фондовому рынку, также получили право рассматривать и одобрять сделки. Административное регулирование может в короткие сроки и сравнительно быстро достичь целей регулирования, однако, с точки зрения долгосрочной перспективы есть вероятность разрушения рыночных отношений вплоть до замещения рыночных структур. В вопросе распределения ресурсов китайский фондовый рынок во многом полагается на административный механизм, что приводит к ситуации, когда рыночные механизмы не играют в этой сфере основной роли. К примеру, китайское правительство склоняется к тому, чтобы отдавать право выхода на рынок распределения ресурсов госпредприятиям, что создает трудности в финансировании частных компаний. Последним приходится выходить на зарубежные рынки для привлечения средств через проведение IPO. Компаний, способных выйти на зарубежный рынок IPO, очень мало⁵, что связано с административным типом регулирования рынка ценных бумаг. Выход предприятий на рынки ценных бумаг не зависит ни от конкретных результатов их деятельности, ни от размеров будущей прибыли, а лишь от статуса прав их собственности. Такое положение противоречит задачам реформы по созданию в КНР рыночной экономической системы, играя заметную роль в замедлении темпов интернационализации рынка ценных бумаг.

Таким образом, в рамках административно регулируемого фондового рынка иностранные структуры и частные лица, работающие на нем, вынуждены при определении направлений инвестирования и финансирования исходить из возможных изменений правительственных установок, а не только из действующего законодательства. Чрезмерное

государственное администрирование может создать депрессорный эффект в отношении саморегулирования рынка.

После проведения реформы в системе IPO у китайских компаний появилась возможность размещать акции и торговать ими на рынке. Но это зависит от фондовой биржи, поскольку право принятия решений фондовых бирж, в конечном итоге, зависит от административной власти. Административное управление в этой сфере осуществляется Комитетом по контролю над ценными бумагами. Решения о назначении генеральных директоров и председателей правления также напрямую принимается данным органом. Таким образом, китайский рынок ценных бумаг оказался в административной подчиненности у Комитета по контролю над ценными бумагами, автономные контроль и регулирование подменены административным регулированием.

Администрирование в деле регулирования рынка ценных бумаг привело к тому, что регулирование рынка отражает меры, реализуемые с политической точки зрения и исходя из интересов, проистекающих из логики высокорисковых действий, вследствие чего меры по поддержанию стабильности и устойчивости рынка ценных бумаг ставятся под сомнение. К тому же, фондовая биржа не в состоянии исполнять обязательств по контролю рынка ценных бумаг. На высокоразвитых зарубежных фондовых рынках фондовая биржа обладает высокой независимостью и абсолютным авторитетом. Вырабатываемые же ею правила торговли в отношении участников рынка обладают руководящей и контролирующей функцией. В случаях невозможности выполнения важнейших задач фондовая биржа не может выступать как регулирующий субъект процесса интернационализации международного рынка.

Низкая конкурентоспособность финансовых организаций и правовые ограничения на международных рынках ценных бумаг. Концентрация промышленности и интернационализация организаций управления ценными бумагами Китая сравнима по их опыту с состоянием рынков США и Японии 1980-х годов. Это можно объяснить относительно коротким промежутком времени открытия внешнему миру организаций по управлению ценными бумагами, когда, с одной стороны, при наличии сотрудничества с зарубежными партнерами на протяжении долгого времени отсутствовали конкурентные преимущества, с другой стороны, на протяжении продолжительного периода китайский рынок ценных бумаг был закрыт от внешнего мира. Это затрудняло иностранным финансовым учреждениям выход на рынок, из-за чего современным китайским финансовым учреждениям весьма не хватает инновационного потенциала.

Существует три пути открытия китайского рынка ценных бумаг для зарубежных операций с ценными бумагами: во-первых, создание дочернего предприятия за границей; во-вторых, иностранные инвестиционные банки с долевым участием; в-третьих, расширение партнерских отношений с иностранными инвестиционными банками для увеличения международных операций⁶.

В целях снижения числа конфликтов и трений с иностранными финансовыми учреждениями по концепциям управления компанией и процессам функционирования большинство китайских финансовых структур применяют первый метод. Так можно гарантировать достаточно высокое право контроля дочернего предприятия китайской холдинговой компанией, но одновременно это порождает инертность мышления в системе управления маркетинговыми концепциями и в функционировании дочерней компании за рубежом в составе холдинговой компании Китая, что не отвечает современным усложняющимся требованиям по финансовым продуктам.

Поскольку структуры управления ценными бумагами Китая используют брокерские операции с ценными бумагами, операции в инвестиционных банках, управление активами не хватает инновационного потенциала и движущей силы, что приводит к высокой степени гомогенизации данных структур управления ценными бумагами⁷. А именно, структуры управления ценными бумагами обладают тождественными путями торгов-

ли продукцией, предоставляемыми услугами и обслуживанием, стремясь обеспечить себе значительную долю на рынке. Подобная бизнес-модель не способствует предоставлению клиенту финансовых услуг требуемого качества. С другой стороны, зарубежные брокерские компании, по большей части, долгосрочно осуществляют смешанное управление, а ведущим направлением их деятельности являются финансовые продукты, направленные на удовлетворение специальных требований клиентов. В ходе соперничества между зарубежными и китайскими брокерскими компаниями, у последних нет каких-либо конкурентных преимуществ.

У китайских брокерских компаний нет права действовать обоснованно и с рациональной точки зрения, ибо они зачастую слишком полагаются на брокерские операции с ценными бумагами и операции инвестиционных банков. Доход от брокерских операций равен примерно половине их совокупного дохода, однако они, являясь операциями низкого уровня, предоставляют инвестору каналный бизнес по обслуживанию на фондовой бирже, в то время как величина других операций сравнительно мала.

Например, в 2014 году в рефинансирование операций в Гонконге китайская инвестиционная брокерская компания «Китайское международное финансовое акционерное общество CICC» получила лишь 2,9% от доли рынка, тогда как доля Goldman Sachs, UBS и Morgan Stanley на той же бирже составила 40,2%. В ходе операций по слиянию и поглощению CICC занимает 7,5% на рынке, а Goldman Sachs — 31,6%⁸.

Конкурентоспособность китайских финансовых учреждений, работающих с ценными бумагами, падает, что неизбежно ведет к ослаблению их роли на международном фондовом рынке. В условиях соперничества с иностранными финансовыми учреждениями при проведении рискованных операций они оказываются в невыгодном положении, не имея права участвовать в определении правил на международном рынке ценных бумаг.

Рыночная дисфункциональность. По сравнению с развитым рынком ценных бумаг США, возможности эффективного развития рынка КНР тормозятся его дисфункцией.

Во-первых, инвестиционно-финансовые функции фондовой биржи искажают рынок. Ставки по доходам на дивиденды публичных компаний, вышедших на рынок, сравнительно низки, доход от курсовой разницы цен спекулятивных акций остается единственной крупной движущей силой многих инвесторов, принуждая рынок длительное время колебаться от неэффективного до малоэффективного состояния. При этом потеря функции стоимостного инвестирования, локализация угроз рынку, комбинированное право собственности, оптимизация распределения ресурсов и пр. не могут действовать в обычном режиме.

Во-вторых, нужно отметить нечетко сформированное разделение многоуровневой системы китайского рынка ценных бумаг. Основной рынок (Main-Board Market), ценные бумаги малых и средних предприятий, рынок предприятий роста (Growth Enterprises Market) после более чем 20-летнего развития представлены и на фондовой бирже рынка, и в системе трансферта акций малого и среднего бизнеса, и на региональном биржевом рынке, и на рынке внебиржевых сделок: все это составляет первоначальный вариант китайского многоуровневого рынка ценных бумаг. Но каналы связи различных уровней рынка не всегда действуют свободно, функция распределения ресурсов рынка и функция установления цены капитала, как и функция ликвидности пока что неэффективны, функции различных уровней рынка размыты, функция совершенствования рыночной системы сформирована не до конца.

Незрелость группы инвесторов. Среди субъектов инвестиций на китайском рынке ценных бумаг доминируют малые и средние инвесторы. Всего в 2016 г. значилось 114,8 млн инвесторов, из которых 114,5 млн, или 99,73% от общего числа, были физические лица. Остальные 0,27% (чуть больше 300) — юридические лица. Доля рыночной капитализации счетов участия в акционерном капитале обыкновенных акций в юанях

(класс А) на сумму меньше 100 тыс. юаней составила 76,18%, от 100 тыс. до 1 млн юаней — 21,64%, более миллиона — 2,18%.

По сравнению с институциональными инвесторами уровень структуры частных малых и средних инвесторов низок, налицо недостаточность специальных знаний, децентрализация, сильно выраженная спекулятивность, недостаток квалификации в принятии решений, высокие издержки по сбору информации, невозможность диверсификации инвестиционных рисков, отсутствие эффекта масштаба, низкая способность контролирования и наблюдения за операциями с ценными бумагами. Поэтому действия большинства инвесторов китайского рынка ценных бумаг сопряжены со следующими недостатками:

– недостаточная эффективность функционирования рынка, нередкие эпизоды мошеннических действий;

– эффективность ценообразования на акции низка, неумение применять специализированные инвестиции ради эффективности такого ценообразования;

– резкие колебания рыночных цен, частота операций, основанных на разнице цен в коротких позициях, неэффективность процесса реформирования корпоративного управления публичными компаниями, недостаточная стабильность на рынке.

Несовершенство системы контроля и регулирования рынка ценных бумаг. Различные экономические и финансовые проблемы китайского рынка ценных бумаг, в конечном счете, объясняются необходимостью реформирования соответствующей правовой системы⁹. «Закон о ценных бумагах», «Закон о портфельном инвестиционном фонде», «Корпоративное право» и ряд соответствующих нормативных актов появились довольно рано, но многие регламентации, хотя в них было внесено множество корректив, отнюдь не совершенны и по-прежнему не отвечают требованиям интернационализации рынка ценных бумаг. Система раскрытия информации на рынке ценных бумаг осуществляется преимущественно посредством административной системы и регламентаций административных органов, но это не помогает избежать конфликтов правовых норм, и в результате соответствующие системы не могут эффективно контактировать. Глава 2 «Закона о ценных бумагах» четко определяет сферу применения этого документа «в границах КНР». В «Законе о портфельном инвестиционном фонде» также имеется подобное положение. А из этого проистекает невозможность надлежащего осуществления контроля правительством действий отечественных компаний, выходящих на зарубежный рынок IPO, как и компаний, учреждающих за рубежом дочерние предприятия. Оно в состоянии проводить контроль и регулирование лишь посредством соответствующих двусторонних соглашений и меморандумов, что подрывает эффективность и своевременность контроля. При создании дочерней структуры в Гонконге китайские инвестиционные банки старались — ради максимальной независимости — обойти положения законодательства КНР.

Законодательная система развитых рынков ценных бумаг зачастую обладает силой и за рубежом, что является важным знаком проявления влияния государства на международной арене, а также является эффективным путем получения права выработки нормативных положений на международном фондовом рынке¹⁰. Это связано с тем, что зарубежные компании США еще в 1960-х годах начали предпринимать действия по размещению своих ценных бумаг за рубежом, на основе своих развитых финансовых рынков и строгой законодательной системы, они обрели глобальное влияние.

Масштабы рынка ценных бумаг Китая постоянно расширяются, процесс интернационализации день ото дня ускоряется. Если и дальше продолжать придерживаться законодательства в сфере ценных бумаг, не обладающих силой за рубежом, то это может повлечь еще более серьезное отставание темпов развития правовой системы, ослабление системы защиты инвесторов и ущемление их интересов (в особенности, действиями, нарушающими интересы малых и средних инвесторов), что не способствует не только защите китайских инвесторов, но и стабильности китайского рынка ценных бумаг, его последовательному развитию¹¹.

Отставание правовой системы рынка ценных бумаг Китая демонстрирует не только ограничения, делающие невозможным удовлетворять требования по углублению интернационализации рынка ценных бумаг, но и противоречия между уже имеющимися правовыми системами. Наиболее показательны конфликты между «Законом о ценных бумагах» и «Корпоративным законом». Если считать, что оба они взаимно независимы, то неизбежен вывод, что зарубежные компании могут выпускать акции внутри Китая и торговать на бирже. Таким образом, возникает вопрос: если выходящие на китайский рынок иностранные фирмы не являются «компаниями» по китайскому «Корпоративному закону», то какими правовыми положениями после их выхода на рынок должны руководствоваться китайские регулирующие органы при контроле таких компаний? В случае применения в отношении них отдельных законов Китая неизбежно придет к использованию двойных стандартов при контроле и регулировании действий иностранных компаний. А это в свою очередь не соответствует принятым стандартам поведения на международном фондовом рынке. Если не гармонизировать «Закон о ценных бумагах» с «Корпоративным законом», то это будет серьезно препятствовать интернационализации рынка ценных бумаг КНР и функционированию ее правовой системы.

Выявились и некоторые проблемы управления китайскими ценными бумагами, что проявляется в недостаточной способности реагирования на кризисные явления. Из-за того, что концепция регулирования и соответствующие методы не успевают за темпами развития рыночной ситуации, то наличие только мониторинга информации об угрозах рынку, контроля, изучения и оценки рынка уже недостаточны. Такие причины как недостаточность контроля в отношении новых инструментов и способов торговли, дефицит информации для принятия решений о реагировании на кризис, снижают эффективность поддержания стабильности рынка и чреваты огромным экономическим ущербом¹².

Повседневный контроль не достиг желаемых целей в силу недостаточности исполнительных функций, сокращения участия крупных владельцев акций публичных компаний в акционерном капитале, незначительного восприятия риска инвесторами. Из-за этого происходит массовое попадание на рынок высокорисковых активов, инвесторам трудно управлять счетами в торговых операциях, имеет место вывод незаконным путем капитала крупными акционерами публичных компаний. Отдел контроля и управления несвоевременно реагирует на проблемы, выявленные в процессе функционирования рынка. Также заметен недостаток опыта в контроле и регулировании, что приводит к сильным колебаниям на фондовом рынке. Это означает, что действующий порядок регулирования рынка ценных бумаг уже не соответствует требованиям его современного развития, а разрыв с передовыми концепциями регулирования весьма велик.

* * *

Сегодня Китай пребывает в важном периоде процесса перехода от развивающегося — к развитому рынку. В 2009 г. Госсовет КНР предложил создать до 2020 г. в Шанхае международный финансовый центр. Цель проекта — изменение статуса Китая как страны с большим финансовым рынком в государстве с мощнейшим финансовым рынком.

Фондовый рынок страны начал развиваться в период перехода от плановой экономики к рыночной, параллельно с подъемом китайской экономики и с ростом международного влияния китайского рынка ценных бумаг. Его интернационализация стала непременным условием и обязательным итогом создания в КНР международного финансового центра. Это обуславливает необходимость изучения опыта интернационализации фондовых рынков США, Германии других важных стран, а также извлечение уроков из опыта Мексики, Таиланда и других развивающихся государств, экономическое развитие которых подвергалось серьезным ударам.

Сегодня уровень развития фондового рынка Китая невысок, также как и уровень контроля за рынком ценных бумаг и конкурентоспособность соответствующих структур

управления ценными бумагами. Это создает препятствия для формирования эффективной защиты китайского рынка от возможных рисков в случае полного открытия фондового рынка Китая. В связи с этим необходимо придерживаться модели постепенной, поэтапной интернационализации фондового рынка.

Кроме того, нельзя забывать об оздоровлении правовой системы, совершенствовании рыночных механизмов, диверсификации аспектов расширения зарубежных операций, повышении международной конкурентоспособности. В итоге, после успешного завершения ряда важных реформ (таких как интернационализация юаня, коммерциализация процентной ставки и валютного курса) можно сформировать благоприятную рыночную конъюнктуру для интернационализации фондового рынка.

-
1. *Peng Yue*. Legal Regulation Transnational Securities Financion: In the Perspective of Supervision Overseas Company's Listing on Domestic Exchange. Beijing: China Law Press, 2011. P. 3.
 2. *Long Yun*. China B Share Market Research // Fudan University Journal. 2006. Vol. 2. P. 12.
 3. 2016 China Securities and Futures Statistical Yearbook / China Securities Regulatory Commission. Beijing: China Financial Publishing. 2016. P. 27.
 4. Ibid.
 5. *Li Shoushuang, Su Feilong, Zhu Rui*. Chinese private enterprises listed overseas. Beijing: China University of Political Science and Law Press. 2012. P. 66–67.
 6. *Xiang Chunsheng*. Strategic Thinking on Overseas Investment of China Investment banking in the Situation of Financial Crisis // Inner Mongolia Finance Research. 2009. Vol. 6. P. 9–10.
 7. *Yin Ke*. Internationalization of China Securities Market and Innovative Ideas for the Development of Securities Business at Home and Abroad // Innovation and Development: China Securities Industry. 2012. Vol. 1. P. 108.
 8. *Shi Wei, Li Fengyun, Hu Song*. The Opening and Internationalization of China Capital Market: An Analysis of Investment Banks' Competitiveness // China Capital Market Research. 2015. Vol. 1. P. 14.
 9. *Han Long*. A Perspective of Legal Barriers to RMB Internationalization // Journal of Soochow University Philosophy & Social Science Edition. 2015. Vol. 4. P. 66.
 10. *Shang Fulin*. Enhance capital market investment value // China Financialyst. 2007. Vol. 1. P. 24–25.
 11. *Li Wenhua*. Research on the Protection of Small and Medium Investors from the Perspective of Supervision // South China Finance. 2013. Vol. 6. P. 40.
 12. *Jiang Xianling, Qin Zhipeng*. Research on the Driving Factors of International Strategic Value of Listed Financial Institutions in China: Empirical Analysis Based on Cross-border M & A // Modern Management Science. 2014. Vol. 4. P. 16.

Китай: приоритет «зеленых» и «умных» автомобилей

© 2018

С.Л. Сазонов, Чэнь Сяо

Стремительное экономическое развитие Китая в последние три десятилетия многократно умножило расход энергоресурсов, а рост в последние годы доходов населения стимулировал производство и продажи автомобилей. В числе последствий того и другого — усиление зависимости страны от импорта нефтепродуктов, ухудшение экологической ситуации. Осознавая эти вызовы, руководство Китая радикально перестраивает автопром страны на принципах новой энергетики, создавая инновационный транспортный парк и соответствующую инфраструктуру нового поколения.

Ключевые слова: Китай, энергетическая безопасность, загрязнение окружающей среды, электромобили, беспилотные авто, энергосбережение, инновации.

Зависимость Китая от импорта нефти, в начале XXI века составлявшая 10% от объема собственной добычи, возросла до 67% в 2017 г. и, по прогнозам экспертов, может подскочить к 2020 г. (при сохранении тренда) до 70%.

По оценкам Министерства промышленности и информатизации КНР, в 2017 г. около 60% производимого в стране бензина и дизельного топлива использовались в автотранспорте, чей парк ввиду непрерывного роста производства к 2020 г. может превысить 210 млн единиц. Беспокоят и антропогенные факторы: в 2017 г. атмосфера в 170 крупнейших городах КНР не отвечает экологическим нормам: в основном, из-за автомашин с двигателями внутреннего (ДВС), каковые уличены как основные (до 85%) источники загрязнения воздушной среды. Выбросы в атмосферу соединений углерода, свинца, фтора, серы и азота, как оказалось, вдвое превышают объемы таких же выбросов промышленных предприятий мегаполисов¹. Сегодня жителям Пекина и других крупных городов приходится использовать респираторные маски, бывают дни, когда ничего не видно на расстоянии вытянутой руки.

1. «Зеленые авто»

В интересах экологии и ради снижения зависимости от ввоза нефтепродуктов Госсовет КНР принял в 2016 г. Программу развития энергетики и сокращения выбросов соединений углерода на период 2016–2020 гг., которой предусмотрено поступательное повышение доли возобновляемых источников энергии в общем энергобалансе страны (до 20% в 2020 г. и до 35–40% в 2050 г.)². Объем выбросов углекислого газа на единицу ВВП намечалось уменьшить к 2030 г. на 60–65% по сравнению с показателями 2005 г.³

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: sazonovch@mail.ru;

Чэнь Сяо, аспирантка ИДВ РАН. E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru.

Для защиты городов от антропогенных загрязнений правительство в ноябре 2017 г. ограничило на 10% продажи дизельных автомобилей с высоким выбросом серы⁴, в начале декабря ужесточило ограничения по вредным выбросам у автомобилей с ДВС⁵, а с 1 января 2018 г. воспретило автопрому выпускать 553 модели автомашин, не отвечающих экологическим стандартам. Тогда же Министерство экологии наложило штраф в 31,7 млн юаней (4,9 млн долл.) на двух китайских производителей в провинции Шаньдун за выпуск 318 дизельных грузовиков, не отвечающих экологическим нормам⁶.

Массированная атака против двигателей внутреннего сгорания (ДВС), разразившаяся в КНР на рубеже 2017–2018 гг., — не случайность: к тому времени китайское руководство уже ясно отдавало себе отчет в том, что эпоха автомобилей с ДВС близится к закату. Кстати, именно тогда, в 2017 г. в разных странах прозвучали декларации о намерениях перейти в 2025–2040 гг. от производства автомобилей с ДВС — к экологически чистым автомобилям с двигателями на альтернативных (не вредящих экологии) источниках энергии: Норвегия и Нидерланды обещали осуществить это уже в 2025 г., Германия и Индия — в 2030 г., Англия и Франция — в 2040 г.⁷

Китайцев этот тренд врасплох не застал. В Программе «Сделано в Китае 2025», оглашенной Госсоветом КНР еще в 2015 г., шла речь о превращении КНР в современную инновационную державу путем развития стратегических отраслей промышленности с высоким уровнем инновационных разработок. Под номером 3 в перечне фигурировало производство автомобилей, использующих альтернативные источники энергии (АИЭ)⁸.

В докладе китайской аналитической компании «China International Capital Group» на экономическом форуме «Летний Давос 2017» (г. Далянь) отмечалось: «Окончание продаж автомобилей на бензиновом топливе стало глобальным трендом, и Китаю нужно стать лидером инновационного рывка»⁹. Впрочем, к тому моменту Китай, как убедимся ниже, уже первенствовал в мире по этой проблематике.

Идея перестройки автопрома вызревала в Китае исподволь. Наличие значительной производственной автомобилестроительной базы, емкого внутреннего рынка помогли ему заблаговременно вступить в гонку за лидерством в этой сфере инноваций. К планам создания автомобилей на альтернативных источниках энергии (АИЭ) правительство КНР подступило еще в 2009 г. Идея была конкретизирована в «Программе развития автомобилестроения на основе новой энергетики, энергосбережения на период 2011–2020 гг.», принятой Госсоветом КНР в мае 2011 г. Два года спустя был оглашен документ «О плане развития производства автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, на 2013–2020 гг.»

Эти программа и план были нацелены, в частности, на организацию спецплощадки для разработки и последующего производства «зеленых авто» силами ряда ведущих автомобильных концернов с расчетом к 2020 г. обеспечить их ежегодный выпуск в количестве 1 млн штук. Плюс к тому было намечено развить мощности 2–3 средних автомобильных компаний для годичного выпуска 300–500 тыс. автомобилей, оснащенных АИЭ. В период 10-й и 11-й пятилеток (2001–2010) КНР направила на создание «зеленых авто» более 900 млрд юаней (китайские специалисты зарегистрировали по ходу реализации этих задач около 600 патентов).

Руководство КНР стремилось диверсифицировать источники финансирования по АИЭ через привлечение зарубежных инвестиций и создание благоприятных условий для участия частного капитала (по модели государственно-частного партнерства). Для автопрома была создана система дифференцированных поощрений за переориентацию на двигатели с АИЭ. Так, соответственно принятой в КНР Программе, для легковых машин на альтернативных источниках энергии были установлены дотации по 3 тыс. юаней на 1 Вт/час аккумуляторной батареи (но не более 50 тыс. юаней для ГА и не более 110 тыс. для ЭМ), для ЭМ, оснащенных топливными элементами, дотация составляла 360 тыс. юаней. Гибридные городские автобусы со свинцово-кислотными аккумулятора-

ми могли рассчитывать на дотацию до 450 тыс. юаней, а гибридные автобусы с никель-металл-гидридными (NiMH) и литий-ионными (Li-ion) до 480 тыс. юаней. Городские автобусы, работающие на 100%-й электрической тяге имели право на субсидию до 520 тыс. юаней.

В 2012 г муниципальные власти обрели право предоставлять из средств местных бюджетов дотации покупателям гибридных автомобилей на сумму до 40 тыс. юаней и электромобилей — до 60 тыс. юаней¹⁰. В 2013 г. эта программа (срок которой был установлен до 2018 г.), была распространена на 50 городов КНР. Поощрялись и покупатели, и компании-производители. В 2009–2014 гг. общие затраты государства на дотации по этой линии достигли 33,4 млрд юаней¹¹.

С 2010 г. в целях привлечения современного технологичного оборудования для АИЭ правительство КНР обнулило таможенные пошлины за его ввоз, что действовало в предшествующие 8 лет. Это дало производителям «зеленых авто» экономию более чем в 32 млрд юаней. С конца 2017 г. Минфин расширил эту льготу, освободив импортеров инновационного оборудования для авто с АИЭ от уплаты налога на добавленную стоимость, что дало им, по подсчетам, 2,3 млрд юаней (350 млн долл.)¹²

В начале 2014 г. Госсовет наделил власти на местах правом освобождать владельцев транспорта с АИЭ от выплаты 50% суммы налога с продаж транспортных средств. Год спустя Минфин освободил в полном объеме от уплаты транспортного налога все «зеленые авто». С июля 2015 г. всех покупателей электромобилей избавили от налога с продаж (при покупке гибридных авто он теперь оплачивался лишь на 50%). Обе категории автовладельцев были освобождены от оплаты муниципальных парковок.

Дотационное стимулирование в 2015 г. обошлось государству в 59 млрд юаней¹³, в 2016 г. — в 83 млрд¹⁴, в 2017 г. — в 86 млрд¹⁵. Отмена этих субсидии назначена на 2020 г., но владельцам «зеленых авто» сулят сохранить льготы при проезде по платным шоссе, при пользовании муниципальными парковками, при оплате налогов и ввозных пошлин.

Поощряя продажи данной продукции, Госсовет в июле 2015 г. обязал органы государственной власти, муниципалитеты городов, общественные организации ввести при купле автотранспорта для служебного пользования 30%-ю квоту на автомобили с АИЭ (позднее ее подняли до 60%)¹⁶.

Внесли лепту и центральные банки Китая, объявившие в сентябре 2017 г. новую кредитную политику, которая позволяет покупателям «зеленых авто» беспрепятственно брать кредит на максимальную сумму, покрывающую до 85% стоимости покупки.

Особое место в системе преференций заняли аккумуляторные батареи. Сначала производители «зеленых авто» с пробегом без подзарядки в 100–150 км получали субсидию в 20 тыс. юаней, за авто с потенциалом в 150–250 км полагалось 36 тыс., а в 350 км — 44 тыс. юаней¹⁷. Теперь для первой из трех категорий субсидии аннулированы, для второй сокращены до 20 тыс. юаней, для третьей подняты до 50 тыс.¹⁸

Для НИОКР по аккумуляторным батареям в 2015 г. выделено 130 млрд юаней¹⁹. И прогресс налицо. В 2017 г. на женевском автосалоне был показан электромобиль под маркой EU220 китайской компании BAIC, без дозарядки одолевший со скоростью более 100 км/час дистанцию в 300 км. Тогда же на автомобильном салоне в Гуанчжоу китайский автопроизводитель Chery представила электромобиль Tiggo 3X (кроссовер на электрическом приводе, способный при полной зарядке проехать более 350 км, а при отличном дорожном покрытии — около 450 км).

В Ухане, где размещены основные заводы корпорации Dongfeng Motor Corporation, входящей в «большую четверку» ведущих китайских автопроизводителей, началось строительство Центра разработки технологий водородных аккумуляторных батарей (с применением пластин из гидроксида кальция), которые дешевле и эффективней стандартных батарей, меньше по габаритам и надежнее. Общий объем инвестиций в создание

Центра оценивается в 11,5 млрд юаней. К его технологическим разработкам предполагается привлечь около ста производителей АИЭ²⁰. В 2018–2020 гг. будет построено 20 водородных заправочных станций. Там же в 2019 г. ожидают появления электромобилей, способных преодолевать без дозаправки 600 км.

К 2025 г. Ухань обещает стать мировым центром производства водородных аккумуляторных батарей, количество заправок увеличится до 100, а объем производства 2–3 крупнейших китайских производителей водородных аккумуляторных батарей для АИЭ достигнет 100 млрд юаней (15,6 млрд долл.)²¹

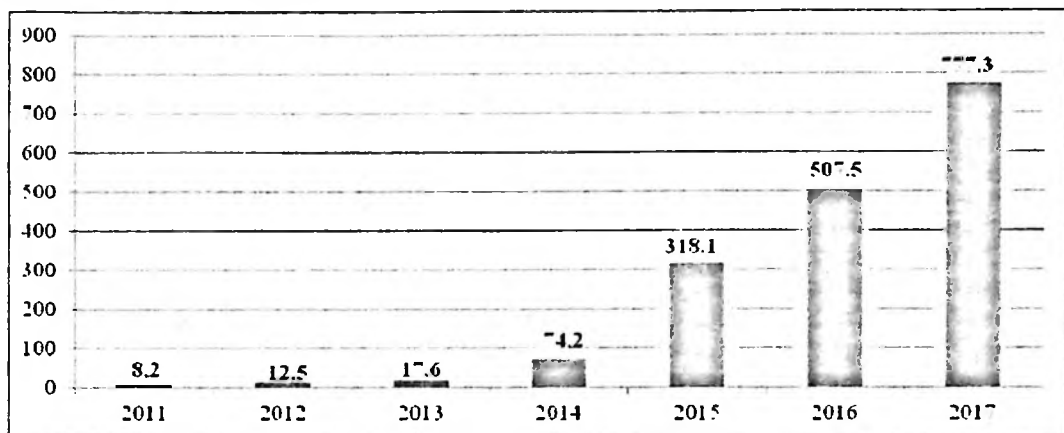

Рис. 1. Рост продаж автотранспорта на АИЭ (электромобилей и гибридных автомобилей) в Китае в 2011–2017 гг. (100 тыс. ед.)

Источник: Чжунго цзяотун няньцзянь 2017. Пекин. 2017. С. 339; Хаюгэ 2017 паньдянь 2017 нянь цзяотун юньшуй ханэ дашицзянь (Хроника основных событий в транспортной отрасли в 2017 г.) 2017 // Китайские дороги (Чжунго гунту). 2018, № 2. С. 3.

Особенно масштабный скачок производства и продаж электромобилей и гибридных авто в КНР статистика зафиксировала в 2015 г., когда умножение против предшествующего, 2014 г. выразилось не в процентном соотношении, а почти в 4,5 раза.

В 2016 г. по производству и продажам автомобилей с АИЭ на долю Китая пришлось около 50% от объема мирового производства «экологически чистых автомобилей». опередивший и США, и Европу, он ныне — мировой лидер в этой области²².

К августу 2017 г. парк авто с АИЭ перешагнул в Китае рубеж в 1 млн (из них 625 тыс. — электромобили, а 193 тыс. — гибридные авто)²³.

В январе 2018 г. на форуме «China EV100–2018» министр промышленности и информатизации КНР Мяо Вэй сообщил, что за 2017 г. было произведено 794 тыс. автомобилей с АИЭ, тогда как объем продаж вырос против 2016 г. на 53,3%, составив 777 тыс. шт.

В 2016 г., когда, КНР стала мировым лидером в производстве «зеленых авто», доля таковых в продажах китайского автопрома составила около 2%, и это выглядело неплохим показателем (в Евросоюзе доля автомобилей с АИЭ в продажах автотранспорта составила тогда 1,2%, в США — 1,4%²⁴).

В тот год в Китае около 75% продаж автомашин, функционирующих на альтернативной энергии, были осуществлены в крупных городах, где действовала система ограничений на куплю автомобилей с двигателем внутреннего сгорания (ДВС).

Суммарное потребление электроэнергии в Китае автомобилями, использующими АИЭ, в 2016 г. превысило 1,4 млрд кВт/ч, что равноценно, по расчетам экспертов, сбережению более 420 тыс. т бензина и дизельного топлива²⁵.

Поскольку в крупных городах, где автовладельцу не требуются пробеги длиной в 300–400 км на одной зарядке (т.к. там хватает электро-зарядных станций на оптимальном расстоянии одна от другой), то 67% из проданных в 2017 г. автомашин с АИЭ составили электромобили небольших размеров (на четверых), а 25% были еще компактней²⁶.

Председатель Китайской ассоциации автопроизводителей (КААП) Дун Ян полагает, что в 2018 г. производство «зеленых авто» вырастет примерно на 40%, суммарно будет выпущен 1 млн единиц, а в 2020 г., как ожидается, суммарный объем реализации таких автомобилей превысит 2 млн единиц²⁷. По мнению Дун Яна, доли продаж распределятся между национальными производителями (49%), разными СП (37%), новичками-производителями, недавно внедрившимся на рынок АИЭ (10%) и импортными поставками (4%).

Китайским инновациям свойственны не только внушительные количественные подвижки, но и творческий поиск, многообразие инициатив.

Наряду с производством электромобилей (машин на электрической тяге, то есть совсем без вредных выбросов), КНР активно разрабатывает АИЭ на водородном топливе либо со смешанным источником питания — гибридных автомобилей.

Разрабатывается технология производства автомобилей с применением таких АИЭ, как солнечная энергия, этанол, метанол, биотопливо. Программа амбициозна по целям: к 2020 г. Китай надеется довести свою долю производства инновационных АИЭ до 30% общемирового производства.

Корпорация Dongfeng (подразделение Xiangyang Touring Car Co) и Пекинский технологический институт совместно разработали модель автобуса с электрическим приводом (его длина: 6,7 м.), который в конце 2017 г. прошел тестовые испытания в Шэньчжэне. Он может перевозить на одной зарядке 25 человек со скоростью 45 км/час на расстоянии до 220 км²⁸.

Полный переход китайской промышленности к производству «зеленых авто» не может пройти одномоментно и не будет означать скорого отказа от использования автомобилей с двигателем внутреннего сгорания (ДВС). Вероятно, резкого сокращения традиционных бензиновых автомобилей можно будет ожидать в крупных городах, но не в средних и малых (где не вводилось ограничений на куплю авто с ДВС). Процесс внедрения экологически чистого автотранспорта будет продолжительным.

По мнению экспертов Китайской ассоциации автомобильных производителей, селяне и жители небольших городов в ближайшие 5–10 лет останутся потребителями традиционных автомобилей с бензиновыми и дизельными моторами и тем самым будут поддерживать развитие традиционного китайского автопрома. Однако, когда весь парк автомобилей с ДВС (коих к тому времени здесь будет уже 350–400 млн) окажется заменен на машины с АИЭ, это позволит Китаю сберечь до 500 млрд литров бензина и дизельного топлива.

Крупные автомобилестроительные корпорации КНР расширяют на основах государственно-частного партнерства масштабы НИОКР по созданию нового поколения АИЭ, иницируют привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и создание СП с ведущими в этой сфере западными компаниями²⁹.

В целях внедрения на мировой рынок три крупных китайских автопроизводителя — корпорации FAW, Dongfeng Motor Corporation и Changan Automobile заключили в декабре 2017 г. соглашение о стратегическом сотрудничестве по разработке инновационных автомобилей с АИЭ, созданию производственно-сбытовых цепочек высокотехнологичной продукции, расширению сети послепродажного сервиса за рубежом. В соответствии с данным соглашением, они совместно создадут инновационный центр по развитию перспективных технологий по новым источникам энергии³⁰.

Активно развивается международное сотрудничество по созданию автосборочных предприятий «зеленых авто» на территории КНР. Так, в июле 2017 г. автомобилестроительные предприятия «зеленых авто» на территории КНР.

строительная компания Beijing Automotive Group (BAIC Group) подписала соглашение с немецким концерном Daimler Group о создании СП под маркой Beijing Benz Automotive Co.

Таблица 1

Планы создания парков электромобилей (ЭМ) в 2020 г. (по странам мира)

Страны	Число авто в 2015 г. (тыс. шт.)	Прогноз на 2020 г. (млн. шт.)	Доля ЭМ в продажах авто в период 2016–2020 гг.
Китай	312,3	4,6	6%
Австрия	5,3	0,2	13%
Дания	8,1	0,2	23%
Франция	54,3	2,0	20%
Германия	49,2	1,0	6%
Индия	6,0	0,1	2%
Ирландия	2,0	0,1	8%
Япония	126,4	1,0	4%
Нидерланды	87,5	0,3	10%
Португалия	2,0	0,2	22%
Республика Корея	4,3	0,2	4%
Испания	6,0	0,2	3%
Великобритания	49,7	1,6	14%
США	101,0	1,2	6%
Всего ЭМ по всем перечисленным странам и среднее значение	814,1	12,9	7%

Источник: Ли Сюэсун. Чжунго синьнэньюань цичэ 2020 нянь цзяню фэйюэ фачжэнь: [В период до 2020 г. будет продолжаться стремительное развитие китайских автомобилей, использующих новые источники энергии] // Китайские дороги: [Чжунго гунту]. 2018. № 1. С. 2–6.

Стороны намерены инвестировать 5 млрд юаней (735 млн долл.) на создание в 2020 г. в Пекине производственной площадки по сборке электромобилей и выпуску аккумуляторных батарей, разработанных по технологиям немецкой концепции «Индустрия 4.0».

На сотрудничество с предприятиями КНР в этой сфере охотно идут американские и немецкие коммерсанты. В январе 2018 г. группа компаний Renault—Nissan Alliance объявила о создании в провинции Хубэй СП с китайской компанией Dongfeng Motor, которое с 2020 г. начнет производство компактных внедорожников на новых источниках энергии.

Немецкая корпорация Mercedes-Benz совместно с китайской компанией BAIC Group намерена в 2020 г. начать в Китае массовое производство электромобилей EQ, считая, что китайский рынок является самым перспективным для Mercedes-Benz в сегменте «зеленых авто».

Американский автомобильный концерн Ford объявил в начале 2018 г. об учреждении СП с китайской компанией Anhui Zotye Automobile с целью производства и продаж в Китае в 2025 г. 15 новых моделей АИЭ.

Компания Tesla (США) намерена к 2020 г. построить в Шанхае завод по производству автомобилей на новых источниках энергии, который в 2025 г. будет производить более 20 различных типов электромобилей³¹.

Китайская компания BYD (Build Your Dreams) намерена запустить в американском Ланкастере производство электробусов. Она расширяет там производственную базу площадью до 138 тыс. кв. м с тем, чтобы в ближайшем будущем ежегодно производить до 1,5 тыс. автобусов на электрической тяге и необходимые для них металло-фосфатные аккумуляторные батареи (обеспечивающие автобусу пробег на одной зарядке до 300 км). Она рассчитывает занять 30% рынка продаж таких автобусов в Северной Америке³².

Та же компания уже экспортировала партию из 50 электробусов в Аргентину, построила в венгерском Комароме и канадском Ванкувере заводы по производству электробусов с годичным выпуском по 400 и 700 машин соответственно.

Наконец, в январе нынешнего года та же BYD подписала контракт с правительством Египта о поставке 50 автобусов на электрической тяге для пополнения муниципального автобусного парка Александрии.

Кстати, автобусы на электрической тяге ее производства используются уже в более чем 200 городах 50 стран мира³³.

2. «Зеленые» с интеллектом

С тех пор, как в 1886 г. был произведен первый в мире автомобиль, автомобильная промышленность еще не сталкивалась с такими грандиозными изменениями как сегодня: появляются «умные», обладающие контактом с сетью Интернета и наделенные «навыком беспилотного вождения» автомобили нового поколения.

Такие в Китае уже есть (речь идет прежде всего об автомобилях, что оснащены автопилотом, «работающим» в полуавтоматическом режиме).

Следует иметь в виду, что в Китае для полуавтоматического режима определены **три уровня**, или классификатора автопилотов (по степени автономности управления), а «зеленые авто» с автопилотом оснащаются разного рода датчиками и камерами видеодетекции и слежения, компьютерными модулями, которые анализируют складывающуюся на дороге обстановку и автоматически управляют автомобилем.

Предусмотрены такие функции, как обеспечение автономного режима беспилотного управления на небольших скоростях: перестраиваться при наличии слепых зон; распознавать перекрестки; «видеть» разметку автотрассы, траекторию дороги и другие транспортные средства на пути; распознавать внезапно появляющихся перед автомобилем пешеходов; осуществлять экстренное торможение в случае опасности и т.п.

Автомобили, которым будут присваивать 4-й или 5-й уровни, пока что в стадии доработки, их предполагается запускать в эксплуатацию в 2022–2025 гг. От них ожидается полностью автономное вождение при любых скоростях, способность к самообучению в процессе эксплуатации — компьютер системы будет собирать и обрабатывать данные о дорожной обстановке и отправлять их на центральный сервер автопроизводителя, которому надлежит вырабатывать и посылать обратно обновленные программы действий для автономной системы вождения автомобиля.

Системы с 1-го по 3-й уровень оснащены радаром миллиметрового диапазона, которые обеспечивают обнаружение пешеходов и других препятствий с разрешением 25 см на расстоянии до 50 м менее чем за 0,2 секунды и рассчитаны на то, что водитель постоянно следит за дорожной ситуацией и в любой момент может взять управление на себя (если водитель временно отвлекся, система контроля оповестит его о проблеме, принудительно возвращая к дорожной обстановке). Пребывающие в стадии разработки «более продвинутые» автопилоты (4-го и 5-го уровней) будут управлять машиной автономно от водителя. Отличительная характеристика 5-го уровня выразится в способности автопилота «рулить» на любой дороге³⁴. В результате подобного обмена информацией система автономного вождения будет постоянно улучшаться и совершенствоваться³⁵.

Ведущие китайские автопроизводители FAW Group и Hongqi к 2025 г планируют запустить в эксплуатацию 17 и 14 новых моделей электромобилей соответственно, с потенциалом пробега до 600 км без дозаправки. Модели, которые будут выпускаться этими фирмами в 2020 г (по 100 тыс. ед.), будут оснащены системами беспилотного вождения 3-го уровня, в 2025 г. (по 300 тыс.) системами вождения 4-го уровня и в 2035 г. (по 500 тыс. ед.) — системами автономного вождения 5-го уровня³⁶.

Компания Baidu в январе 2018 г. на Международной выставке достижений в сфере электронных систем в Лас-Вегасе объявила об обновлении своей платформы Apollo 2.0, призванной в сотрудничестве с китайскими автопроизводителями JAC Motors и BAIC Motor наладить в 2020 г. производство беспилотных автомобилей 3-го уровня³⁷.

Не отстает и компания SAIC Motor, которая совместно с компанией Intel разрабатывает систему беспилотного вождения 3-го уровня, основанную на технологии «Мобильный глаз» (Mobileye technology)³⁸.

Ведущая компания Китая по производству средних и легких грузовиков FAW Jiefang (в 2017 г. объем продаж составил 291 тыс. единиц, а план производства на 2018 г. 319,8 тыс. штук) намерена в середине 2018 г. приступить к продажам тяжелого грузовика Jiefang (J7) с 5-ю функциями интеллектуального вождения (распознаванием светофоров и препятствий, обгона, следования за другим автомобилем, а также дистанционным управлением)³⁹.

В начале 2018 г. в Китае развернулось строительство научно-производственных центров по разработке инновационных технологий для беспилотных автомобилей, оборудованных системами искусственного интеллекта. Там уже разработаны автомобили, оснащенные автопилотом, способные функционировать в полуавтоматическом и автоматическом режимах.

15 января 2018 г. Госкомитет по развитию и реформам огласил проект «Стратегии инновационного развития производства интеллектуальных транспортных средств», в которой поставлена задача развития технологий искусственного интеллекта и Big Data («Больших данных») для повышения конкурентоспособности на мировом рынке китайских автомобилей на новых источниках энергии.

Сегодня в Китае практически все крупные автопроизводители стремятся не упустить шанса занять заметное место не только на будущем рынке продаж высокотехнологичных АИЭ, но и на рынке технологий автоматического вождения автомобиля.

В январе 2018 г. 21 компания китайского автопрома (включая FAW Group, BAIC Motor Corp, Dongfeng Motor Corporation, Chongqing Changan Automobile, Guangzhou Automobile Group, Geely Auto) совместно с крупнейшими операторами мобильной связи (China Mobile, China Unicom) и лидером мирового каршеринга корпорацией Didi Chuxing договорились о создании совместного предприятия с капиталом в 1 млрд юаней для разработки встраиваемых систем искусственного интеллекта в линейке вновь создаваемых электромобилей.

Кстати, в Китае подобные системы уже разрабатываются, включая создание лазерных сканеров для определения возникающих перед автомобилем объектов и определения местоположения соседних машин, радаров, а также создание монтируемых на лобовом стекле камер с ультразвуковыми датчиками контроля за движением и считывания дорожных знаков и указателей⁴⁰.

В конце января 2018 г. рамках этого СП корпорация Didi Chuxing создала собственную лабораторию для разработки технологий и программ искусственного интеллекта, в которую привлечено более 200 инженеров и ученых,

В январе в Чунцине начал функционировать промышленно-технологический Центр цифровой экономики «Лянцзян» с капиталовложениями объемом в 18,3 млрд юаней (инвесторами являются ведущие предприятия таких отраслей как цифровая экономика и экономика больших данных, разработка технологий для производства АИЭ,

Интернет). По прогнозам, в 2020 г. число зарегистрированных в данном центре предприятий должно превысить 3 тыс., а годовое производство достигнет 50 млрд юаней.

В конце 2017 г. мэрия Пекина получила согласие Министерства промышленности и информационных технологий на организацию Центра инновационных технологий для «зеленых авто», включая разработку электромобилей, гибридных авто и искусственного интеллекта для беспилотных автомашин.

Городские власти утвердили «Руководство по ускорению дорожных испытаний беспилотных автомобилей»⁴¹, согласно которому в столице будет создан спецучасток автомагистрали для тестирования «умных авто». Предполагается, что результаты тестирования будут использованы на главных магистралях города и их ответвлениях, на перекрестках, где есть светофоры.

В районе Ичжуан на юго-востоке Пекина уже начато строительство автоматизированной автодороги для тестирования беспилотных автомобилей, одновременно выполняются работы по адаптации магистрали к новым условиям вождения с тем, чтобы автоматические самоуправляемые автомобили смогли легко идентифицировать дорожные сигналы, знаки и разметку на шоссе. В процессе тестирования, вне зависимости от того, способно ли транспортное средство двигаться без участия водителя, присутствие инструктора в салоне обязательно. В тестируемых автомобилях компаний BYD, Chery BAIC установлены технические устройства по контролю и управлению автомобилем, который оснащен системами визуализации окружающей среды с использованием метода двойной видеокамеры (система Velodyne LiDAR), радаром миллиметрового диапазона и устройствами для обработки поступающих данных. Маршруты движения включают повороты и участки для разворотов, вся трасса оборудована светофорами (автомобили во время тестирования развивают скорость до 60 км/ч⁴²).

Компании каршеринга Didi, Baidu и JD.com намерены подать заявки на участие своих автомобилей в тестировании, а базирующаяся в Пекине корпорация BAIC Motor заявила, что планирует запустить в 2019–2020 гг. в производство первую модель электромобиля, способного двигаться без участия водителя⁴³.

В январе 2018 г. в Чунцине началось строительство первой в Китае крупной комплексной экспериментальной базы для испытания автомобилей, оборудованных системами искусственного интеллекта, которая будет запущена в эксплуатацию через год. Площадь ее составит 245 га, протяженность испытательной трассы превысит 50 км⁴⁴.

На крупнейшем в мире, Шанхайском автоматизированном контейнерном терминале в январе 2018 г. начались испытания полностью автоматизированного беспилотного грузовика-погрузчика для перевозки контейнеров по зонам проведения погрузочно-разгрузочных работ. Грузовик, разработан компанией Shanghai Zhenhua Heavy Industry и китайским стартапом Westwell Lab. Его длина составляет 18 м. Оснащенный 6 камерами слежения, радаром миллиметрового диапазона и автоматическим навигатором, он способен самостоятельно выбирать оптимальный маршрут перевозки контейнеров по портовой территории со скоростью 30 км/час, умеет объезжать препятствия и избегать аварийных ситуаций благодаря встроенным системам экстренного торможения. То есть, по словам китайских инженеров, является транспортным средством со «100%-й безопасностью». Грузовик работает 24 часа в сутки и сулит поднять эффективность работы порта на 50%⁴⁵.

Для сравнения: порту средних размеров с ежегодным объемом обработки контейнеров в 2 млн единиц требуется для обеспечения погрузочно-разгрузочных работ около 200 грузовиков-погрузчиков (с 4 водителями для каждого), причем годовая зарплата водителя такого погрузчика составляет в КНР от 60 до 120 тыс. юаней (18 744 долл.)

Согласно международным оценкам, в 2030 г. парк трех ведущих мировых рынков беспилотных автомобилей (КНР, США и Евросоюза) будет насчитывать 81 млн лич-

ных автомобилей, причем на Китай будет приходиться около 40% мирового парка беспилотных автомобилей⁴⁶, или, согласно оценкам компании PWC, около 36 млн единиц⁴⁷.

Судя по опросам, проведенным международной консалтинговой компанией McKinsey в крупнейших городах Китая, около 60% опрошенных китайских респондентов выразили уверенность, что их семьи будут пользоваться беспилотными автомобилями, тогда как опрос в США выявил лишь 43% положительных ответов, в Германии — 31%⁴⁸.

Принятая Госсоветом КНР «Программа развития автомобилестроения на основе энергосбережения и новой энергетики (2011–2020)» призвана ориентировать автомобильную отрасль КНР к переходу на массовое производство принципиально нового вида автомобилей, стимулировать инновационный прорыв в смежных отраслях, создавая там новые рабочие места, а также постепенно ослаблять негативные последствия, вызванные загрязнением окружающей среды.

В январе 2018 г. эта Программа получила важное дополнение: Госсовет КНР объявил, что в 2020 г. не менее 50% всего объема продаж новых автомобилей, использующие альтернативные источники энергии, должны приходиться на «умные авто», оснащенные технологиями частичного или полностью беспилотного вождения (в 2025 г. этот показатель должен возрасти до 80%⁴⁹).

Бурное развитие производства автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, не только генерирует значительный мультипликативный (экстернальный) эффект в сопряженных отраслях промышленности, но и становится одним из важнейших драйверов инновационного развития китайской промышленности. Опираясь на накопленный технологический и интеллектуальный потенциал в рамках совершенствования систем искусственного интеллекта для нового поколения «умных автомобилей», передовые китайские производители АИЭ генерируют инновационные разработки, которые становятся инструментом технологического развития и других отраслей народного хозяйства КНР в рамках цифровой экономики.

Рост производства и, как следствие, парка «экологически чистых и энергосберегающих автомобилей» решает и другие важнейшие социально-экономические задачи, требующие незамедлительного решения. Увеличение объемов производства инновационных электромобилей и гибридных автомобилей позволит Китаю повысить долю возобновляемых источников энергии в общем энергобалансе страны, резко сократить свою зависимость от импорта нефтепродуктов, обеспечить завоевание значительной доли мирового рынка продаж АИЭ с высокой добавленной стоимостью и решить одну из главнейших задач, поставленную руководством Китая, — резко сократить уровень антропогенного воздействия на окружающую среду и значительно улучшить экологическую обстановку в стране.

-
1. Beijing to spend billions to tackle air pollution in 2017. URL: http://www.china.org.cn/china/2017-08/19/content_40315685.htm; *Deng Yaqing*. Green Legislation. New environment tax is forcing polluters to change their ways. URL: http://o53xo.mjyhezlwfnfsxoldn5wq.cmle.ru/Business/201801/t20180119_800114898.html
 2. China Issues Five-Year Plan on Saving Energy, Cutting Emissions. URL: http://www.bjreview.com.cn/Latest_Headlines/201701/t20170106_800084784.html
 3. China's endeavor to build clean, beautiful country contributes to global ecological development. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201712/17/WS5a365d8ba3108bc8c67351df.html>
 4. Rearview mirror: Car industry's hot topics in 2017. Sales of fossil fuel vehicles could cease. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/08/WS5a52ff5da31008cf16da5bb2_9.html

5. Экологические стандарты были разработаны и утверждены Министерством промышленности и информатизации КНР и касаются не только китайских автомобильных предприятий, но и созданных ими СП.
6. China punishes automakers for environmental offences. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/14/WS5a5a3b12a3102c394518f0aa.html>
7. *Wu Yiyao*. E-car segment revs up to push throttle full forward. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2017-10/09/content_33013486.htm
8. *Ma Si*. Made in China 2025 roadmap updated. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/27/WS5a6bb8b9a3106e7dcc137168.html>
9. *Li Fangfang*. Seek Technological Revolution. The Summer Davos focuses on the path to inclusive growth. URL: http://www.bjreview.com/Business/201712/t20171215_800112344.html
10. Electric car market yet to mature. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2016-12/12/content_27640040.htm
11. *Li Fusheng*. Customers charged up about new choices for electric cars. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2017-09/25/content_32446029.htm
12. China renews tax exemption to encourage technology imports. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/tech/2017-11/16/content_34596819.htm
13. Синьнэньюань цичэ бутэ баньфа фабу, ань чжунянь 50% чжисин: [Субсидии на автомобили на новых источниках энергии на 50% финансируются за счет средств центрального банка] // Цичэ юньшу. 2017. № 12. С. 12.
14. Столь значительные расходы госбюджета КНР на стимулирование покупок АИЭ объясняются тем, что по данным аналитической компании LMC Automotive Shanghai, по меньшей мере, 70% от общего количества новых автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, продавались по цене около 50 тыс. юаней, что гораздо ниже стоимости автомобилей с ДВС. См.: *Li Fusheng*. New energy vehicles — a case of too many, too soon? URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-10/30/content_33878738.htm
15. *Wang Ying*. Ioniq electric cars 'ready for mass production by 2019'. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201712/21/WS5a3af8e2a31008cf16da283b.html>; Subsidies for new energy cars to be cut again. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201801/18/t20180118_27783208.shtml
16. Chinese gov't boosts new energy vehicle purchases. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-03/25/content_37869927.htm
17. Electric Car Subsidies. URL: http://www.bjreview.com.cn/2016-02/17/content_596970.htm
18. New energy car sales rev up. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/20/content_50113190.htm
19. *Li Fusheng*. New energy vehicles — a case of too many...; Chinese electric vehicle market sees more investment. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/1103/c90000-9288416.html>
20. Wuhan to house China's first industry park for developing hydrogen fuel cells. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201712/24/WS5a3f7cc4a31008cf16da3260.html>
21. «Hydrogen city» to be built in central China. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/22/WS5a65538ba3106e7dcc135b88.html>
22. Battery technology steering e-car sales. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2017-08/09/content_30382027.htm
23. China has one million new energy vehicles. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-08/14/content_41404392.htm
24. China to quadruple new energy vehicle production by 2020. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-01/16/content_40108844.htm; *Yang Zhongyang*. Quality Essential for New-Energy Vehicle Sales. China's NEV market grows fast. URL: http://www.bjreview.com/Opinion/201703/t20170313_800090982.html
25. China to build more charging points for electric vehicles. URL: http://www.china.org.cn/china/2017-02/10/content_40260230.htm
26. *Hao Yan*. New energy to succeed 'with or without' subsidy. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/29/WS5a6e8040a3106e7dcc137487.html>
27. New energy vehicle market continues expansion in 2017. URL: http://www.china.org.cn/business/2018-01/12/content_50218469.htm
28. Вого синьнэньюань цичэ куайсу чундянь цзишу чюйдэ чэнци дан жэнсюй нули: [Новые энергосберегающие технологии Китая быстро набирают технологические достижения, но еще предстоит много работы] // Чжунго гуялу. 2017. № 7. С. 72.

29. Фагайвэй цзянцзай цзижун синьнэньюань цичэ линюй цзиньibu фанкуань вайцзы чжуньжу: [Государственный комитет по делам развития и реформ (ГКРР): Слособствовать дальнейшему ослаблению доступа иностранных инвестиций в области финансирования разработки автомобилей, использующих новые источники энергии] // Чжэньюань шибао. 25.01.2018.
30. Three Chinese carmakers sign cooperation deal. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/02/content_50082315.htm; Rearview mirror: Car industry's hot topics in 2017. FAW, Dongfeng, Changan join hands. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/08/WS5a52ff5da31008cf16da5bb2.html>
31. Green energy excites big foreign companies. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/15/WS5a5c4238a3102c394518f471.html>; Rearview mirror: Car industry's hot topics in 2017. Tesla to build in Shanghai by 2020. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/08/WS5a52ff5da31008cf16da5bb2.html>
32. BYD chases 30% of e-bus market in North America. URL: http://china.org.cn/business/2017-10/12/content_41720392.htm
33. Chinese firm BYD opens electric bus factory in Hungary. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2017-04/05/content_28794281.htm
34. *Li Fusheng*. Ministry drafts policies to promote self-driving vehicles. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2018-01/22/content_35551322.htm
35. *Чжан Чэн*. Цзэнэн юй синьнэньюань цичэ цзишулусяньту: [Технологическая карта энергосберегающих транспортных средств и автомобилей, использующих новые источники энергии] // Чжунго гунлу. 2017. № 8. С. 6–9.
36. China carmaker FAW to roll out 17 models by 2025. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/10/WS5a557a0ea3102e5b17371cd4.html>
37. China supports development of new energy intelligent cars. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/15/WS5a5c41faa3102c394518f46>
38. *Li Fusheng*. Ministry drafts policies to promote self-driving vehicles...
39. В 2017 г. продажи грузовиков китайского производства «Цзэфан» установили новый рекорд. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2018-01/23/content_50280972.htm
40. *Ван Сяньцзинь*. Иту каньдун ввэйлай 15 нянь ужэнь цзяши лусянь: [Дорожная карта следующих 15 лет разработки беспилотных автомобилей] // Чжунго гунлу. 2017. № 12. С. 34–38.
41. *Li Fusheng*. Ministry drafts policies to promote self-driving vehicles...
42. Beijing launches testing base for autopilot cars. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/02/WS5a4b278da31008cf16da4a96.html>
43. China electric carmaker eyes autopilot model in 2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/12/WS5a582ab1a3102c394518ed4c.html>
44. В Китае началось строительство первой в стране комплексной экспериментальной базы с интеллектуальной автомобильной сетью. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018-01/19/c31517-9317481.html>
45. World's first self-driving container straddle carrier debuts in Shanghai. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/17/WS5a5ea049a310e4ebf433e364.html>
46. *Jing Shuiyu*. Chinese companies likely to lead self-driving sector. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/02/WS5a4b77c8a31008cf16da4b35.html>
47. Capital releases nation's first guide for self-driving vehicles on roads. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201712/19/t20171219_27314779.shtml
48. *Jing Shuiyu*. China becoming focus of global automobile sector. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/03/WS5a4c2f00a31008cf16da4c1c.html>
49. Rear view mirror: Car industry's hot topics in 2017. Report: The future is clean and clever. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/08/WS5a52ff5da31008cf16da5bb2_5.html

Теория и методология

Что нового внес XIX съезд КПК в стратегию социально-экономического развития КНР

© 2018

Э.П. Пивоварова

Принятое четыре с половиной года назад «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ» нацелило страну на решительные практические шаги по решению давно выдвинутых, но пока слабо решавшихся задач перехода от экстенсивного развития к интенсивному с расчетом к 2020 г. достичь во всей стране уровня средней зажиточности, а к 2050 г. — построить богатую, могучую и цивилизованную социалистическую державу. При решении этих задач руководство КНР намерено использовать положительные наработки в экономической политике, апробированные практикой предшествующих лет реформы, позволившие Китаю выйти на 2-е место в мире по количественным показателям экономики.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, сочетание плана и рынка, макрорегулирование и макроконтроль, предприятия смешанных форм собственности, ликвидация бедности, стимулирование потребления, формирование «обучающегося общества», качество кадров.

Состоявшийся в октябре 2017 г. XIX съезд КПК открыл важную страницу в истории современного Китая, краеугольные вехи которой обозначены двумя важными юбилеями, пришедшимися на первую половину XXI века: столетием КПК (2021 г.) и столетием КНР (2049 г.) Оба органично сплелись с задачами дня, с планами китайского руководства на предстоящие десятилетия.

Для того чтобы реально оценить, что нового внес XIX съезд в стратегию социально-экономического развития Китая, следует рассмотреть экономическую политику нынешних руководителей КПК за предыдущее пятилетие, прошедшее после XVIII съезда, охарактеризованное Си Цзиньпином на XIX съезде как «весьма незаурядное»¹.

Начатый в ноябре 2012 г., на XVIII съезде КПК, процесс передачи власти новому поколению лидеров КНР — Си Цзиньпину и Ли Кэцянью — завершился на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва в марте 2013 г., где была декларирована решимость нового руководства идти по пути углубления реформ и реализации «китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Суть этой мечты новый генсек ЦК КПК сформулировал как «создание могучего, демократического, цивилизованного и гармоничного, модернизиро-

Пивоварова Элеонора Петровна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: vafek@mail.ru.

ванного социалистического государства». Для достижения ее Си Цзиньпин, как и его предшественники, заявил, что «обязательно нужно идти китайским путем, то есть по пути социализма с китайской спецификой» и сохранять верность марксизму-ленинизму, идеям Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важным идеям тройного представительства и научной концепции развития. То есть сразу было заявлено о несомненном (хотя и не полностью безусловном) продолжении новым китайским руководством экономической политики предшествующих лет. Новый генсек рекомендовал «всегда помнить исторический вклад в дело социализма с китайской спецификой» предыдущих руководителей партии и страны, отметив, что «социализм с китайской спецификой символизирует идеалы и устремления нескольких поколений китайских коммунистов, отражает чаяния и надежды многочисленных патриотов, а также свидетельствует о борьбе и жертвах многомиллионного народа»².

Как добавил Си Цзиньпин, Китай должен внести более весомый вклад в развитие человеческого общества и взять на себя еще больше обязательств. Осуществление мечты о великом возрождении китайской нации, пояснил он, не только сулит пользу китайскому народу, но и будет содействовать прогрессу всего человечества.

Выступая 17 ноября 2012 г. перед членами Политбюро ЦК КПК на тему «Изучение, пропагандирование и воплощение в жизнь духа XVIII съезда КПК в тесной увязке с сохранением и развитием социализма с китайской спецификой», Си Цзиньпин конкретно назвал те теоретические инновации, которые были внесены в работу руководства страны до прихода пятого поколения лидеров КНР:

- китанизация марксизма-ленинизма идеями Мао Цзэдуна;
- теория Дэн Сяопина как первая теория, в системном порядке ответившая на вопросы о том, как построить социализм в Китае;
- идея Цзян Цзэминя о «трех представлениях», разъясняющая, как представлять коренные интересы самых широких народных масс Китая;
- концепция «научного развития» Ху Цзиньтао о необходимости всесторонней координации для обеспечения устойчивого развития с подходом к человеку как к «основе основ»³.

Добавим, что несомненной оценкой вклада нового поколения руководителей КНР в современную социально-экономическую стратегию Китая стало включение «ряда важных выступлений генсека Си Цзиньпина» в перечень руководящих инновационных идей, которых «обязана постоянно держаться КПК» для достижения успеха в работе. Такое признание прозвучало в докладе премьера Госсовета Ли Кэцзяна о работе правительства на 3-й сессии ВСНП в марте 2015 г. Напоминание о необходимости следовать «целому ряду важных выступлений» Си Цзиньпина стало постоянно присутствовать в решениях важных форумов, проходящих в стране. Также постоянно стало подчеркиваться, что Си Цзиньпин является «ядром ЦК КПК».

Считая, что социализм с китайской спецификой «представляет собой тесное единство практики, теории и строя», Си Цзиньпин объяснил секрет достижения ряда успехов в социально-экономическом развитии КНР за годы экономических реформ как плоды теоретического новаторства: «удачная практика поднимается на уровень теории, правильная теория руководит новой практикой, а проявившие себя как эффективные в процессе практики политические установки и выводы становятся курсом партии и общественно-политическим строем государства»⁴.

Принятое на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ», в сущности, нацелило страну на решительные «практические действия» для реализации давно уже выдвинутых, но пока еще слабо решаемых в КНР задач перехода от экстенсивного к интенсивному развитию и улучшению всех качественных показателей производства, с тем чтобы к 2020 г. достичь во всей стране уровня средней зажиточности, а к 2050 г. —

осуществить модернизацию страны, построив богатую, могущественную и цивилизованную социалистическую державу.

Впервые намерение осуществить модернизацию народного хозяйства Китая было высказано еще Дэн Сяопином на Всекитайском совещании по вопросам развития науки в марте 1978 г., то есть в канун экономической реформы. Дэн Сяопин тогда предупредил, что «без осуществления модернизации, без повышения научного и технического уровня, без развития общественных производительных сил и наращивания мощи страны, без улучшения материальной и культурной жизни народа социалистический политический и экономический строй не может быть прочным и безопасность страны не может быть надежно гарантирована»⁵. То есть с началом реформ в КНР ориентация была взята на масштабную техническую реконструкцию, активное применение нового оборудования, технологий, материалов, повышение квалификации работников, усиление научно-исследовательской работы в области прикладных и фундаментальных наук, стимулирование научных исследований в сфере управления и т.п.

Надо иметь в виду, что уже в самых ранних высказываниях по поводу целей и задач реформы Дэн Сяопин ссылался на «стратегическую идею» Мао Цзэдуна о необходимости приложить все усилия для «полной мобилизации всех прямых и косвенных положительных факторов внутри и вне нашей партии и страны и превратить нашу Родину в могучее социалистическое государство»⁶. Именно эта «стратегическая идея» отражала главные цели и задачи, поставленные перед китайскими коммунистами в речи Мао Цзэдуна на открытии VII съезда КПК (23 апреля 1945 г.), где он призвал не только всю партию, но и весь китайский народ бороться «за построение независимого, демократического, единого, богатого и могучего нового Китая»⁷. Да и в «Общей программе», принятой на 1-ой сессии Народного политического консультативного совета Китая (сентябрь 1949 г.), говорилось о необходимости вести борьбу за «создание процветающего и сильного Китая», а основным принципом экономического строительства было определено «развитие производства и создание процветающей экономики на основе проведения политики учета как общественных, так и личных интересов, выгод, как труда, так и капитала, взаимопомощи между городом и деревней и развития товарооборота как между различными районами внутри страны, так и с внешним миром»⁸.

Итак, можно констатировать: высказанная Си Цзиньпином на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2013 г.) решимость нового руководства КНР идти по пути углубления реформ и реализации «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» отражала в определенной степени и мысли предшествующих руководителей КНР. А его слова в докладе на XIX съезде КПК о том, что «только преданность первоначальной цели позволит довести начатое дело до конца», напоминают что она, эта мечта, проходит фактически через всю историю КНР.

Сам Си Цзиньпин, выступая на XIX съезде, напомнил, что в самом начале проведения политики реформ и открытости КПК, разрабатывая стратегический план социалистической модернизации Китая, наметила «трехшаговую» стратегическую цель. Поскольку задачи первых двух шагов были досрочно выполнены (население обеспечено питанием и одеждой, жизнь народа в целом поднялась до уровня среднего достатка), партия поставила задачу построить к столетнему юбилею КПК среднезажиточное общество (в котором жизнь народа поднимется на более высокий уровень), а затем, по ходу следующих неустанных тридцатилетних усилий, к столетию КНР превратить Китай в модернизированную социалистическую державу.

В настоящее время «на основе комплексной оценки международной и внутренней обстановки, а также с учетом условий развития Китая» разработан двухэтапный план, рассчитанный на период с 2020 г. до середины XXI века.

– На основе полного построения общества среднего достатка за 15 лет упорной борьбы (в 2020–2035 гг.) в основном осуществить социалистическую модернизацию.

– Далее, пройдя еще один 15-летний цикл упорной борьбы (с 2035 г. до середины XXI века), превратить КНР в богатую и могучую, демократичную и цивилизованную, гармоничную и прекрасную, модернизированную социалистическую державу.

К тому времени Китай, как предсказал Си Цзиньпин на XIX съезде КПК, «по совокупной национальной мощи и международному влиянию войдет в число стран-лидеров», и китайская нация «предстанет в семье мировых наций с более гордо поднятой головой».

Как отмечалось на предшествующем, XVIII съезде (2012 г.), только за последние десять лет, т.е. еще до прихода нынешнего китайского руководства, КНР по общим количественным показателям экономики передвинулась с 6-го места в мире на 2-е, намного выросли общественные производительные силы, экономическая и научно-техническая мощь, намного поднялись жизненный уровень народа, доходы населения и уровень социального обеспечения, намного возросли совокупная мощь страны, ее международная конкурентоспособность и международное влияние. Говоря об этих успехах страны на XIX съезде КПК, Си Цзиньпин тогда подчеркнул, что вклад Китая в рост мировой экономики превысил 30%. Самое главное при подведении итогов десятилетия, истекшего перед XVIII съездом, виделось в том, что продолжающееся в стране «теоретическое новаторство на базе практики» стало претворяться в жизнь. Можно констатировать, что, пройдя многолетний путь, китайское руководство сохранило стремление соединять в экономической политике страны положительные наработки как плановой, так и рыночной экономик, блюсти верность принципу «практика — критерий истины».

На новом этапе развития, охарактеризованного нынешними лидерами как «решающий», тремя главными задачами стали: реформирование бюджетно-финансовой системы, системы распределения доходов и стимулирование реформы, содействующей достижению социальной справедливости. Эти же задачи были обозначены в документах 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) как «важные вопросы», требующие «дальнейшего углубления реформы». При этом новые руководители, опираясь уже и на собственный опыт работы, указали на 2-ой сессии ВСНП 12-го созыва (март 2014 г.), что когда внутренняя и внешняя обстановки становятся чрезвычайно сложными, надлежит, давая свободу «невидимой руке» рынка, как следует выявлять и роль «видимой руки» правительства, тем самым стимулируя устойчивый рост экономики⁹. И в этом они также следуют опыту предшествовавших лет, когда макрорегулирование и макроконтроль были признаны как «главный опыт» работы правительства в годы реформы и «главная нить» урегулирования структуры экономики.

Сосредоточившись на нормализации всех параметров социально-экономического развития страны, Си Цзиньпин разъясняет всем, кого (внутри страны и за рубежом) тревожит некоторое снижение (в самые последние годы) темпов экономического роста в КНР, что это — экономическая закономерность, вызванная необходимостью структурной перестройки и уменьшения образовавшихся за годы рыночных реформаций «перекозов», мешающих дальнейшему движению вперед. По всей видимости, при этом не забывается и та экономическая закономерность, что темпы развития всегда чуть снижаются, когда база сравнения увеличивается. Об этом можно судить по тому, что в процессе реформы в КНР уже не раз «оживали» политэкономические истины: такая, в частности, что производственные отношения должны соответствовать уровню производительных сил, а надстройка — экономическому базису.

Говоря на XIX съезде КПК о достижениях в социально-экономическом развитии КНР за минувшие пять лет своего пребывания у руководства партией и государством, Си Цзиньпин обозначил следующие:

– реализован обширный комплекс мер по улучшению жизни населения, в результате чего более чем 60 млн нуждающихся гарантированно избавились от бедности, коэффициент которой снизился с 10.2% до уровня ниже 4%;

- продолжала улучшаться ситуация с занятостью, среднегодовой прирост рабочих мест в городах и поселках превысил 13 млн;
- темпы роста доходов городского и сельского населения опередили рост экономики;
- продолжала увеличиваться группа населения со средним уровнем доходов;
- в основном создана система социального обеспечения, охватывающая как городское, так и сельское население;
- заметно упорядочена экология и улучшена окружающая среда;
- успешно завершен план 12-й пятилетки и разработан план 13-й пятилетки;
- были приняты решения и планы реформирования правительственных органов, трансформации их функций, продвижения практики управления государством на правовой основе, всестороннего ужесточения внутрипартийного управления;
- всемерно простимулирована модернизация национальной обороны и вооруженных сил;
- наблюдался дальнейший рост международного влияния КНР.

Безусловно, заслуживает внимания и усиление акцентов в концепции «социализма с китайской спецификой», которые были сделаны самим Си Цзиньпином еще до прихода к руководству в партии и государстве «пятого поколения». В частности, на его особое внимание к предприятиям смешанной формы собственности, к позитивной роли потребительского спроса в борьбе с кризисными явлениями в экономике, к ключевой роли образования для улучшения кадрового состава управленцев. Ну и, конечно, к борьбе с коррупцией: как подчеркивал он на XIX съезде КПК, «мы настойчиво били и по тиграм, и по мухам, и охотились на лис», где «не должно быть запретных зон, необходимы полный охват и нулевая толерантность».

На наш взгляд, следует подчеркнуть особо: в докладе на XIX съезде КПК Си Цзиньпин отнес к достижениям последних лет в КНР то, что «в сфере идеологии яснее и четче определено руководящее положение марксизма», а также напомнил, что «сто лет назад оружейные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм». А чуть ранее, выступая на юбилейном собрании, посвященном 95-летию КПК (1 июля 2016 г.), он, подобно тому, как это в свое время разъяснял Дэн Сяопин, заявил: «Компартия Китая должна адаптировать принципы марксизма к современным реалиям Китая, проявлять новаторство как в теории, так и на практике. Марксизм не является совершенной истинной, но он открывает путь к истине», отметив при этом, что КПК сохраняет приверженность марксизму как «фундаментальной руководящей теории» и для партии, и для страны. Он также указал на XIX съезде на необходимость «китаизации, осовременивания и популяризации марксизма» ради формирования социалистической идеологии в обществе.

Отмечая особое внимание Си Цзиньпина к «смешанным формам собственности», следует вернуться в самое начало поиска путей реформирования госсобственности в КНР, когда, задумав «строительство социализма с китайской спецификой», китайские ученые внимательно проанализировали выводы К. Маркса по поводу акционерных обществ при капитализме (в частности слова о том, что капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочих сил, получает в акционерной форме непосредственно форму общественного капитала в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям).

Именно на это обратили внимание в своих исследованиях путей реформирования госсобственности китайские ученые еще в конце 1980-х годов, и эти идеи, проверенные практикой реформ, нашли спустя 15 лет отражение в государственных документах на высшем уровне. Так, в документы 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва в ок-

тябре 2003 г., а затем в документы 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2004 г. вошло одно из наиболее серьезных нововведений в концепции социализма с китайской спецификой: «обеспечивать всемерное развитие сектора смешанной формы собственности, постепенно превращая акционерную систему в главную форму реализации общественной собственности».

Накануне открытия 3-ей сессии ВСНП в марте 2015 г. Си Цзиньпин, выступая на объединенном заседании Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев, отметил, что проведение в жизнь «основного экономического строя», который характеризуется совместным развитием различных форм собственности при ведущей роли общественного сектора, является «фундаментальной политикой и основным курсом КПК».

Говоря о том, что место и роль необщественных форм собственности в социально-экономическом развитии страны остаются прежними и что «политический курс на поощрение, поддержку и содействие развитию необщественных форм собственности остается неизменным», Си Цзиньпин добавил: «Более того, мы прилагаем неустанные усилия для создания благоприятной среды и множества возможностей развития экономики, основанной на необщественной собственности». Это прозвучало как наказ для решения задач, выдвинутых на текущее столетие. Комментируя это высказывание Си Цзиньпина, газета «Жэньминь жибао» отметила, что такими словами он передал «четкий и безошибочный сигнал обществу» и одновременно отметил, что на протяжении более 30 лет от начала политики реформ и открытости необщественный сектор китайской экономики получил значительное развитие благодаря политическому курсу и указаниям КПК, в результате чего на долю экономики, базирующейся на базе необщественной собственности, приходится более 60% ВВП страны, свыше 80% рабочих мест, более 65% инвестиций в основные фонды и 67% прямых иностранных инвестиций¹⁰.

Предлагая проводить более активную политику занятости и стимулируя трудоустройство за счет предпринимательства, нынешние руководители КНР ставят серьезный акцент на смешанных формах деятельности. В докладе о работе правительства на 3-й сессии ВСНП 12-го созыва в марте 2015 г. говорилось о необходимости «планово вести реформу с развитием смешанной формы собственности на госпредприятиях, поощрять и нормировать участие негосударственного капитала в их инвестиционных проектах»¹¹. Для участия в таких формах деятельности приглашаются как отечественные, так и зарубежные предприниматели и, очевидно, в связи с этим на сессии было предложено проработать вопрос введения порядка оплаты труда специалистов высшего звена и управленцев предприятий, соответствующего рыночному способу подбора кадров, а также привлекать из-за границы высококвалифицированных специалистов и интеллектуалов. Одновременно предлагалось ориентировать общественный капитал на вложения в приоритетные проекты посредством инвестиционных дотаций, вливания капитала, создания тех или иных фондов.

Характерно, что на перспективу рекомендовано «более энергично пробуждать жизнеспособность необщественного сектора экономики» и «без малейших колебаний» не только «поощрять и поддерживать», но и «направлять его развитие». При этом выражена надежда на то, что деятели, занятые в экономике, основанной на необщественной собственности, дадут толчок всем предприятиям для достижения нового и лучшего развития, из чего можно предположить, что в КНР станут достаточно активно использовать систему прогрессивного налогообложения. Ведь метод, когда наиболее успешных убеждают помогать наиболее слабым, за годы реформы прочно вписался в «социализм с китайской спецификой».

За последние 10–15 лет китайских рыночных реформ исключительно важная роль стала отводиться высококвалифицированным кадрам. Уже в начале XXI века Китай делает серьезную ставку на подготовку в стране и за рубежом кадров, обладающих самыми современными знаниями в области управления, высоких технологий, инфор-

матки, банковского дела, связей с внешним миром и т.п. Такая экономическая политика, в основу которой заложен принцип «кадры решают все», стала отправным моментом не только качественного улучшения социальной структуры китайского общества и поддержания социально-политической стабильности, но и дальнейшего социально-экономического прогресса в стране.

В интересах формирования в КНР «обучающегося общества» Си Цзиньпин изначально призывал «решительно проводить стратегию подъема страны силами науки и образования»¹². И сегодня руководители страны, отмечая необходимость повышения качества образования и стимулирования его справедливости, выражают уверенность в том, что именно «на современное образование возложена надежда на будущее». А XIX съезд констатировал, что в последние годы «введение критериев отбора лучших кадровых работников нового периода заметно улучшило состояние и стиль работы», «потенциал государственного управления перешел на качественно более высокий уровень».

Именно с ростом качеств кадров в первую очередь связывают сегодня в КНР успехи последующего развития. Си Цзиньпин на XIX съезде назвал кадровый потенциал «стратегическим ресурсом для возрождения нации и удержания инициативы в международной конкуренции», а также предложил привлекать для работы в Китай «лучшие умы со всего мира», ускоренными темпами превращая Китай в «державу с мощным кадровым потенциалом», в «державу образования».

Соответствующим образом определено и место образования в курсе возрождения китайской нации — дело образования предлагается рассматривать как приоритетное направление работы, углублять его реформирование, ускорять модернизацию, «чтобы народ образованием был доволен». Назначая на ответственные посты людей, обладающих высокими личностными качествами и профессионализмом, предлагается «отводить более видное место политическим критериям», то есть выдвигать тех, кто «укрепляет политическое сознание и уверенность в пути, теории, строе и культуре социализма с китайской спецификой». В то же время планируется «поощрять и ориентировать одаренных работников» на переезд в отдаленные бедные районы и окраинные национальные районы, в места бывших революционных опорных баз, в низы и на передний край работы, то есть опять-таки использовать уже показавший положительные результаты курс на «разворачивание ковра» и «протягивание руки» от сильного к слабому, от успешного к отстающему, от обогатившегося к тому, кто пока что беден.

На вооружении у современного руководства КНР остается и хорошо себя зарекомендовавшая в годы мирового финансово-экономического кризиса методика стимулирования потребления как «главного двигателя экономического роста». Сегодня участились сообщения о реализации программы стимулирования потребления в приоритетных областях, благодаря чему множатся туристические поездки, онлайн-покупки и потребление информационной продукции среди городского и сельского населения. Си Цзиньпин периодически напоминает: поскольку страна пребывает еще на начальной стадии социализма, в ней имеется немало лиц малообеспеченных, особенно в сельских районах. А без достижения средней зажиточности в деревне, по его словам, «не может быть и речи о полном построении в стране среднезажиточного общества»¹³. Парткомам и правительствам всех ступеней рекомендовано обращать особое внимание на избавление от бедности населения старых революционных баз, делая крен в их пользу при разработке политических установок по поддержке бедных районов.

Судя по всему, полное построение среднезажиточного общества к 2020 г. (назначенное Планом социально-экономического развития КНР в 13-й пятилетке) встретит гораздо больше трудностей, чем первоначально ожидалось. Показательно, что через год после принятия этого Плана на очередной сессии ВСНП было указано, что развитие Китая вступает в «ключевой период преодоления серьезных препятствий»: «нужно сохранять непоколебимую уверенность в способности решить все проблемы, но не следует не-

дооценивать существующих трудностей». Говоря об этом, нынешние лидеры КНР в первую очередь акцентируют внимание на главных двигателях прогресса в современных условиях, а именно на инновации, на совершенствование управления, на соблюдение принципа «кадры решают всё». С большой долей уверенности можно утверждать: вопреки любым трудностям достижение для всех граждан страны «среднего достатка» (то есть фактическое избавление Китая от бедности к столетию КПК) явится главной задачей 13-й пятилетки. Но конкретное содержание «среднего достатка», думается, еще будет тщательно взвешиваться, обсуждаться и корректироваться.

Понимая всю сложность выполнения заявленных на далекую перспективу задач, Си Цзиньпин в докладе на XIX съезде подчеркнул: «Мы с неуклонной решимостью будем добиваться полного построения среднезажиточного общества и приложим максимум усилий к завоеванию великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху». Добавление к термину «социализм с китайской спецификой» слов «в новую эпоху», судя по прозвучавшим вслед разъяснениями их смысла, не меняет, на наш взгляд, сути выдвинутой Дэн Сяопином концепции о допущении сосуществования при социализме государственного и рыночного регулирования, общественной и частной собственности, распределения по труду и по капиталу и т.п., но характеризует качество нового этапа развития, достигнутого страной за неполные 40 лет реформы. По выражению Си Цзиньпина, речь идет об «уходе от этапа быстрого роста к периоду высококачественного развития».

Вступление «социализма с китайской спецификой» в новую эпоху означает, по словам сегодняшних лидеров КНР, что китайская нация, пережившая с наступлением этапа Новой истории неисчислимые бедствия, «встала на ноги, зажила лучшей жизнью», превращается в сильную и могучую нацию, идущую навстречу перспективам великого возрождения. Соответственно, основным противоречием «социализма с китайской спецификой в новую эпоху» обозначено «противоречие постоянно растущей потребности народа в благополучной жизни с неравномерностью и неполнотой развития». Причем последнее уже стало главным ограничителем удовлетворения растущих потребностей, каковые проявляются не только в более высоких материально-культурных запросах, но и в стремлении к демократии, законности, равенству, справедливости, безопасности, здоровой экологии и т.д.

В связи со сказанным вполне логичным представляется прозвучавшее на XIX съезде утверждение, что изменение основного противоречия китайского общества отнюдь не означает изменения оценки исторического этапа, на котором находится китайский социализм. «Наша основная реалья, — подчеркнул Си Цзиньпин, — осталась неизменной: мы по-прежнему находимся и еще длительное время будем находиться на начальной стадии социализма, остается неизменным и международный статус Китая как самой большой в мире развивающейся страны».

Концепция «начальной стадии социализма», официально провозглашенная на XIII съезде КПК в 1987 г., позволяла, как подчеркивалось в КНР, трезво оценить условия страны и получить на этой основе «коренную предпосылку» для разработки и проведения правильной линии и правильных установок. Согласно этой концепции, «весь период, начавшийся с завершения в основном социалистического преобразования частной собственности на средства производства в 1950-х годах и кончающийся осуществлением в основном социалистической модернизации, на что требуется минимум сто лет, и составляет нашу начальную стадию социализма»¹⁴.

По существу, в словосочетании «начальная стадия социализма» нашла концептуальное оформление идея о закономерности существования продолжительного исторического этапа, в течение которого развитие всех традиционно считавшихся несоциалистическими форм хозяйственной деятельности, соответствующих им форм распределения и т.п., следует рассматривать как естественный путь создания необходимой для социа-

лизма цивилизованности. Что касается требуемого для этого срока, то на всех последующих съездах КПК фактически не только подтверждалась, но и увеличивалась его длительность: «по меньшей мере сто лет», «неустанное усилие нескольких, даже десятков поколений», «более ста лет и, возможно, даже несколько столетий». Как видим, сроки реализации «китайской мечты» и «начального этапа социализма» тоже в определенной мере согласуются по их продолжительности.

В своих выступлениях и поездках по стране Си Цзиньпин часто говорит о необходимости профессионализма в работе, способности увидеть и понять проблему, чтобы преодолеть ее. «Социализм, как правило, целеустремленно идет вперед в ходе расширения и освоения нового, — подчеркивает он. — Отстаивание и развитие социализма с китайской спецификой — это “капитальное произведение”, основные мысли и основные принципы которого определил товарищ Дэн Сяопин и замечательные страныцы в которое вписали руководящий коллектив третьего поколения, ядром которого был товарищ Цзян Цзэминь и ЦК КПК с генеральным секретарем товарищем Ху Цзиньтао. Теперь задача коммунистов нашего поколения заключается в продолжении написания этого “произведения”»¹⁵.

Важно, что при этом Си Цзиньпин откровенно говорит о необходимости «морально подготовить себя к возможным трудностям», поскольку впереди может встретиться много «новых вопросов, рисков, вызовов и ЧП», в том числе таких, которых еще не встречали в практике реформы и пока «не понимаем», в чем надо будет честно признаться и «изучать усиленно, чтобы постигнуть их суть»¹⁶. Призывая «продолжать смело двигаться вперед», Си Цзиньпин рекомендует всем членам партии углубленно усвоить духовную сущность и богатое содержание идей о социализме с китайской спецификой новой эпохи и четко претворять их в жизнь во всех аспектах своей работы. Для этого, считает он, необходимо следующее:

- твердо стоять на позиции партийного руководства во всей работе;
- твердо стоять на позиции «народ — в центре всего»;
- продолжать всестороннее углубление реформ;
- придерживаться новой концепции инновационного, согласованного, зеленого, открытого и общедоступного развития;
- отстаивать положение народа как хозяина страны;
- всесторонне соблюдать принцип верховенства закона в государственном управлении;
- отстаивать систему основных ценностей социализма;
- продолжать обеспечивать и улучшать жизнь народа;
- твердо придерживаться основной государственной политики ресурсосбережения и охраны окружающей среды;
- претворять в жизнь концепцию государственной безопасности, повышая бдительность во избежание всевозможных угроз и опасностей;
- сохранять абсолютное руководство народной армией со стороны партии;
- придерживаться курса «одна страна — два строя» и продвигать вперед воссоединение Родины;
- стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества;
- продолжать всестороннее ужесточение внутрипартийного управления.

«Только при условии мощного и эффективного партийного строительства, только при условии, что партия будет всегда жить с народом одними думами и вместе с ним трудиться, — считает Си Цзиньпин, — мы сможем, рассекая волны, привести корабль, несущий великую мечту китайского народа, к сияющему берегу победы!» Называя сегодня китайскую мечту «мечтой исторической, мечтой современной, а также и мечтой будущих поколений», он подчеркивает, что более всего она принадлежит молодому поколению и именно «благодаря борьбе молодежи, словно эстафете, передаваемой из поколе-

ния в поколение, китайская мечта о великом возрождении китайской нации в конце концов станет реальностью».

1. Сноски на доклад Си Цзиньпина здесь и далее — сайт Агентства Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
2. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. С. 9–10.
3. Там же. С. 25–26.
4. Там же. С. 11.
5. Информационный бюллетень Агентства Синьхуа. 22.03.1978.
6. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1977. Т. 5. С. 367.
7. Там же. Т. 3. 1969. С. 256.
8. Общая программа НПКС Китая. М.: Госполитиздат, 1950. С. 5, 12–13.
9. См.: 2-я сессия ВСНП 12-го созыва. Жэньминь жибао. 15.03.2014.
10. Жэньминь жибао. 05.03.2015.
11. См.: 3-я сессия ВСНП 12-го созыва. Жэньминь жибао. 17.03.2015.
12. Си Цзиньпин. Указ. соч. С. 263.
13. Там же. С. 261.
14. Документы XIII Всекитайского съезда КПК. С. 9, 13.
15. Си Цзиньпин. Указ. соч. С. 31–32.
16. Там же. С. 32.

Перемены в мировой политике и новая эпоха Китая

© 2018

Чжан Шухуа

За десять лет в мировой экономике, политике, идеологии и культуре, и даже в деятельности СМИ произошли огромные изменения. Чаша весов мировой политики стала склоняться в сторону Китая, России и других представителей незападного мира. Широко разрекламированный западный демократический «монизм» в последние два десятилетия вступил в период эрозии. Типичными явлениями стали раскол западного политического лагеря, сомнения в базовых ценностях, поляризация течений политической мысли и политических сил.

Китай не остановился на уровне предлагаемой Западом упрощенной схемы «вестернизация — демократизация — приватизация — либерализация». Дихотомия «Запад — демократия VS не-Запад — автократия» неприменима к анализу развития Китая. Политическое развитие Китая характерно всесторонностью, стабильностью и эффективностью, демонстрирует высокую конкурентоспособность и потенциал.

Ключевые слова: мировая политика, демократизация, политическое развитие, китайский путь.

1. Политический упадок Запада

После 2008 г. мировой финансовый кризис обнажил глубокие противоречия существующей в странах Запада политико-экономической системы и многочисленные недостатки западного общества. Перманентный политический антагонизм, чрезмерное влияние денег на политику, неэффективность принимаемых решений — эти посткризисные проявления политического упадка привели к значительному обесцениванию потенциала и качества западной демократии. Китай, напротив, в годы реформ демонстрировал быстрые темпы экономического развития на фоне политической стабильности и управляемости. Это привело к заметному росту политического влияния Китая, ставшего одним из важных полюсов формирования глобального и регионального порядка. Ныне в архитектонике глобальной власти происходят важные изменения, затрагивающие и Восток, и Запад. В этой ситуации необходимо опереться на китайский экономический и политический опыт развития для того, чтобы формировать независимое мышление, выявлять потенциал развития и конкурентоспособность политической системы Китая, продвигать и направлять изучение демократии и трансформацию международной политической повестки.

Начало 2013 г. стало важным поворотным моментом современной истории. В статье немецкой газеты *Die Welt* (13.01.2013) было указано, что к 2013 г. совокупный

Чжан Шухуа, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом» (Китай, Пекин). E-mail: zhangsh@cass.org.cn.

Совместный научный проект КАОН — РФФИ № 16–27–21001 «Формирование общего экономического пространства в Евразии — исследование вопросов сопряжения строительства Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза».

объем экономик развитых стран Запада впервые сократился до половины объема мировой экономики. А ведь именно западный мир, представленный небольшим числом стран Европы и Северной Америки, в последние 200–300 лет играл на мировой арене ведущую роль.

Последние два века стали для Запада временем абсолютного доминирования: он лидировал по всем направлениям, будь то экономика, культура, политика или наука. Однако к 2013 г. мир вернулся к нормальному положению вещей. Страны Запада с населением около 15% от общемирового должны будут вернуть власть в руки новых экономик и развивающихся стран, в которых проживает почти 85% населения планеты.

Бывший вице-президент Академии общественных наук Китая экономист Ли Ян отмечал, что за минувшие двадцать лет облик мировой экономики изменился коренным образом. До 90-х годов XX века на долю стран, в которых проживает 10% мирового населения, приходилось 70% ВВП, и так было на протяжении двухсот лет. В 2001 г. вклад новых экономик в рост глобального ВВП превзошел вклад развитых стран, что стало рубежом между эпохами. В 2012 г. вклад новых экономик в общий объем мирового ВВП превысил 50%, и это в корне изменило ситуацию. По подсчетам Всемирного банка, в 2016 г. доля новых экономик и развивающихся стран в мировом ВВП выросла до 60%, а доля развитых экономик снизилась до 40%. Вклад Китая в рост глобального ВВП в 2016 г. составил 33%¹.

Переход Запада от подъема к спаду стал переменной, беспрецедентной по меркам последних двух или трех столетий. Многие западные страны впали в «коллективное уныние». На деле мировой финансовый кризис привел тому, что лопнул не только годами раздувавшийся на Западе «финансовый пузырь». Вместе с ним лопнул «политический пузырь» западной демократии. Финансовый кризис обнажил глубину политических изъянов капитализма. Лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман подробно исследовал взаимосвязь политики и экономики США в период с конца XIX по начало XXI века и пришел к заключению, что именно политическое неравенство предопределяет экономическое неравенство, а не наоборот. Как теория, так и исторические факты, по его мнению, ясно говорят о том, что проблемы в экономике обычно являются следствием политических проблем, а проблемы в обществе представляют их комплексное проявление².

Декан факультета политологии Принстонского университета Нолан Маккарти, профессор политологии университета Джорджии Кит Пул и профессор политологии Нью-Йоркского университета Говард Розенталь опубликовали в мае 2013 г. книгу «Политические пузыри: финансовые кризисы и провал американской демократии»³. Они заявили, что за каждым экономическим кризисом кроется «политический пузырь». Тенденциозные политические подходы способствуют такому поведению рынка, которое неблагоприятно сказывается на экономической стабильности. Сами эти тенденциозные подходы, будучи совокупностью убеждений, системных факторов и интересов, приводят к непрерывному росту рыночных рисков. Маккарти, Пул и Розенталь отметили, что подобно тому, как к образованию финансовых пузырей ведут ошибочные убеждения, несовершенство рынка и прочие факторы, «политические пузыри» являются комплексным следствием косности идеологии, неповоротливых и неэффективных государственных институтов, специфических интересов.

Вспомним, как ликовал Запад, когда пала Берлинская стена. 25 декабря 1991 г. формально прекратил существование Советский Союз. Россия сменила курс общественного развития, Запад во главе с США заявил о своей полной победе — политической, военной и идеологической. Фрэнсис Фукуяма выступил с концепцией «конца истории», подразумевавшей полное прекращение идеологических споров на международной арене и неизбежное объединение мира под эгидой либеральной демократии западного образца. На волне экономической глобализации и «демократизации», сопровождавшейся широкомасштабной пропагандой неолиберальных идей, западный капитал и западная демократия стреми-

тельно распространились по всему миру. Однако внутри них были скрыты серьезные противоречия. Финансовая олигархия, пользуясь политическим инструментарием и транснациональной экономической сетью Запада, получила «дивиденды холодной войны», произвольно присваивая экономические ресурсы и наращивая степень политического подавления как в своих собственных, так и в чужих странах. Экономический эгоизм Запада и алчность финансовых воротил стали питательной почвой для расширения масштабов «пустой» виртуальной экономики, надувания «пузырей» и финансовых махинаций. Экспортом демократии и подстрекательством к «цветным революциям» Запад провоцировал «конфликты цивилизаций» и кровавые межнациональные столкновения.

«Финансовое цунами» 2008 г. погрузило западный мир в глубочайший со времен Великой депрессии 1930-х годов экономический спад, обнажив глубокие социальные изъяны Запада. Кризис в экономике в очередной раз ударил по либеральному мифу о всемогущей «невидимой руке» рынка. Рост имущественного расслоения и безработицы привел к крушению западного социального мифа о возможности каждого члена общества подняться от нищеты к богатству. В сфере политики «узкими местами» стали бессилие властей и потеря управления.

Со времени падения Берлинской стены прошло без малого три десятилетия, но инерция триумфа побуждает Запад упорно настаивать на том, что политическую ситуацию в любой стране следует оценивать с точки зрения соответствия стандартам западной демократической системы. Однако сохранять убедительность этого стереотипа становится все труднее. Американская стратегия «насаждения демократии» по всему миру терпит неудачи, один за другими лопаются «мыльные пузыри» демократии в странах, охваченных «цветными революциями», некоторые «новые демократии» годами не могут выбраться хаоса. Все это время Китай не только двигался по пути независимого и успешного социально-экономического развития, но и демонстрировал значительный прогресс в политическом развитии. Некоторые западные ученые заговорили о том, что опыт американской демократии и капитализма несет с собой такие огромные издержки, что, по всей вероятности, он не вполне пригоден для других стран.

За минувшие десятилетия западное общество успело пройти путь от восторга по поводу нахлынувшей «третьей волны демократизации» к разочарованию после ее «отлива». Разразившиеся в начале века одна за другой «цветные революции», казалось, вновь продемонстрировали миру жизненную силу демократических процессов, их поспешно нарекли «четвертой волной демократизации». Но и на этот раз беспощадная действительность быстро опровергла легкомысленные выводы западных идеологов. Примечательно, что Фукуяма объявил о разрыве с бывшими идейными соратниками. На 11-м Петербургском международном экономическом форуме в июне 2007 г. он заявил, что если в результате глобализации во всем мире останется только одна цивилизационная модель, это нельзя будет назвать демократичным. По его мнению, Европе, России, США, Казахстану и другим странам следует искать собственные пути развития.

Американское происхождение глобального финансового кризиса напомнило о глубоких внутренних противоречиях капиталистической модели развития и поставило под вопрос эффективность западной либерально-демократической модели. В американском журнале *Foreign Affairs* была опубликована статья бывшего заместителя министра финансов США Роджера Альтмана «Большое крушение 2008 года: геополитическая неудача Запада»⁴. В ней отмечалось, что «экономический крах 2008 года, худший за более чем 75 лет, является главной геополитической неудачей США и Европы». В среднесрочной перспективе он лишил Вашингтон и европейские правительства ресурсов и кредита доверия, необходимых для того, чтобы играть роль в глобальных делах.

2. Закат унитаризма в западной демократии

После окончания холодной войны «демократия» неизменно была злободневной темой международной политики, привлекавшей внимание и вызывавшей горячие споры в китайских научных кругах. Эти вопросы для китайских политологов и теоретиков знакомые и вместе с тем — туманные. Проблема в том, что западные стратеги используют свою дискурсивную монополию для того, чтобы упаковать слово «демократия» в обертку «общечеловеческих ценностей» и «общемировых политических стандартов». Они превратили «демократию» в единственную высшую истину, придали ей статус политической религии, сделали из нее предназначенную для экспорта «политическую библию», инструмент оказания влияния на другие страны посредством «мягкой силы». Западные учебники политологии придают западной демократии статус всеобщего и универсального стандарта.

Однако сомнения в универсальности этой системы все чаще можно услышать от западных интеллектуалов. 22 апреля 2012 г. известный американский колумнист Томас Фридман опубликовал в *New York Times* статью «Долой всё», в которой указал на вызванный многочисленными факторами паралич политической системы США и беспрецедентные политические разногласия внутри нее. Он привел мнение Фрэнсиса Фукуямы о том, что демократическая политическая система в США уступила место «системе вето»⁵. Профессор истории в Гарвардском университете Найл Фергюсон в книге «Великое вырождение» указывает на серьезные проблемы в институциональных основах функционирования западного общества. То, что на Западе было неизменно эффективным на протяжении последних 500 лет, сейчас функционирует уже не столь гладко, поэтому институциональные устои Запада следует поставить под сомнение⁶. Лауреат Нобелевской премии по экономике из Колумбийского университета Джозеф Стиглиц считает, что одним из самых значительных изменений, произошедших с начала 90-х годов XX века, стало осознание сложности и ограниченности демократии. Экономист из Гарвардской школы бизнеса Брюс Р. Скотт назвал «верхом глупости» утверждение, что «если принята конституция и проводятся выборы, то это и есть демократия»⁷.

Долгие годы в общественной мысли Запада господствовало мнение, согласно которому западная модель состязательной демократии и свободного рынка является универсальной и неизменной, и что именно она в конечном итоге осчастливит все человечество. В обществе утвердилась вера в существование «политического Запада», обладающего мудростью, осененного благодатью свыше и наделенного исторической миссией спасения мира. Сформировалась привычка ставить знак равенства между странами Запада и демократической системой. Западная дискурсивная гегемония повлияла на интеллектуалов и за пределами западного мира: эти люди с завидным рвением стремились показать себя в качестве достойных подражателей западного демократического фундаментализма. Совместными усилиями западных наставников и их зарубежных учеников демократия подверглась гипертрофированной интернационализации и универсализации, она была канонизирована и мифологизирована, она превратилась в догму, ее использовали как утилитарный инструмент. Дабы помогать западным политикам экспорттировать демократию, их политические советники расчленяют ее на фрагменты, модули и алгоритмы. Демократия западного образца стала абсолютным и единственным критерием и мерилем⁸.

Кризисные явления в западной экономике и политике в последние годы заметно ослабили позиции демократического универсализма. Но в чем именно заключается ограниченность демократического фундаментализма? Что такое демократия и в чем ее сущность? Как должна развиваться и осуществляться демократия? Как избежать «низкосортной демократии» и как предотвратить «дефицит демократии»? Каковы перспективы политического развития и демократизации стран мира? Какие опасности и вызовы несет стремление Запада навязать демократию другим странам? Эти вопросы следует анализировать с позиции марксизма и с помощью его методов.

3. Политическое содержание и секрет китайского пути

В последние годы в Китае и за рубежом тема «китайской модели» становится все более популярной. Западные исследователи охотно рассуждают об «экономических успехах китайской модели», но при этом стараются как можно меньше говорить про обеспечившие эти достижения политические факторы. Некоторые зарубежные эксперты по Китаю усиленно ищут в азиатских и китайских культурных традициях некий «исторический код», предопределивший экономические успехи страны. Они не хотят видеть политическую реальность социализма с китайской спецификой и концепции, на основе которых КПК осуществляет функции правящей партии. Стереотипы западной политологии вкупе с прямыми подтасовками ведут к созданию однобокой картины Китая, следствием которой становятся неполные и ошибочные выводы. Объективному анализу сущности китайской модели и ее перспектив они предпочитают наклеивание ярлыков — «рыночный ленинизм», «авторитаризм и автократия», «диктаторский меркантилизм». Этот прием позволяет заявить о неизбежности «краха» китайской системы и заодно напугать аудиторию тем, что китайская модель развития представляет собой вызов и угрозу западному миру.

На самом деле успешное развитие Китая в годы реформ стало важным феноменом мирового исторического процесса. Сложные процессы в современном мире еще больше подчеркивают глобальное значение «китайского чуда», его теоретическую ценность. После завершения холодной войны 1,3-миллиардная китайская нация под руководством КПК сумела избежать ошибок КПСС, которые привели СССР к гибели. Китай продолжил движение по пути экономического развития и национального возрождения, поставив во главу угла реформы, развитие и стабильность. Китайские ценности и опыт развития вносят вклад в концепцию развития человеческого общества, они добавляют красок в общую палитру мировой цивилизации.

Среди западных исследователей еще можно встретить черно-белое мышление, основанное на стереотипных дихотомиях «демократия — автократия», «Запад — не-Запад». К анализу развития Китая они неприменимы. Китай отбросил идеологические предрассудки и отказался от политической близорукости. Политическое развитие Китая демонстрирует высокую конкурентоспособность и потенциал, у него прекрасные перспективы.

Американский аналитик Джошуа Купер Рамо, который в свое время обобщил китайскую модель с помощью термина «пекинский консенсус», в предисловии к китайскому изданию своей книги «Эпоха непредсказуемости» написал: «Вызовы, с которыми столкнулся Китай, являются беспрецедентными в человеческой истории по своим масштабам и степени сложности. Реформы в силу своей природы приводят к возникновению ранее невиданных новых проблем. Появляется необходимость в инновациях, выходящих за пределы “китайской специфики”. Так называемая пост-китайская специфика заключается в том, что Китай больше не выступает реципиентом иностранщины, к которой добавляется некая “китайская специфика”. То, что создаст Китай, станет абсолютно новой, самостоятельной инновацией»⁹.

Автор книги «Когда Китай правит миром» английский исследователь Мартин Жак отмечает: «Многие по-прежнему считают, что существует только одна современная модель, и это — западная современная модель»¹⁰. Однако на Западе уже появилось понимание того, что упрощенные политические клише и противопоставления непригодны для обсуждения вопросов развития Китая — в особенности политического развития.

Нынешняя сумятица в глобальном дискурсе обострила разногласия между интеллектуалами Запада и Востока. Они спорят о том, как понимать и оценивать глобализацию и ее будущее; об альтернативных взглядах на «универсальные ценности и универсальный путь»; об оценках американской модели экономического, политического и социального управления; о понимании капитализма и его модели производства и потребления; о перспективах социализма, об определении роли Китая и о возлагаемых на него на-

деждах. Политологи в Китае и за рубежом вновь оживленно дискутируют о проблемах политического развития и демократизации, заметно вырос интерес к изучению пути политического развития Китая.

На фоне успешного развития КНР в последние годы китайский опыт все чаще называют «китайским путем», «пекинским консенсусом», «китайской моделью управления». Эти характеристики отражают не только стремление обобщить китайскую модель реформ и развития, но и факт признания легитимности китайского пути политического развития и управленческой модели. Финансовый кризис стал серьезным испытанием для китайской модели развития. Китай с честью выдержал это испытание, что еще больше повысило авторитет китайской модели¹¹.

Признавая успехи Китая, многие ведущие западные СМИ делают акцент на крепнущей день ото дня экономической мощи Китая, дабы заявить о том, что «возвышение» Китая якобы несет «вызовы» и даже «угрозу» западному миру. Китайский путь развития с каждым днем все больше расходится с западной моделью. СМИ, политики и даже ученые на Западе демонстрируют по этому поводу обличительный пафос либо панический страх. Они не занимаются, а может быть, — не хотят заниматься серьезным анализом подоплеку, содержания и сути китайского пути развития.

Следует отметить, что российские ученые отличаются от западных коллег более глубоким и объективным пониманием закономерностей китайского развития, их оценки носят позитивный и конструктивный характер. Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН В.Я. Портяков считает, что «роль Китая в мировой политике становится более очевидной»¹². Известный китаист академик М.Л. Титаренко отмечал, что «стабильная политическая система и быстрое экономическое развитие в результате осуществления курса реформ и открытости внешнему миру вызвали постоянно растущую привлекательность китайской модели для стран с экономикой переходного периода. Дальнейший мировой вклад Китая заключается не в росте населения, повышении темпов развития экономики или положительном балансе внешней торговли, а в модели развития Китая. Китайская модель не является капитализмом, также не является книжным социализмом, а представляет собой социализм с китайской спецификой. Успех китайской модели является самым большим всемирным вкладом»¹³.

Некоторые зарубежные исследователи признают, что Китай прокладывает новый путь развития, который опирается на инновации, широкое объединение всех конструктивных сил, приоритет человеческого фактора, баланс индивидуальных прав и ответственности. Следует подчеркнуть, что нормативная теоретическая система социализма с китайской спецификой — это марксизм, приспособленный под китайские реалии, это теория, выкристаллизовавшаяся из практики строительства социализма с китайской спецификой. В начальный период реформ в 1979 г. были сформулированы «четыре основных принципа», от которых нельзя отказываться в ходе поиска новых форм развития: это путь социализма, власть народа, руководство КПК, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна. В конце жизни товарищ Дэн Сяопин высказался очень глубоко и весомо: «В чем заключается превосходство социалистической рыночной экономики? Да в тех самых четырех основных принципах, которых необходимо придерживаться»¹⁴. То, о чем говорил здесь Дэн Сяопин — это и есть уникальное политическое преимущество Китая, секрет китайского успеха.

Западу не нужно паниковать по поводу успехов Китая и его идеологических ценностей. Зарубежные исследователи отмечают, что развитие Китая обусловлено сугубо внутренними факторами и отражает характерные для Азии ценностные концепции «гармонии» и «сосуществования». Китай не намерен бросать вызов западной модели развития, он лишь ищет путь политического развития, отвечающий собственной национальной специфике.

Практика китайского развития обогатила мировой опыт демократического развития, сделала более многообразными представления о формах демократии. Однако у Запа-

да нет поводов тревожиться по этому поводу. История мировой политики показывает, что у демократических процессов есть собственная логика, демократия не может быть осуществлена в отрыве от развития. Спад «третьей волны» демократизации не тождествен гонимости демократии, тогда как разжигание «цветных революций» и силовой экспорт демократии все равно не вернут эту «волну» к жизни. Демократический процесс в каждой стране имеет индивидуальную последовательность и собственные внешние условия, простое копирование и насильственное насаждение демократии могут привести к обратным результатам.

4. Политическое развитие Китая: демократия, стабильность, эффективность

Уникальность культурных традиций, исторической миссии и основных национальных реалий определили неизбежность движения Китая по отвечающему его специфике пути развития. 7 февраля 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в эксклюзивном интервью телеканалу «Россия» в Сочи ясно указал: «Коренная причина [уверенности в перспективах развития Китая] в том и состоит, что в результате долгих поисков мы уже нашли подходящий нашим национальным особенностям правильный путь. Крепко опираясь на 1,3-миллиардное население, твердо продвигаясь по собственному пути, мы непременно преодолеем все трудности, добьемся новых успехов, осуществим поставленные задачи»¹⁵.

Одна из экспертных трактовок выделяет пять элементов специфики китайского пути. Это самостоятельность — китайский путь самостоятельно выбран, исходя из реалий Китая, и глубоко адаптирован к местным особенностям. Это народность — китайский путь всегда ставит во главу угла народ и человеческий фактор, в максимальной степени стимулирует активную и созидательную деятельность людей. Это практичность — китайский путь делает акцент на необходимости во всем исходить из реальной ситуации, что является основным фактором его успешного становления. Это целостность — китайский путь исходит из органического «единства пяти элементов», указывающих на неразрывную взаимосвязь политического, экономического, социального, культурного и экологического развития страны, что обеспечивает максимальную синергию развития. Это стабильность — главным секретом успеха китайского пути является научное решение проблем взаимосвязи между реформами, развитием и стабильностью¹⁶.

Демократия, эффективность, порядок и стабильность должны находиться в сбалансированном скоординированном состоянии. Вместе они формируют целостное содержание политического развития, определяют его ценностные устремления.

Политическое развитие состоит из сочетания в определенный период в общественно-политическом процессе трех групп факторов, обладающих собственным содержанием и ценностным наполнением: демократии (справедливость, права и свободы), эффективности (действенность, ответственность и бескорыстие) и порядка (стабильность и верховенство закона). Три фактора находятся в имманентных отношениях единства противоположностей. Сущность научного подхода к политическому развитию представляет скоординированный прогресс, сопоставимый рост и совместное развитие демократии, эффективности и порядка. Поэтому задачи политических реформ и политического развития заключаются в умении правильно определять «точки баланса» трех групп ценностей и факторов, координировать и согласовывать их, приводя в движение по мере изменения ситуации.

Политическое развитие в современном Китае отличается всесторонностью, скоординированностью и инклюзивностью. Практика китайского развития преодолела ограниченность западных упрощенных представлений о «демократии и автократии», она также избавилась от помех со стороны «демократического радикализма» и «демократического фундаментализма». «Научный подход к политическому развитию» отверг абстракт-

ные схематичные рассуждения о «демократии, свободе и правах человека», он обеспечил действенный контроль над процессом демократизации, вышел за пределы западных поведенческих «демократии и свободе».

С точки зрения внешних взаимосвязей научный подход к политическому развитию предъявляет к процессу политического развития требование содействовать экономическому развитию и гармонизации культурного прогресса и общества. Провозглашение «инклюзивности» политического развития отнюдь не означает отрицания демократии в обычном понимании. Отвечающая реалиям Китая концепция всестороннего политического развития ведет к прогрессу демократии, решает социальные проблемы, предоставляет политические гарантии экономическому развитию. Этот подход фокусирует внимание на сбалансированности политического, экономического, культурного, социального и личностного развития, делает акцент на том, что политическое развитие должно содействовать экономическому развитию, социальной справедливости, гармонии человека и природы, миру во всем мире, гармонии и прогрессу.

Огромные успехи Китая в экономическом развитии укрепили уверенность китайского народа в правильности пути политического развития. Одновременно с этим выросла привлекательность китайского пути в мире, особенно среди развивающихся государств, предложенные иностранцами концепции «пекинского консенсуса» и «китайской модели» обрели богатое внутреннее содержание.

5. Идеологическая ценность и международное значение политического развития Китая

«Наша уверенность в пути, в теории и в общественном строе исходит из практики, от народа, из истины. Выбор пути социализма с китайской спецификой был непростым. Мы шли по нему в ходе великой более чем тридцатилетней практики осуществления политики реформ и открытости внешнему миру, в ходе неустанных поисков на протяжении более чем шестидесяти лет после образования КНР, глубоко обобщая итоги развития китайской нации на протяжении более чем 170 лет новейшей истории, обращаясь к наследию более чем 5000-летней древней цивилизации китайской нации; он обладает глубокими историческими корнями и обширной реальной основой»¹⁷.

За годы преобразований Китай сформировал комплекс теорий и принципов реформирования и развития, в том числе «четыре основных принципа»: «один центр, два основных момента» (в центре находится экономическое строительство, два момента — приверженность «четырем основным принципам» и приверженность реформам и открытости); «органическое единство трех начал: руководящая роль партии, народ — полноправный хозяин, правовое государство»; «политическая концепция взаимной согласованности реформ, развития и стабильности».

Успешное развитие Китая в полной мере подтвердило правильность избранного пути развития и рациональность лежащих в его основе принципов. Китай не остановился на уровне предлагаемой Западом упрощенной схемы «вестернизация — демократизация — приватизация — либерализация». Благодаря эффективному использованию движущей силы экономической трансформации и социального регулирования Китаю удалось избежать давших о себе знать в других странах проявлений этнического сепаратизма и региональной фрагментации. Китай завершил процесс возвращения в лоно родины Гонконга и Макао, отстоял территориальную целостность государства. На фоне стран постсоветского пространства Китай обладает более зрелой концепцией политического развития, он развивается более уверенно и динамично.

Товарищ Дэн Сяопин настаивал на том, что «обязательно надо специально и понятно говорить с народом и молодежью о вопросах демократии»¹⁸. Чтобы выполнить этот завет, китайским ученым необходимо объективно исследовать проблемы демокра-

тии, избегая обращения к оторванным от жизни мифам о «свободе и демократии», необходимо разработать адекватную систему демократических ценностей и научную концепцию развития демократии, вести поиск направлений политического развития и демократического пути, отвечающих национальным особенностям.

1) Национальная специфика и суверенитет в демократии. Демократия возникает изнутри, она обладает сильно выраженными национальными чертами и суверенностью. Те формы демократии, которые учитывают местные условия, обладают мощной жизненной силой. Навязанные извне модели демократии зачастую являются лишь внешней оболочкой, имитирующей свободу, но не обладающей ее качествами. Невозможно силой экспортировать демократию, полное копирование образцов демократических моделей других стран несет вред. При строительстве демократии следует опираться на историю собственной страны, учитывать ее реалии и культуру, экономический уклад и традиции, этнический состав, религиозные вероисповедания, обычаи.

2) Историчность и конкретность развития демократии. История политического развития человечества свидетельствует, что демократизация является длительным и сложным процессом. Демократия должна быть приспособлена к местным условиям, соответствовать социально-политическим процессам и уровню социально-экономического развития. Сама по себе демократизация не является панацеей, она не может опираться только на благие намерения, осуществляться вслепую в отрыве от реальности в собственной стране. Самым главным аспектом укрепления политической демократии является решение проблемы взаимоотношений между демократией и развитием производительных сил, ее соизмеримость с уровнем развития экономики и культуры, ее поэтапное планомерное осуществление.

3) Процессы роста и этапы развития демократии. Демократия в своем развитии требует как выработки длительной стратегии, так и целей, соответствующих каждому конкретному этапу. Это длительный процесс непрерывного постепенного совершенствования и развития, в котором нельзя проявлять излишнюю торопливость, перескакивая через этапы. Развитие демократии обусловлено политическими, экономическими, культурными факторами, историческими традициями, качеством гражданского общества, политическими традициями населения.

Процесс демократизации идет в ногу с экономическим и социальным развитием. В.И. Ленин говорил: «Всякая демократия, как вообще всякая политическая надстройка (неизбежная, пока не завершено уничтожение классов, пока не создано бесклассовое общество), служит, в конечном счете, производству и определяется, в конечном счете, производственными отношениями данного общества»¹⁹.

4) Различия и взаимосвязь демократии и политического развития. На протяжении нескольких столетий процесс демократизации человеческого общества был болезненным и полным трудностей. Демократическая система в развитых капиталистических государствах (Англия, США, Франция) за несколько столетий достигла относительного совершенства, но так и не избавилась от труднопреодолимых противоречий и клейма «свободы для капитала и демократии для денег». Демократия носит классовый характер.

С другой стороны, политическое развитие имеет свою последовательность. Это системный проект, требующий скоординированного развития. Необходимо правильно решать вопросы взаимоотношений между политической демократией, политической стабильностью и политической эффективностью. Укрепление порядка и авторитета государства, защита демократии и гарантия свобод должны осуществляться параллельно и не мешать друг другу. Развитие законодательной системы, стабильности, экономическое развитие и развитие демократии в равной степени важны, здесь не должно быть перекоса в одну из сторон.

5) Демократизация международных отношений, содействие прогрессу цивилизации и совместному развитию народов всего мира. Злоупотребление правом силь-

ного, произвольное вмешательство во внутренние дела других государств, монополия в международных делах — эти проявления гегемонизма и силовой политики превратились в главное препятствие на пути демократизации международных отношений. Широкое распространение концепций и лозунгов «конфликта цивилизаций», «нового интервенционизма», «права человека важнее суверенитета», «новой теории ограниченного суверенитета», «демократической миссии», «нового демократического колониализма», «нового мира демократии» бросают вызов демократизации международных отношений. Они не способствуют развитию демократии на планете и дестабилизируют международную обстановку. Создание «демократических альянсов» и использование «демократии и свободы» как критерия размежевания между странами приближает новую холодную войну. Осуществление преобразований в других государствах под флагом демократии и с оружием в руках подрывает процесс демократизации международных отношений, поскольку подобные усилия нацелены на создание новой «имперской сверхдержавы».

«Все государства в мире — малые или большие, бедные или богатые, сильные или слабые — являются равноправными членами международного сообщества, все они обладают правом участвовать и вносить вклад в решение международных дел. Дела, относящиеся к суверенитету каждого государства, могут быть отнесены к компетенции только правительства и народа данного государства, международные дела могут вершиться только как результат совместного обсуждения правительствами и народами различных государств. Это принцип демократии в решении международных вопросов. В современную эпоху судьба всего мира должна совместно решаться народами всех стран»²⁰. Демократизация международных отношений является безальтернативным путем здорового развития международной политической системы, гармоничного развития международного сообщества.

У каждого государства и нации есть свои исторические традиции и создававшаяся веками культура, которые придают пути развития уникальные характеристики. Китайское руководство отстаивает тезис о равенстве и многообразии в интересах всех членов мирового сообщества. «Мы выступаем за то, чтобы все государства и народы всех государств совместно пользовались уважением, чтобы соблюдалось равенство больших и малых, сильных и слабых, бедных и богатых государств, уважалось право народов всех стран на суверенный выбор пути развития, возражаем против вмешательства во внутренние дела других государств, отстаиваем справедливость и истину в международных отношениях. Считает ли обувь по ноге — знает лишь тот, кто ее носит. Самым большим правом свободы слова в отношении правильности пути развития государства обладает только народ этого государства»²¹.

Со времени провозглашения курса реформ и открытости внешнему миру экономическое строительство в Китае добилось успехов, которые привлекли к себе внимание всего человечества. Эти успехи были достигнуты благодаря направляющей роли теоретической системы социализма с китайской спецификой, они являются результатом осуществления научно обоснованной концепции политического развития и правильного подхода к демократическому развитию. На пути политического развития Китая будет еще немало трудностей и препятствий, для устранения которых потребуются в том числе заимствование полезного опыта, накопленного мировой политической культурой. Китай преисполнен решимости двигаться в будущее по пути демократического, упорядоченного, эффективного и гармоничного политического развития.

1. Чжан Цзюньжун. Цюаньцюэха даши буко шичжуань цинци индуй тяочжань юй фэнсянь: [Большая тенденция глобализации необратима, активно отвечать на вызовы и риски] // Чжунго шихуэй кэсюэ бао. 10.11.2017. URL: http://www.cssn.cn/bk/bkpd_qkyw/bkpd_bjtj/201711/t20171110_3739340_1.shtml.

2. *Krugman P.* The Conscience of a Liberal. W.W. Norton, 2007.
3. *McCarty N., Poole K. and Rosenthal H.* Political Bubbles: Financial Crises and the Failure of American Democracy. Princeton University Press, 2013.
4. *Altman R.* The Great Crash, 2008: A Geopolitical Setback for the West // Foreign Affairs. January/February 2009.
5. *Friedman T.* Down with everything // New York Times. 2012. April 22.
URL: <http://www.nytimes.com/2012/04/22/opinion/sunday/friedman-down-with-everything.html>.
6. *Ferguson N.* The Great Degeneration: How Institutions Decay and Economies Die. New York: The Penguin Press, 2013.
7. *Cohen P.* An Unexpected Odd Couple: Free Markets and Freedom // New York Times. 2007. June 14.
URL: http://www.nytimes.com/2007/06/14/world/14democracy.html?_r=0.
8. Чжан Шухуа. Лэнчжань хоу сифан миньчжу юй миньчжухуа яньцзю: лилунь куньцзин юй сяньши болунь: [Исследования западной демократии и демократизации после холодной войны: теоретические затруднения и реальные парадоксы] // Хунци вэньгао. 2011. № 11. С. 9–14; Он же. Миньчжу дэ гоцихуа: лилунь мисы юй сяньши болунь: [Интернационализация демократии: теоретические мифы и реальные парадоксы] // Говай шэхуэй кэсюэ. 2011. № 4. С. 4–13.
9. *Ramo J.C.* The Age of the Unthinkable: Why the New World Disorder Constantly Surprises Us and What We Can Do About It. Little, Brown. 2009.
10. *Jacques M.* When China Rules the World: The End of the Western World and the Rise of the Middle Kingdom. Penguin Press, 2009.
11. Чжэн Юннань. Чжунго моши дэ цзюй хэ тяочжань: [Шанс и вызов китайской модели] // Ляньхэ цзаобао. 02.09.2009. URL: <http://www.aisixiang.com/data/29869.html>.
12. Чжан Шухуа. Вэй юхэо хэцэо "гу юй ху": [Воодушевлять и призывать к дружескому сотрудничеству] // Жэньминь жибао. 04.09.2013.
URL: http://www.qstheory.cn/gj/gjsspl/201309/t20130904_267729.htm.
13. Чэнь Сяовэй. Элосы чжунгосюэ, лицзю мисинь: [Российское китаеведение, давно минувшее еще более ново] // Жэньминь жибао. 04.09.2013. URL: http://www.jyb.cn/world/gjgc/201309/t20130904_550530.html.
14. Лэн Жун. Чжунго даолу чэнгун дэ чжэньчжэн мими: [Настоящий секрет успеха китайского пути] // Бэйцзин жибао. 28.11.2005. URL: <http://finance.sina.com.cn/g/20051128/17052153625.shtml>.
15. Синьхуа. 09.02.2014.
16. См.: Го Ваньчао. Цзеду чжунго даолу дэ уда тэсин: [Интерпретация пяти главных особенностей китайского пути] // Дан цзянь. 2013. № 9.
17. Из выступления генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на коллективной учебе Политбюро ЦК КПК. Синьхуа. 26.06.2013.
18. Дэн Сяопин вэньсюань: [Собрание произведений Дэн Сяопина]. Т. 2. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1994. С. 169.
19. Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // ПСС. М.: Политиздат, 1970. Т. 42. С. 276.
20. Из выступления Цзян Цзэминя на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. См.: Цзян Цзэминь вэньсюань: [Избранные произведения Цзян Цзэминя]. Т. 3. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006. С. 110.
21. Си Цзиньпин. «Содействовать мирному развитию во всем мире, отвечая прогрессивным тенденциям эпохи». Выступление в МГИМО 23 марта 2013 г. Цит. по: Синьхуа. 23.03.2013.

Государство и общество

«Миграция объединяет мир»*

© 2018

Р.У. Ульмасов, Н.Х. Курбанов

Статья посвящена проблемам современной миграции. Основное внимание уделено вопросам улучшения «модели» миграции из Таджикистана в Россию. Авторы формулируют ряд предложений по совершенствованию таджикского рынка труда.
Ключевые слова: миграция, Таджикистан, Россия, проблемы совершенствования.

Миграция требует трансформации миграционной деятельности всех структур. Обратить внимание следует, прежде всего, на регулирование миграционных процессов в республике, повышение качества деятельности, продвижение новых услуг, продвижение новых трендов и опыт внедрения этих трендов в стране. Например, в эти годы мы постоянно говорим, читаем, пишем об опыте Филиппин, выезжают десятки делегаций для его изучения. Однако ничего не внедрено, не реализовано. В наше время без внедрения новой модели, используя лишь традиционные форматы работы, достижение эффекта невозможно. Так, специальная группа должна заниматься проблемными моментами, которые часто возникают у трудового мигранта. Персонал Министерства труда и занятости населения необходимо обучать и сконцентрировать в единой точке, что также упрощает регулирование и управление миграционным процессом. Следует на постоянной основе знакомить сотрудников, государственных чиновников всех мастей с последними трендами в развитии современных технологий, использовании новаций в регулировании миграционных процессов — насколько они способны повлиять на парадигму структуры мировой экономики, особенно в области миграции. Однако проблема заключается в том, что миграцией занимаются люди совсем далекие от нее. Их главная задача: нашли грант — и они специалисты по «проеданию» этого гранта. Даже из скудной газетной информации становится понятно: «дилетанты никогда не решали и не будут решать ничего». Пора уже повзрослеть. Мигранты давно не приезжают в Россию просто так, они ищут информацию о работе в Интернете. В ММЦ (многофункциональный миграционный центр. — Р.У.) в Сахарово есть биржа труда, где человеку предлагают работу по

Ульмасов Рахмон Ульмасович, доктор экономических наук, профессор Российско-Таджикского (Славянского) университета (Республика Таджикистан, Душанбе). E-mail: ulmasovr@gmail.com.
Курбанов Нурали Хайларович, доктор экономических наук, профессор Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе (Москва). E-mail: nurali.k@mail.ru.

* Из выступления американского конгрессмена Билла Ричардсона на Евразийском медиа-форуме в Астане 22 июня 2017 г.

сле получения патента. И это очень востребовано. В миграции нужно действовать моментно и с неизменной стойкостью, крепить свою уверенность и смелость, колебаться и отступать нельзя. Максимально мобилизовать все позитивные факторы миграции, смело и отважно внедрять новое, решительно сбрасывая идеологические стереотипы, старые методы работы с мигрантами. Необходимо серьезно думать: каково на самом деле реальное состояние трудовых мигрантов? Довольны ли они работой миграционных служб? Как обеспечить их интересы? Этими вопросами должны заниматься представители Республики в российских регионах. Весьма важными условиями повышения эффективности работы с трудовыми мигрантами являются: широкое заслушивание мнений и предложений трудовых мигрантов, своевременное обобщение новейшего опыта, который необходимо обосновывать и научно оценивать, полная мобилизация активности, инициативы мигрантов с целью облегчения их жизни. Единственный выход из создавшегося положения — уделить серьезное внимание образованию. Например, в Киргизии «24 процента бюджетных средств направляется на образование»¹. Богатство Таджикистана — это, прежде всего, люди, и будущее страны — образованные, сильные люди.

Таджикистану нужен страновой бренд

Миграция это, прежде всего, межцивилизационное объединение. А сейчас мы пришли к такому порогу, что миграция требует перезагрузки и перемены взаимоотношений. Идет «настройка струн». Миграция влияет на мировоззрение мигранта, на его глубокое понимание ситуации. К большому сожалению, «гастарбайтер» стал синонимом Республики для общественного мнения. Таджикистан нуждается в профессиональном брендинге на мировом уровне. Таджикистану есть чем гордиться, но об основных преимуществах страны никто нигде не рассказывает. Говорить о наших уникальных высоких горах некому. А чистая вода? Горный туризм? Это все огромные преимущества, которых нет в других странах, но остаются неизвестным за пределами государства. Таджикистан — одна из немногих стран, которая живет в мире. У нас все соседи — наши друзья. Это уникальное конкурентное преимущество, но, к сожалению, оно редко озвучивается. Об этом несколько раз говорил наш президент с трибуны ООН, но информация не поддерживается в других средствах коммуникации. Авторы лет десять тому назад говорили, о том, что надо создать имиджевый отдел или управление при аппарате Президента. И сейчас пришло время правительству Таджикистана определить конкретное ведомство, которое будет заниматься брендингом Республики на мировой арене. Например, во Франции и США формированием образа страны занимаются Министерство иностранных дел и Госдепартамент соответственно, а в Таджикистане брендингом занимается только наш президент. Но бренд формируется совокупностью. Брендинг — это коммуникация. Вот этих коммуникаций в Таджикистане нет. Для брендинга нужна реклама, обычная реклама на международных телеканалах, которая будет говорить об уникальных конкретных преимуществах Таджикистана. Заняться этим нужно серьезно, на государственном уровне, и следить за тем, чтобы состоялась не только написание концепции, программы и обсуждения внутри Таджикистана, но и внешние коммуникации, формирующие устойчивый, запоминающийся позитивный образ Республики. Строить бренд на том, что есть реально. К примеру, на советской архитектуре. Массовая советская эстетика — это первое, что привлекает внимание иностранцев. И в Душанбе, и в Ходженте есть потрясающие примеры советской архитектуры позднего периода. Но вы никогда не увидите этой информации в туристических брошюрах. Еще одним столпом туристической привлекательности Таджикистана является кулинария. Люди, приезжающие сюда, хотят попробовать таджикскую кухню. «Как отличить таджикский плов от узбекского?», — спрашивают они, но вот проблема: он есть далеко не в каждом ресторане. Недавно в Российско-Таджикский (Славянский) университет приехали Послы

русского языка из 26 университетов России и других стран. Им предложили самим приготовить таджикский плов под руководством опытных поваров: от этого процесса послы были в восторге, Интернет заполнили фотографии всего действия, от начала до завершения. А ведь образ страны — это то, что влияет на инвестиционную привлекательность, которая бывает плюсовой или минусовой в зависимости от того, занимаетесь вы своим брендом или нет. Сейчас зарубежным компаниям не хватает понимания и знаний того, что такое Таджикистан. Надо приступать к формированию бренда «Таджикистан»! Есть возможность работать по двум направлениям. Первое: сельское хозяйство, второе — туризм. Качество продукции сельского хозяйства говорит само за себя, именно в сельском хозяйстве у нас есть изюминка. Наши горы привлекают не только альпинистов, спортсменов, но, и тех, кто интересуется живой природой. Создать специальный ресурс объектов, предназначенных для показа иностранным туристам, желающим увидеть Таджикистан во всей красе, отходить от набивших оскомину маршрутов, ответить на возникающие у любого иностранного туриста вопросы, ответов на которые нет ни в одном путеводителе. Нужно, чтобы впечатления соответствовали ожиданиям, а для этого требуется информация — достаточно, чтобы молва назвала Таджикистан симпатизантом. Формировать бренд «Таджикистан» должны все заинтересованные ведомства и организации, а не какой-то конкретный орган. Задача органа — аккумулировать весь этот процесс, но бренд формирует каждый на своем месте: те, кто занимается бизнесом, культурой, искусством, инфраструктурой. И если каждый будет делать свое дело хорошо на своем участке, то об этом узнает мир.

Бюрократизм

Сейчас перед Республикой стоит простая по форме и сложная в реализации задача — максимально улучшить положение трудового мигранта.

Процесс ужесточения миграционной политики в Европе начался еще в прошлом году. Швеция, принявшая больше всего беженцев на душу населения, радикально обновила законодательство, изменив требования для предоставления убежища. В результате за весь 2016 г. прошения подали лишь 30 тыс. человек. Попытки достучаться до совести миграционных служб обычно наталкиваются на непробиваемую стену бюрократии. В 2016 г. немцы отправили по домам рекордное число переселенцев с Ближнего Востока — 80 тыс. человек (51 тысяча из них предпочла улететь по программе добровольного возвращения), и в 2017 — планируют этот рекорд побить². Даже те европейцы, кто относился к беженцам с симпатией, скорректировали свою позицию. Опросы показали, что ключевую роль в этом сыграли недавние теракты, в частности, рождественская атака в Берлине, когда грузовик въехал в толпу, раздавив десятки людей. За рулем сидел Анис Амри, чье прошение об убежище как раз находилось на рассмотрении. Когда дело коснулось личной безопасности, граждане стран ЕС внезапно «разлюбили» мигрантов. Жесткие меры, которые принимают европейские страны, вполне объяснимы. Продолжение политики открытых дверей лишило бы правящие партии поддержки населения, толкнув его в объятия ультраправых партий. Помимо этого, вопрос отношения к мигрантам превратился в вопрос выживания Евросоюза. Для Евросоюза это также наилучший выход. Нынешняя стратегия ЕС базируется на том, чтобы сдерживать миграционный поток на дальних рубежах, в идеале — в странах по соседству с зоной конфликта. Европа готова платить за содержание лагерей для беженцев в Турции, Ливане, Ливии и Иране и снабжать их продовольствием (на двусторонней основе или через органы ООН). Главное — не допустить нового миграционного кризиса и избавиться, насколько возможно, от последствий прошлого — сотен тысяч мигрантов, которые никому в Европе не нужны. Положение таджикских мигрантов тоже не из лучших. 4977 граждан Таджикистана, у которых во время пребывания на территории РФ были выявлены такие инфекционные забо-

левания, как ВИЧ/СПИД, туберкулез, гепатит и др., лишены права на въезд в Россию пожизненно. Как сообщил НИАТ «Ховар», в настоящее время запрет на въезд в РФ действует для более 150 тыс. таджикских граждан. Согласно данным статистического агентства Европейского союза, только в Польше запрос на убежище подали 830 граждан Таджикистана. Это 8% от общего количества обратившихся в Польше, сообщает Радио «Озоди». Европа, еще совсем недавно принимавшая мигрантов с распростертыми объятиями, потихоньку отправляет их обратно на родину. Рассчитывавшие обрести в ЕС новый дом выходцы из Афганистана и с Ближнего Востока обнаружили, что тут им совсем не рады: сотни тысяч человек ожидают сейчас депортации, причем в списке стран с наиболее жесткой миграционной политикой лидирует вроде бы самая гостеприимная Германия.

Что мешает овладеть «великим и могучим»?

Проблема с русским языком для детей-иностранцев в школах РФ пока не решается: для них не существует специальных занятий, учителям не выделяют часы на дополнительные уроки с такими учениками. Обычно детям, не знающим язык, требуется год для его освоения, затем они уже без проблем включаются в жизнь класса и находят друзей. Вторая проблема — это разница в школьных программах в странах СНГ и России. Особенно остро эта проблема стоит в средней школе. Эксперты считают: именно незнание русского языка является одной из главных проблем мигрантов из стран Центральной Азии в России. Незнание языка ведет к нарушению их прав: мигранты не могут отстаивать свои права при встрече с полицией, правильно оформить трудовые отношения с работодателем, коммуницировать в обществе, а их дети не могут общаться со сверстниками и учиться в российских школах.

Интеграция мигрантов и их детей в российское пространство возможна через культурные программы: проведение совместно российских и национальных праздников, походы в музеи и театры, экскурсии по городам, летние лагеря, которые помогают детям мигрантов погрузиться в русскую культуру, узнать город, в котором они живут, завести новых друзей и начать воспринимать Россию как комфортную для проживания страну. Таким образом, курсы решают сразу три проблемы: социальной и языковой адаптации и содействия родителям детей в виде юридических, а иногда и психологических консультаций.

Однако в работе с мигрантами и их детьми существуют некоторые сложности. Это множество барьеров, мешающих родителям приводить детей в школу, — географические, юридические, экономические и психологические. Первая проблема, географическая, состоит в том, что мигранты часто меняют место проживания. Вторая, что они имеют проблемы с документами. Экономическая проблема — то, что у родителей нет возможности либо оплачивать языковые курсы, либо возить ребенка на занятия, даже если они бесплатные. Многие уверены, что приезжают в Россию на год — заработать на участок или дом, поэтому надо сосредоточиться на работе, а не получении дополнительного образования. Но в итоге остаются на много лет, а то и навсегда. Еще одна проблема — психологическая. Родители боятся куда-то отдавать своих детей. Руководители образовательных программ для мигрантов рассказывали «Фергане», что мигранты боялись приходить на курсы. Раздача листовок и расклейка объявлений не помогали, важно было найти «своего» человека (той же национальности), который рассказывал бы о том, что курсы безопасные.

Таджичка и миграция

В годы Союза трудно даже гипотетически представить, что таджичка из горного кишлака едет на заработки за пределы республики. Вначале на заработки в Россию ехали

только мужчины. Затем поехали женщины, и это связано с различными факторами. Во-первых, с дифференциацией сфер занятости. Как только расширился спрос в сфере услуг, зарабатывать поехали женщины. Они не могут носить кирпичи наравне с мужчинами, но могут обслуживать в ресторане или работать в прачечной.

Во-вторых, это связано с институтом брака. Когда мужчина находится в миграции, невесту ему находят родители, он приезжает, женится и уезжает снова, а его жена остается жить со свекровью. Он никогда не видел эту девочку и не хочет с ней жить, он видит, что в России все по-другому, рвет отношения со старой семьей и заводит новую. Девушка остается одна, чтобы обеспечить себя и уже, возможно, родившегося ребенка, тоже вынуждена ехать в миграцию. Так миграция сформировала поток одиноких матерей и женщин, которые не могут выйти замуж из-за того, что сузился брачный рынок, мужчины уехали на заработки. Некоторые девушки, наряду с желанием зарабатывать, имеют цель заключить в миграции брак, потому что теперь выбор женихов больше в России. Тем более что у них перед глазами есть случаи неблагополучных браков по стовору родителей. Время меняется, и девушки, как и парни, хотят найти свою «вторую половину». Это можно признать довольно частым явлением для всех республик ЦА³. Что касается Таджикистана, то там женщина в молодом возрасте зачастую не выходит на рынок труда, так как сидит дома с детьми. В трудовую миграцию едут женщины, чьи дети уже подросли, или те, у которых распалась семья. Часть женщин едет в Россию вместе с мужьями, чтобы сохранить семью. Это миграция замужних женщин «за мужем». В Таджикистане более традиционное общество, и женщина реже выезжает в миграцию одна. Но возможно, что и из Таджикистана выезжают на работу в Россию молодые женщины, которые захотят найти себе женихов. Российский рынок всех примет и обеспечит рабочими местами.

Образование, профессия и культура — «три кита» и путеводитель мигранта

Технологический прогресс в XXI веке диктует новые порядки и новые условия развития глобальной экономики. Все больше развитые страны попадают в «демографическую яму». Переход многих развитых стран на инновационные рельсы и вхождение в период геополитической трансформации становятся неизбежными. Инвестиции в новые технологии набирают обороты, а политика индустриализации, в свою очередь, не устраняет негативного влияния кризиса на мировую экономику. Образование, профессия и культура — «три кита» и путеводитель мигранта, без которых невозможен завтрашний день. Это жизненная основа нового поколения мигрантов, которая нуждается также в интеллектуальном управлении. Кто будет работать? Как будет работать? С кем будет работать? Кто выживает? Что бы мы ни говорили о новой технологии, двигателем и движущей силой является человек. Но в новом веке нужны образованные люди, люди высокой квалификации и утонченной культуры. Эпоха Д. Трампа диктует возвращение производства на родину. Просто так в свое время было выгодно и развитым, и развивающимся странам: первые получили дешевую рабочую силу, вторые возможность индустриализации. Но то время ушло. Администрация Д. Трампа определила контуры организации новой экономики. Одним из результатов этих нововведений будет то, что тиражирование изделий перестанет быть проблемой. Уже сейчас наручные часы изготавливают с помощью трехмерной графики. А проблемой станет создание новых экземпляров, которые отвечали бы индивидуальным потребностям покупателей. Уже с помощью 3D-принтеров строят дома. Георгий Клейнер, член-корреспондент РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН пишет: «В новой экономике должны происходить три взаимосвязанных процесса. Первый — технологический прорыв, связанный с обеспечением производства любых изделий в любом количестве. Вто-

рой — имплантация новых изделий в заводское производство. Третий — познание, а отчасти и воспитание потребностей людей»⁴. И все это касается людей. Слово «индустрия» происходит от латинского *industrius* — «деятельный, усердный». Существует понятие «индустриальное сознание». Это сознание определяет ориентацию экономики в целом, отдельных отраслей, предприятий и каждого человека. Это означает развитие, а развитие — с участием человека и для человека. Другой аспект. Мы живем глобальном мире, то, что происходит в любой точке мира, мы уже знаем, современный человек осознает потребность в инновациях. Но, не надо бояться, как раньше, что все сделает робот и человеку будет нечем заниматься. Нет, всем этим руководит человек. Для образованного, культурного, интеллектуально развитого человека все дороги открыты.

Максимум из минимума

Развивающиеся страны из миллионов трудовых мигрантов отбирают «бриллианты». Они создают для них тепличные условия, дают развиваться, наращивают и рационально используют потенциал. Взгляните на Японию. Все время строят роботы, компьютеры, машины и всегда впереди паровоза. А сейчас нуждаются в компьютерщиках. И сегодня Китай готовит для них специалистов. Для высококвалифицированного специалиста есть потребность во всех отраслях. Наша существующая система руководства миграционным процессом сдерживает развитие республики. Ее называют «мисменеджмент», то есть некачественный, нецеленаправленный, разрушительный менеджмент. Но мисменеджмент ведет к деморализации миграции и экономики в целом. По-английски *mismanagement* — плохое управление, но по-русски это звучит не очень хорошо. В условиях плохого менеджмента теряется ответственность управленцев, возрастают коррупция, этатизм и другие негативные явления. Чем отличаются мигранты второго и третьего поколения на сегодняшний день? Мы имеем дело с другими людьми. Это не вынужденные мигрировать после гражданской войны молодые люди или люди преклонного возраста. Это люди, достаточно искушенные, изощренные, которые с детства на ты с девайсами, гаджетами и облачными технологиями. Нельзя этими людьми управлять так, как это было в начале века. У нашего народа и наших трудовых мигрантов есть огромный интеллектуальный потенциал. Посмотрите, несмотря на нелегкие условия труда в России они выжили, они терпели и заработали средства не только на проживание, на обеспечение семьи, но они пошли вперед, создают малое производство, фирмы, компании. А их дети, выросшие в трудных условиях, становятся лидерами в школах, в университетах, крупных компаниях. И это надо продвигать, поддерживать из столицы Таджикистана. Среди мигрантов есть авангард, который определяет движение вперед, и есть арьергард, который выполняет вспомогательные функции. И точно так же должна быть устроена системная экономика в масштабах страны. Должны быть горизонтальные связи между всеми мигрантами. Их должна объединять информационная среда, которая будет вытягивать их наверх, не давать кому-то утонуть. Такой системы пока нет, мигранты оторваны друг от друга. Но сейчас надо подумать, в частности, о создании такой информационной системы. Иными словами, каждый мигрант, находящийся в трудоспособном возрасте, желающий и умеющий работать, должен найти не просто место работы, чтобы получать зарплату, а место, на котором его способности могли бы наилучшим образом реализоваться. Вот в этом заключается роль государства. Мы должны предложить нашим гражданам множество разнообразных рабочих мест в экономике, вначале у себя в стране, а потом за рубежом. Именно в стране, до отъезда, определить работу по способностям, склонностям, предпочтениям. Если способности каждого будут использованы эффективно, экономика будет эффективной. Тогда трудовые мигранты принесут нашей экономике гораздо больше пользы, чем сейчас.

Чужой в чужой стране

Незнание языка трудовыми мигрантами — проблема, но не самая страшная беда. Очевидно, что это была всего лишь попытка не выносить сор из избы, но сор этот все равно оказывался достоянием общественности. Между мигрантами и местным населением должна быть определенная «химия отношений», должен быть унисон. Пока такого взаимопонимания не получилось, хотя оговорюсь, что речь о чисто бытовых вопросах. Выезжая за пределы страны, мигрант должен задавать самые высокие планки и стремиться их покорять. И если этими идеями проникнется большое количество мигрантов, вероятность достижения положительного результата будет максимальной.

Сегодня мы должны смотреть только вперед, должны выстроить деятельность всех структур, кто имеет дела с миграцией, по кирпичикам. И работать не вообще, а с мигрантами конкретно, решать проблемы точно, обращать внимание на определенные проблемные позиции, усиливая конкретные направления. С другой стороны, нужно поощрять смелые поиски и выявление острых проблем, обобщать опыт, непрерывно усугублять познание миграционных проблем. На что надо обратить внимание?

1. Системность, целостность и скоординированность всех государственных структур, неправительственных организаций и ученых, которые занимаются проблемами миграции.

2. Стимулировать мигрантов на продвижение на всех уровнях до министерств, ведомств и правительства Республики.

3. Вырабатывать консенсус, осуществлять планирование и продвигаться вперед. В работе с мигрантами застой и откат назад только заводят в тупик.

4. Создать информационный фундамент для таджикского мигранта. В рамках этого проекта подготовить и представить пакетные предложения для улучшения благоприятного информационного пространства.

5. Ввести блок инициатив по оказанию помощи трудовым мигрантам.

6. Создать общие центры обслуживания мигрантов во всех городах и районах Республики, сделать их деятельность более эффективной и прозрачной.

7. Разработать видео-текстовый контент, разъясняющий трудовым мигрантам, что делать, как делать, какие проблемы могут возникнуть, что надо знать. И так далее.

8. К проблемам миграции надо относиться осмотрительно, многократно их взвешивая и обосновывая. Но это вовсе не значит осторожничать и топтаться на месте, боясь что-либо опробовать. Невозможно, чтобы все шло гладко и ровно, без какого-либо риска. Чем острее противоречия в миграции, чем больше проблем, тем важнее смело идти вперед, преодолевая все и всяческие трудности.

9. Для мигранта необходимо формирование общего понимания, значит надо усиливать позитивную пропаганду и идеологическую поддержку. Нужно поощрять смелые поиски, своевременно обобщать опыт, стимулировать инновацию в теории и на практике.

10. За счет инноваций, прежде всего, за счет использования мобильных телефонов, веб-сайтов, порталов, социальных сетей и др., максимально мобилизовать активность, наращивать жизненную силу социального развития, целиком и полностью использовать творческую инициативу трудовых мигрантов, выявлять проблемы и оперативно их решать.

11. Необходимо сформулировать концепцию миграционной цивилизации, включающую в себя подготовку, обучение, получение профессии, знание языков, воспитание культурного, образованного человека и улучшение миграционной среды. Только при наличии самых строгих отношений и при более тщательно разработанном законодательном регулировании можно предоставить надежные гарантии построению миграционной цивилизации.

Сегодня в решении миграционных проблем необходима разработка топ-решений и целостной программы на базе тщательного исследования и изучения, разработка стратегических целей, стратегических приоритетов миграции как у нас в Республике, так и за ее пределами, составление дорожной карты и графика исполнений по всем пунктам. Под разработкой топ-решений подразумевается следующее:

– проект использования денежных средств трудовых мигрантов в экономике Республики:

– политический, культурный и социальный блок поддержки мигрантов как в Таджикистане, так и за его пределами.

Здесь мы приходим к очень важному для Таджикистана вопросу. Нужна сильная образовательная база, а также среда, где бы аккумулировались разные идеи и направления, культурные центры, арт-площадки, но, в первую очередь, нужна государственная программа поддержки. Средняя школа — это слабое звено в системе нашего образования. Это слабое звено отражается на трудовой миграции. Отсюда вытекает другой вопрос: безопасность мигранта и информатизация — как два крыла птицы, в этой работе необходимы единое планирование, единая подготовка, единое продвижение и осуществление. Безопасность мигранта и новая технология — необходимо урегулировать отношения между ними, стимулировать их единое скоординированное и одновременное продвижение вперед. Стимулировать рациональную миграцию населения, контролировать его общую численность и оптимизировать его структуру.

Миграционная доктрина

В Таджикистане должна быть своя стратегия, или миграционная доктрина. Те миграционные процессы, которые происходят в стране, должны контролироваться и регулироваться со стороны государства. Вот главная задача государства.

Должны быть хорошо подготовленные документы, подкрепленные конкретным анализом. Однако есть целая система сдержек и противовесов. Не разработана жизнеспособная система, начиная от районов до правительства, НПО и СМИ, которая должна реально оценивать ситуацию: по каким специальностям на какие предприятия могут привлекаться наши граждане за рубежом, исходя из этого организовать подготовку в ПТУ, вузах, общеобразовательных школах, на специальных курсах. Существуют еще две потенциальные базы подготовки кадров. Первая — во время воинской службы, где есть возможность подготовить специалистов-водителей, токарей, электриков, сварщиков и др. Вторая — исправительные трудовые колонии. Что будут делать после освобождения эти молодые люди? Их надо учить профессиям, пока они там сидят. И, наконец, в Республике более 4000 общеобразовательных школ, все эти школы после 16.00–17.00 пустуют. Есть преподаватели, в каждом населенном пункте есть место для организации разного рода курсов для получения профессий. Почему не использовать?

Проблемы

1. Нехватка современной банковской технологии (по электронным платежам посредством платежных карт, банкоматы, мобильный банкинг).
2. Слабое доверие к банковскому сектору (расширение услуг в целях достижения семей мигрантов).
3. Низкий уровень образованности трудовых мигрантов.
4. Географические барьеры и увеличение расходов (65–70% трудовых мигрантов составляет сельское население).
5. Расчет объемов денежных переводов, проведенных по неформальным каналам (10% из всех переведенных денежных переводов).
6. Не ведется расчет по денежным переводам, преобразованным в форму товаров.

Предложения

1. Организовать краткосрочные курсы для трудовых мигрантов Таджикистана и их семей с целью повышения уровня их знаний в финансовых и правовых вопросах, знания языка и культуры принимающей страны, готовить более квалифицированных специалистов в области производства, строительства, сельского хозяйства и торговли.

2. Организовать семинары и стажировки для сотрудников центральных банков для изучения опыта других стран по оценке объемов денежных переводов и их правильного отражения в платежном балансе.

3. Предоставить техническое содействие и, возможно, финансовые ресурсы банкам Таджикистана для развития новых финансовых продуктов, таких, как мобильный банкинг, которые привлекательны и доступны для отправителей и получателей переводов.

Особое предложение ко Всемирному банку. Необходимо помочь Таджикистану в разработке единой методологии учета и оценки объемов денежных переводов в платежном балансе, которая будет включать:

- использование одинаковых источников и методов оценки денежных переводов;
- использование единой системы кодировки для разделения денежных переводов по назначениям;
- разработку методики учета формальных и неформальных денежных переводов;
- проведение на ежегодной основе зеркальной статистики по денежным переводам.

Анализ представленных данных позволил сделать следующие заключения и подготовить рекомендации:

В Таджикистан имеется большое количество мигрантов, по численности большее, чем некоторые коренные жители России. Если первая группа мигрантов была почти полностью образована ввиду угрозы для жизни во время и после гражданской войны, то вторая, или новая волна мигрантов формировалась в основном под воздействием разных социально-экономических факторов. Российская Федерация была основной страной проживания новых мигрантов, выезжающих как на сезонную, так и на постоянную работу.

Таджикские мигранты удовлетворяют спрос на вакансии там, где его невозможно удовлетворить за счет внутренних ресурсов. Правительства стран-доноров и стран-реципиентов рабочей силы должны контролировать потоки миграции рабочей силы.

Утечка мозгов является серьезной проблемой для развивающихся стран-доноров, так же как нелегальная миграция — для стран-реципиентов. Политика контроля миграции должна быть сбалансированной, для того чтобы не поощрять нелегальную миграцию. Но, одновременно, не должна быть слишком суровой, чтоб не создавать препятствий для притока необходимой рабочей силы.

Высокий уровень неравенства доходов населения имеет прямое влияние на миграцию рабочей силы. Чем больше неравенство, тем выше темп международной трудовой миграции. Следовательно, высокий темп международной миграции рабочей силы стимулирует большой объем ремиттансов². С другой стороны, он снижает производительный потенциал и затормаживает экономическое развитие страны-донора, но так как денежные переводы используются как инвестиционный инструмент, возможно, отрицательное влияние миграции рабочей силы будет сглажено за счет инвестиций.

Неофициальные денежные переводы, по мнению экспертов, составляют 30% от внешних переводов, отправленных в Таджикистан. Необходимо стимулировать официальные каналы отправки денежных переводов путем применения различных бонусных и льготных программ для отправителей и получателей ремиттансов, также увеличивая доступность услуг поставщиков.

Ремиттанс (англ. *remittance* — денежный перевод) — это заработанные иммигрантами деньги, поступающие в страны «исхода». Поскольку назначение таких денеж-

ных переводов, как правило, — оказание помощи родным и близким иммигранта, некоторые эксперты называют ремигрантов «человеческим лицом глобализации».

В случае гипотетической ситуации, при которой поток ремигрантов в Таджикистан прекратится или сокращается, уровень бедности в Таджикистан резко возрастет.

* * *

В кратчайшие сроки предстоит решить уравнение минимум с тремя неизвестными. Первое неизвестное — как привлечь работодателей к таджикскому рынку труда? Второе — как быстро, эффективно реанимировать миграционную ситуацию после продолжительного спада и сокращения производства? Третье неизвестное — как денежные переводы мигрантов поставить на службу экономике страны?

До сих пор попытки оценить таджикский миграционный фактор оставались и для Таджикистана, и для России задачей теоретической. Пришло время перевести расчеты в практическую плоскость, чтобы понять, какую экономическую и социальную выгоду может принести нашим странам трудовой мигрант.

-
1. Подробнее см.: URL: <https://www.news.tj/ru/news/centralasia/20170714/atambaev-prizval-nerrashibat-lbi-v-molitvah-a-zanimatsya-naukoi>
 2. Погостили и хватит. Европейские страны высылают мигрантов обратно // Лента.ру. 05.07. 2017.
 3. Подробнее см.: Ульмасов Р.У. Влияние внешней миграции на брачность и разводимость мигрантов // Электронный мультидисциплинарный научный журнал с порталом международных научно-практических конференций «Интернетнаука». 2017. URL: <https://internetnauka.ru/3-17-inter-4.php>
 4. Три кита экономики. Webconomy.ru. 07. 2017.

Проблемы развития национальной системы кибербезопасности Республики Корея

© 2018

В.И. Волощак

В статье освещается краткая история становления национальной системы кибербезопасности Республики Корея и рассматривается хронология основных хакерских атак на южнокорейские компании и государственные органы. Среди ключевых проблем, влияющих на выработку политики государства в сфере информационной безопасности, автор выделяет отсутствие Национальной стратегии кибербезопасности, недостаточно разработанную нормативно-правовую базу, а также фактор военно-политической конфронтации между РК и КНДР.

Ключевые слова: кибербезопасность, стратегия, Республика Корея, кибератака, информационная безопасность.

Республика Корея является потенциальной целью для хакерских атак в силу высокого уровня информатизации общества, большого количества объектов интеллектуальной собственности и широкого использования мобильных устройств. По данным Мировой статистики интернета (англ. *Internet World Stats*), количество интернет-пользователей в Южной Корее составляет около 47 млн (92,7% от общего населения страны), а число зарегистрированных пользователей социальной сети Facebook достигло 17 млн в 2017 г.¹ Кроме того, Южная Корея является мировым лидером по скорости интернет-соединения, будучи единственным государством, средняя скорость интернета в котором превысила порог в 25 Мбит/с. и составляет 26,1 Мбит/с.² Несмотря на то, что Южная Корея обладает высокоразвитыми информационными технологиями и активно осваивает интернет-пространство (став в 2005 г. первым в мире государством, полностью осуществившим переход от коммутируемого удаленного доступа в глобальную сеть к широкополосному), информационная инфраструктура страны остается весьма уязвимой перед кибератаками. Для защиты киберпространства была сформирована национальная система кибербезопасности, состоящая из большого количества взаимосвязанных организаций.

Хронология основных хакерских атак

Одной из первых массовых кибератак, затронувших Южную Корею, стало распространение сетевого червя SQL Slammer в 2003 г., широко известное в корейских СМИ как «интернет-кризис 25 января». Червь парализовал серверы крупнейшего провайдера телекоммуникационных услуг KT Corporation (Korea Telecom) примерно на девять часов, причинив ущерб размером 220 млрд вон (около 200 млн долл.) и заразив около 750 тыс. устройств³. Данный инцидент является одним из самых крупных в истории Республики Корея, но уступает по масштабу таким известным интернет-червям тех времен, как Klez

Волощак Валентин Игоревич, аспирант Школы гуманитарных наук ДВФУ, ассистент кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток). E-mail: voloshchak.vi@dvfu.ru.

(от 9 млрд долл. ущерба и 7,2% зараженных компьютеров по всему миру в 2002 г.) и ILOVEYOU (от 5,5 до 8,5 млрд долл. ущерба и заражение около 10% устройств по всему миру в 2000 г.)⁴

По информации Агентства интернет-безопасности, 7–9 июля 2009 г. были проведены три DDoS-атаки (распределенная атака типа «отказ в обслуживании»), обрушившие работу сайтов Министерства общественной администрации и безопасности, издания «Чосон ильбо», банка «Кунмин», почтовых служб веб-порталов Naver и Daum и т.д.⁵ Атаки сопровождалась распространением вредоносной программы W32.Dozer, повредившей данные на жестких дисках множества компьютеров на территории Южной Кореи: по разным оценкам, работа около 23 сайтов была обрушена, около 115 тыс. устройств были заражены в результате трехдневной атаки⁶. Медленная реакция уполномоченных органов продемонстрировала спектр недостатков национальной системы кибербезопасности, главным из которых стало отсутствие межведомственной координации. Именно тогда правительством Республики Корея впервые были поставлены задачи установления комплексных мер по противодействию кибератакам и создания централизованной системы кибербезопасности.

4 марта и 26 июля 2011 г. состоялись очередные DDoS-атаки на южнокорейские интернет-ресурсы. В отличие от кризиса двухлетней давности, когда в течение каждой из трех атак распространялся один и тот же вирус, в первом случае 2011 г. структура вируса менялась от атаки к атаке (всего выделяется три волны атак с 3 по 4 марта). В результате был вызван отказ в обслуживании ряда интернет-ресурсов, сетей правительственных органов и вооруженных сил США в Республике Корея и заражено до 116 тыс. компьютеров. По информации компании AhnLab, кибератаки 4 марта связанные с инцидентом в 2009 г., имели более сложную структуру. Они смогли вызвать отказ в работе большего количества сайтов и распространяли вирус, работающий не только на операционных системах Windows 2000/XP/2003, но и на всех системах семейства Windows⁷. Спустя несколько месяцев последовала вторая хакерская атака, вызвавшая потерю конфиденциальной информации 35 млн пользователей веб-портала Nate компании SK Communications⁸. Подобные масштабы атак ставят события 2011 г. в один ряд с крупнейшими взломами, среди которых атака на сервера Android-клавиатуры AI.Type, повлекшая утечку личных данных 31 млн пользователей⁹, или атака на бюро кредитной истории Equifax, в результате которой произошла потеря данных около 694 тыс. пользователей из Великобритании и до 146 млн пользователей из США в 2017 г.¹⁰

20 марта и 25 июня 2013 г. произошли новые хакерские атаки на серверы резиденции президента РК, Национальной разведывательной службы и веб-сайт партии «Сэнури». Несмотря на то, что ключевые проблемы в области предотвращения и противодействия кибератакам так и не были решены, ни один из интернет-кризисов не был столь же разрушительным, как инцидент 24 января 2003 г., а количество затронутых вирусами компьютеров постепенно уменьшалось, составив около 32 тыс. по итогам инцидента 20 марта 2013 г.¹¹ В октябре 2013 г. компании «Хаури» и AhnLab, крупнейшие разработчики антивирусного программного обеспечения в Корее, смогли отследить и нейтрализовать около 10 тыс. DDoS-атак на местные компании¹². Все это позволяет говорить о том, что за десятилетний период в РК были достигнуты определенные успехи в области защиты информационного пространства и противодействия киберугрозам.

После 2013 г. характер хакерских атак на южнокорейское информационное пространство изменился: кроме банков, медиа-порталов и органов государственной власти целями злоумышленников стали стратегические объекты промышленной инфраструктуры. Так, 23 декабря 2014 г. Корейская корпорация гидро- и атомной энергетики объявила о том, что ее внутренняя сеть была взломана, в результате чего произошла утечка технической информации и личной информации 10 тыс. сотрудников, а также были похищены чертежи ядерного реактора (впоследствии группа хакеров выложила чертежи в откры-

тый доступ)¹³. К другим крупным инцидентам можно отнести АРТ-атаку (англ. *advanced persistent threat*, таргетированная атака) на компьютерную сеть сеульского метрополитена в 2015 г., когда было установлено, что в период нескольких месяцев около 210 устройств сети были подвергнуты заражению вредоносным программным обеспечением. Тем не менее, этот инцидент не повлек за собой серьезных последствий и утечки информации: по данным Национальной разведывательной службы, всего было украдено 12 электронных документов¹⁴, что позволяет заключить, что возможной целью хакеров являлось не похищение информации, а получение доступа к внутренней сети управления движением транспорта. КНДР отвергла собственную причастность к обоим инцидентам, которые, судя по характеру атак, не связаны между собой.

Формирование национальной системы кибербезопасности и разработка нормативно-правовой базы

Система противодействия киберугрозам в Республике Корея весьма децентрализована и существует на пересечении публичного, частного и военного секторов. Одной из первых организаций в сфере защиты информационного пространства в публичном секторе является центр интернет-безопасности KrcCERT, созданный в конце 1990-х годов при Агентстве информационной безопасности Республики Корея (ныне — Агентство интернет-безопасности Республики Корея) и начавший активную деятельность в начале 2000-х годов. Основная сфера ответственности KrcCERT — это противодействие DDoS-атакам: центр проводит круглосуточный мониторинг DDoS-угроз и предотвращает распространение вредоносного кода (Агентство интернет-безопасности при участии KrcCERT осуществило проверку около 2,5 млн корейских веб-сайтов на предмет заражения). Кроме этого, KrcCERT выполняет функцию консультирования и обмена информацией, активно взаимодействуя как с корейскими, так и с мировыми интернет-провайдерами, антивирусными компаниями и т.д., а также с такими крупными корпорациями, как Symantec и Microsoft.

8 сентября 2004 г. Совет национальной безопасности Республики Корея выпустил «Рекомендации по государственному антикризисному регулированию» (имплементирующий акт — Указ Президента № 124)¹⁵, а 31 января 2005 г. вступило в действие Положение «Об управлении в области национальной кибербезопасности». Положение предписывало создание единой системы, состоящей из ряда государственных органов, ответственных за противодействие атакам в киберпространстве. С тех пор все государственные агентства, местные администрации и другие публичные институты должны поддерживать между собой сотрудничество и обмен информацией по вопросам кибербезопасности, будучи подотчетными Управлению национальной безопасности при президенте Республики Корея¹⁶. В 2004 г. южнокорейское правительство обязало предоставлять отчет о случаях хакерских атак все частные компании, связанные с работой в интернет-пространстве — в то время применение подобных мер в мировой практике было достаточно редким¹⁷. Таким образом, была сформирована национальная система информационной безопасности и противодействия киберугрозам, в общих своих чертах сохраняющаяся до сих пор, где основная ответственность распределена между Министерством обороны, Центром национальной кибербезопасности (органа Национальной разведывательной службы), центром KrcCERT и рядом органов исполнительной власти (с ведущей ролью Министерства информации и связи), а координатором и «командным пунктом» системы выступает Управление национальной безопасности¹⁸.

В 2008 г. было расформировано Министерство информации и связи, и его функции в области информационной безопасности были распределены между Комиссией по связи, Министерством общественной администрации и безопасности (ныне — Министерство внутренних дел и безопасности) и Министерством экономики знаний (ныне —

Министерство торговли, промышленности и энергии). Неэффективность такого решения по децентрализации системы управления ярко проявилась после DDoS-атаки 7 июля 2009 г., после чего было принято решение о реформировании сложившейся системы кибербезопасности и разработке комплексных решений по противодействию киберугрозам.

Однако конкретные шаги в этом направлении были предприняты только после очередных DDoS-атак, состоявшихся 4 марта и 26 июля 2011 г. Лишь после этих событий правительство Южной Кореи объявило о принятии Мастер-плана государственной кибербезопасности, в котором были распределены сферы ответственности между государственными структурами¹⁹. В июле 2013 г. были приняты «Меры по обеспечению государственной кибербезопасности» — последний на сегодняшний день документ, в котором предпринимается попытка комплексно отразить государственную политику по кибербезопасности, направленную на построение продвинутой системы защиты информационного пространства страны, для чего предлагается работа по четырем направлениям. Во-первых, в текущей организационной структуре необходимо перераспределение сфер ответственности и более четкое выделение «командного пункта», роль которого должно выполнять Управление национальной безопасности при поддержке Национальной разведывательной службы. Во-вторых, для эффективной работы ответственных организаций было запланировано создание к 2014 г. системы обмена информацией о киберугрозах. В-третьих, в качестве важного направления было выбрано улучшение инфраструктурных условий для малого и среднего бизнеса и государственных учреждений: планируется увеличение количества дата-центров, совершенствование телекоммуникационных систем и т.д. В-четвертых, выделяется работа в области развития кадровых ресурсов (к 2017 г. запланировано осуществить подготовку 5 тыс. специалистов в сфере кибербезопасности по различным государственным программам) и стимулирование исследовательских разработок в ряде таких областей, как шифрование данных, облачные технологии, интернет вещей и межмашинное взаимодействие (англ. *Internet of Things / Machine-to-Machine technology*) и др.²⁰

Тот факт, что в начале 2010-х годов объектами кибератак стали крупные промышленные и транспортные структуры, не мог не вызвать осознания необходимости реформировать систему кибербезопасности с упором на развитие ее военного сегмента и укрепление вертикального подчинения структур Управлению национальной безопасности. На сегодняшний день система существует практически в своем первоначальном виде, отличаясь несколькими изменениями: 1) усилена координирующая роль Управления национальной безопасности, в котором был создан отдел кибербезопасности во главе со вторым заместителем директора Управления. Основную поддержку Управлению национальной безопасности оказывает Центр национальной кибербезопасности Национальной разведывательной службы, ответственный за мониторинг компьютерных сетей в публичном секторе; 2) центр KrcERT укрепился на позициях ведущей организации в области противодействия угрозам в интернет-пространстве Южной Кореи, соответственно, большая часть полномочий органов исполнительной власти по обеспечению кибербезопасности перешла к Агентству интернет-безопасности Республики Корея, который является частью Министерства науки и информационно-коммуникационных технологий. Сфера ответственности этих организаций — контроль над проведением научно-технической работы в области информационной безопасности, информационной культуры, радиотехнологий и др. Также Министерство обороны занимается противодействием кибератакам в военной отрасли²¹.

Особое значение в сформированной системе имеет участие военных структур. Министерство обороны активно работает в сфере радиоэлектронной защиты. В целях предотвращения возможных атак с подавлением GPS-сигналов со стороны Корейской Народно-Демократической Республики Министерство обороны учредило экспертную группу совместно с Министерством науки и информационно-коммуникационных техно-

логий, а также разработало «Руководство по реагированию на подавление GPS-сигналов»²². Кроме этого, Вооруженные силы Республики Корея ведут работу в области обеспечения кибербезопасности и ведения кибервойны: с 2010 г. при Объединенном комитете начальников штабов действует Киберкомандование, курирующее основные вопросы проведения операций в киберпространстве²³. Деятельность военного ведомства регулируется «Руководством по проведению киберопераций» и «Руководством по урегулированию кибер-кризисов». Также Министерство обороны разрабатывает Оборонную стратегию кибербезопасности, в которой будут комплексно изложены направления развития военной политики в области кибербезопасности в среднесрочной и долгосрочной перспективах²⁴. В рамках взаимодействия с гражданскими структурами в 2012 г. Министерство обороны объявило о создании школы кибербезопасности совместно с Университетом Корё при поддержке южнокорейского правительства. Образовательная программа школы рассчитана на четыре года, каждый год планируется зачисление около 30 студентов, которые будут проходить подготовку в области поиска вредоносных кодов и противодействия кибератакам²⁵.

Другим важным направлением работы по обеспечению кибербезопасности является сотрудничество с США в рамках двустороннего военного альянса. С февраля 2014 г. два раза в год стороны проводят совещания Рабочей группы по сотрудничеству в области кибербезопасности. В 2015 г. Республика Корея и США достигли договоренности по обмену информацией в сфере защиты компьютерных сетей и информационной безопасности (англ. *Information Assurance / Computer Network Defense Standard Operating Procedure, IA/CND SOP*)²⁶ и продолжают укреплять партнерские отношения на таких площадках, как Сеульский оборонный диалог и Совещание министров обороны стран АСЕАН плюс (англ. *ADMM+*). Визит директора Агентства национальной безопасности и командующего Кибернетическим командованием США Майкла Рождерса в Сеул в ноябре 2017 г., во время которого стороны обговорили основные вопросы сотрудничества в области защиты информационного пространства, подчеркивает актуальность двустороннего сотрудничества по этим вопросам²⁷.

Основные проблемы развития национальной системы кибербезопасности

Несмотря на проведенную на разных уровнях работу, на данный момент национальная система кибербезопасности Республики Корея имеет много проблем. Глобальное интернет-сообщество стремительно развивается, и киберпространство как таковое весьма сложно определить в пространственно-временных реалиях, что является вызовом для современного международного права. В случае Республики Корея ситуация усугубляется северокорейским фактором: корейские ученые, эксперты и политики практически не имеют сомнений в том, что большая часть кибератак на южнокорейские компании и государственные органы организована КНДР с китайских IP-адресов²⁸. Как правило, подобная позиция аргументируется тем, что атаки проводятся с IP-адресов устройств, расположенных в приграничных с КНДР районах Китая, а также схожестью структуры вирусов с предыдущими инцидентами, ответственность за которые также условно возлагают на КНДР. При этом в ряде случаев ответственность Пхеньяна опровергнута или ставится под сомнение²⁹, а крупнейшие атаки не имели отношения к Северной Корее: к примеру, червь SQL Slammer изначально распространялся в США, Канаде, Португалии, Великобритании, а Южную Корею затронул лишь частично; атаки 2009 г. также были проведены в нескольких странах, а возможным их источником является устройство, расположенное, по данным Центра интернет-безопасности Ханойского университета науки и технологии, на территории Великобритании³⁰; атака на сеть Корпорации гидро- и атомной энергетики в 2014 г., возможно, была организована группой активистов из РК, вы-

ступающих против использования атомной энергии³¹. Причастность КНДР, таким образом, обосновывается довольно косвенными доводами.

Тем не менее, южнокорейская общественность убеждена в участии Северной Кореи едва ли не в каждой кибератаке, в связи с чем наблюдается тенденция своего рода «милитаризации» национальной системы кибербезопасности и стремления рассматривать очередные хакерские атаки в контексте противостояния между двумя государствами Корейского полуострова, несмотря на то, что киберпространство является принципиально новой сферой столкновения интересов, где весьма затруднительно определить степень участия государств. Корейские эксперты настаивают на том, что с поправкой на это обстоятельство необходима разработка нормативно-правовой базы, способной урегулировать вопросы защиты информационного пространства, которое должно мыслиться как часть государственного пространства.

В южнокорейском законодательстве нет явного разграничения понятий «кибервойна», «кибертерроризм» и «киберпреступление». Вопросы, связанные с кибертерроризмом, регулируются Уголовным кодексом, Законом Об информационно-коммуникационной инфраструктуре, Законом Об использовании информационно-коммуникационной инфраструктуры и защите информации, Законом Об информатизации, Актом Об электронной подписи, в которых не используется термин «кибертерроризм». Отсутствие определения кибертерроризма, в частности, связано и со сложностью определения терроризма как такового, и в законах РК террористической называется организация, которую таковой официально признает ООН³². При этом в различных документах широко применяется нейтральный термин «кибератака», в том числе при описании инцидента 25 июня 2013 г. По мнению Ким Бён Хва, научного сотрудника Института криминологии Университета Йонин, это обстоятельство может вызвать проблемы, связанные с трактовкой и имплементацией многочисленных документов, регулирующих сферу безопасности киберпространства³³. Кроме того, отсутствие четкого разделения терминов на правовом уровне является одной из преград разработки и принятия Национальной стратегии кибербезопасности.

Для решения этой проблемы южнокорейское правительство, воздействуя на Национальное собрание, пытается инициировать принятие Закона «О борьбе с кибертерроризмом». Данный закон является очередной мерой по расширению полномочий Национальной разведывательной службы в дополнение к принятому в марте 2016 г. Закону «О борьбе с терроризмом». Несмотря на противодействие со стороны оппозиционных партий, Закон «О борьбе с терроризмом», позволяющий Национальной разведывательной службе осуществлять сбор конфиденциальной информации граждан в рамках противодействия экстремизму и предусматривающий смертную казнь и пожизненное заключение в качестве мер наказания³⁴, был утвержден парламентом после активного содействия Пак Кын Хе и правящей партии «Сэнури».

Закон «О борьбе с кибертерроризмом» пока что остается на стадии законопроекта и встретил в 2016 г. сопротивление оппозиции, прибегнувшей к тактике филибастера: представители малых фракций парламента разными способами затягивали принятие решения, а такие оппозиционные лидеры, как Ким Ки Сик, Нам Ин Сун, Пак Хон Гын и Ли Хак Ён (члены партии «Тобуро», находившейся в 2016 г. в меньшинстве по отношению к «Сэнури») совместно с рядом неправительственных организаций занимались организацией мероприятий, привлекавших внимание общества к проблеме Закона «О борьбе с кибертерроризмом»³⁵. Судьба закона, затрагивающего основные права граждан Республики Корея, остается под вопросом и сейчас, после прихода к власти администрации Мун Чже Ина и получения «Тобуро» большинства мест в парламенте: по всей видимости, правящая партия не намерена его продвигать, следовательно, на данный момент вероятность принятия закона остается минимальной.

Таким образом, сегодня национальная система кибербезопасности Республики Корея сталкивается с рядом принципиальных проблем:

– децентрализация системы и недостаточно ясное разделение сфер ответственности между организациями, отвечающими за обеспечение кибербезопасности. Несмотря на то, что номинальным ядром и «контрольной башней» системы является Управление национальной безопасности и Центр национальной кибербезопасности Национальной разведывательной службы, на практике эффективное взаимодействие между элементами системы невозможно без необходимой нормативной базы;

– отсутствие основополагающего документа, в котором были бы закреплены основные направления политики государства в области кибербезопасности. Таким документом для Южной Кореи, ориентирующейся на опыт западных стран, в первую очередь, США (в частности в вопросе организации вооруженных сил), может стать Национальная стратегия кибербезопасности. Для этого необходимы серьезное обсуждение проблемы на государственном уровне и понимание того, что защита киберпространства не менее важна, чем защита государственной территории;

– отсутствие законов, расширяющих полномочия Национальной разведывательной службы и других ответственных ведомств. Принятие Закона «О борьбе с кибертерроризмом» активно лоббировалось партией «Сэнури» во время президентства Пак Кын Хе, однако нынешняя либеральная администрация Мун Чже Ина не поддерживает эту инициативу. В этой связи усиление контроля над личной информацией граждан в целях противодействия терроризму, как минимум, остается делом отдаленной перспективы, а фактором, способным изменить сложившуюся ситуацию, сможет стать очередная крупная хакерская атака, ассоциированная с КНДР, или иной резонансный инцидент в киберпространстве Южной Кореи, превосходящие по разрушительной силе предыдущие случаи. Наличие потенциальной угрозы, исходящей от КНДР, является важным аргументом консервативно настроенной части южнокорейского общества для укрепления возможностей собственной системы кибербезопасности, поэтому появление новой информации, более убедительно обосновывающей причастность Северной Кореи к кибератакам, может также стать поводом для пересмотра действующего законодательства.

1. Asia Internet Use, Population Data and Facebook Statistics — June 2017. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats3.htm#asia> (дата обращения: 12.03.2018).
2. Akamai's Q4 2016 State of the Internet — Connectivity Report. URL: <https://www.akamai.com/kr/ko/multimedia/documents/state-of-the-internet/q4-2016-state-of-the-internet-connectivity-report.pdf> (дата обращения: 11.03.2018).
3. Со Чхольин. Кукка виги сатхэ пурынын санбо чхонданпомчверыль магара: [Остановите киберпреступления, называемые государственным кризисом]. URL: http://monthly.chosun.com/client/news/viw_r.asp?ctcd=C&nNewsNumb=200812100013 (дата обращения: 12.03.2018).
4. См.: Whitman, M.E. Principles of information security. Boston: Cengage Learning, 2017. P. 92.; Аналитики подсчитали ущерб от эпидемии червя Helkern. URL: <https://lenta.ru/news/2003/02/03/slammer/> (дата обращения: 12.03.2018).
5. Ли Гванъбин. Самчха DDoСконъгёк сиджак... ильбу чопсокпуран: [Началась третья DDoS-атака: беспокойство о доступе в интернет]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2009/07/09/0200000000AKR20090709203700017.HTML?did=1179m> (дата обращения: 10.03.2018).
6. Син Чонъхван. Кукнэ чуё интхонет саго кёнъхомыль тхонъхэ пон чхимхэсаго хёнхванъ: [Основные интернет-атаки в Корее и общая ситуация интернет-безопасности] / Хангук интхонет чинхынъвон: [Агентство интернет-безопасности Республики Корея], 2013. С. 45.
7. Там же. С. 45.
8. Ли Хиук. Чунъгукпаль хэкин... Ненты савольды 3500ман кеннчонъбо ючхуль: [Хакерская атака из Китая... Утечка личной информации 35 млн пользователей Nate и Cyworld]. URL: <http://www.bloter.net/archives/69734> (дата обращения: 11.03.2018).

9. *Paganini, P.* 31 Million of client records belonging to the virtual keyboard app AI.type leaked online. URL: <http://securityaffairs.co/wordpress/66392/data-breach/keyboard-app-ai-type-data-leak.html> (дата обращения: 10.03.2018).
10. Equifax data hack affected 694,000 UK customers. URL: <http://www.bbc.com/news/business-41575188> (дата обращения: 12.03.2018).
11. China IP address link to South Korea cyber-attack. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-21873017> (дата обращения: 09.03.2018).
12. *Kshetri, N.* Cybersecurity in South Korea // *The Quest to Cyber Superiority*. Springer, Cham, 2016. P. 174.
13. *Min, J.* North Korea's Asymmetric Attack on South Korea's Nuclear Power Plants. URL: <http://large.stanford.edu/courses/2017/ph241/min1/> (дата обращения: 10.03.2018).
14. North Korea tried to hack South's railway system: spy agency. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-southkorea-cyber/north-korea-tried-to-hack-souths-railway-system-spy-agency-idUSK5C№0WA0B6> (дата обращения: 11.03.2018).
15. *Kim Young-do.* Major Issues of the National Cyber Security System in South Korea, and its Future Direction / Kim Young-do, Kim Jin-sung, Lee Kyung-ho // *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2013. Vol. 25. No. 4. P. 436.
16. *Laws on the Internet and Information Security in Korea* / Korea Internet & Security Agency. Pp. 37–38.
17. *Kshetri, N.* Op. cit. P. 176.
18. *Lee Young-ju.* Establishment of a Feasible Cyber Organization Structure to Enhance the Capabilities of Cyberspace Operations in the ROK's Defense Forces // *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2016. Vol. 28. No. 2. P. 228.
19. *Чхе Инъён.* Чоньбу кукка саибо анбо масыто пхыллен сурип: [Правительство приняло Мастер-план государственной кибербезопасности]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2011/08/08/0200000000AKR20110808147651017.HTML> (дата обращения: 11.03.2018).
20. *Ким Бёнхва.* Кукнэ саиботхэро чжонъчхексурибыль вихан чолякчжок чопгын панъан: ёнгугэ саиботхэро чжонъчхегыль чунсимыро: [Стратегический подход к установлению южнокорейской политики противодействия кибертерроризму: анализ опыта Великобритании] // *Хангук кёнъхо кёнъби хахвечжи*: [Журнал «Безопасность Кореи»]. 2017. № 51. С. 183–184.
21. *Jeong Yoon Yang.* Analysis on South Korean Cybersecurity Readiness Regarding North Korean Cyber Capabilities / Jeong Yoon Yang, So Jeong Kim, Il Seok Oh // *Information Security Applications*. 17th International Workshop, 2016: Revised Selected Papers. Springer, Cham, 2017. P. 108.
22. *2016 Defense White Paper* / Ministry of National Defense. P. 57.
23. *Cluely, G.* South Korea launches its cyberwarfare command centre. URL: <https://nakedsecurity.sophos.com/2010/01/11/south-korea-launches-cyberwarfare-command-centre/> (дата обращения: 12.03.2018).
24. *2016 Defense White Paper*. Op. cit. P. 78.
25. South Korea to open cyber warfare school. URL: <https://gadgets.ndtv.com/others/news/south-korea-to-open-cyber-warfare-school-225865> (дата обращения: 09.03.2018).
26. *2016 Defense White Paper*. Op. cit. P. 79.
27. *Ли Ёнчжэ.* Ми саибосарёнъгван хангук панъмун... пук саибо вихёп тэын нонъи: [Визит в Корею командующего кибернетическим подразделением вооруженных сил США... обсуждение киберугрозы со стороны КНДР]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2017/11/09/0200000000AKR20171109124151014.HTML?from=search> (дата обращения: 10.03.2018).
28. South Korea traces cyber-attacks to Chinese IP address. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/21/south-korea-cyber-attack-chinese> (дата обращения: 11.03.2018).
29. См.: *Максимов, Б.* Пресса Британии: на Sony напали российские хакеры? URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2014/12/141224_brit_press (дата обращения: 11.03.2018); Эксперты выяснили, что за кибератакой на ОИ-2018 не стояли северокаорейские хакеры из Lazarus. URL: <https://www.5-tv.ru/news/188489/> (дата обращения: 11.03.2018).
30. *Nguyen Minh Duc.* Korea and US DDoS attacks: The attacking source located in United Kingdom. URL: <https://web.archive.org/web/20110812141003/http://blog.bkis.com/en/korea-and-us-ddos-attacks-the-attacking-source-located-in-united-kingdom/> (дата обращения: 10.03.2018).
31. См.: *Cho, Meeyoung.* South Korea nuclear plant hacked, says operator. URL: <https://www.smh.com.au/technology/south-korea-nuclear-plant-hacked-says-operator-20141222-12chr.html> (дата обращения: 12.03.2018); *Park, Donghui.* Making sense of North Ko-

rea's hacking strategy. URL: <https://www.reuters.com/article/beyer-cyber/column-commentary-making-sense-of-north-koreas-hacking-strategy-idUSL1NOL289> (дата обращения: 12.03.2018)

32. Кунмин похова конъконъанчжониль вихан тхэропанъчжипоб: [Закон О борьбе с терроризмом для защиты граждан и безопасности общества]. URL: <http://www.law.go.kr/IsSc.do?menuId=0&p1=&subMenu=1&nwYn=1§ion=&tabNo=&query=%EA%B5%AD%EB%AF%BC%EB%B3%B4%ED%98%B8%EC%99%80%20%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%95%88%EC%A0%84%EC%9D%84%20%EC%9C%84%ED%95%9C%20%ED%85%8C%EB%9F%AC%EB%B0%A9%EC%A7%80%EB%B2%95#undefined> (дата обращения: 09.03.2018).
33. *Ким Бёнхва*. Указ. соч. С. 182.
34. Кунмин похова конъконъанчжониль...
35. *Чо Хвасун*. Хангукква мигутэ саибо анбо гобонансы: сайбовихёбэ анбохва гванчжомэсоэ пигё: [Управление в области кибербезопасности в США и Южной Корее: сравнение секьюритизации киберугроз] / Чо Хвасун, Квон Ун // Чонбо сахвева мидио: [Информационное общество и СМИ]. 2017. Vol. 18. No. 2. P. 115.

Дискуссионная трибуна

От редакции.

Предлагая вниманию читателей интересную, но небесспорную статью к.ю.н. В.И. Балакина, хотим поставить перед возможными участниками дискуссии ряд прямо связанных с ней вопросов.

Насколько глубок и необратим процесс современной интеграции в Восточной Азии?

Есть ли признаки, что она выходит за границы экономического поля?

Не преувеличена ли роль конфуцианства в данном процессе? В самом ли деле сегодняшний Китай возвращается к консервативным ценностям?

Приглашаем специалистов высказаться по этим и другим положениям, затронутым в статье В.И. Балакина.

Диалектика восточноазиатской интеграции

© 2018

В.И. Балакин

Восточноазиатская модель государственности определяется существующими традициями в области правового строительства. Они складывались на протяжении нескольких тысячелетий преимущественно в Китае. Последний фактор играет важнейшую роль, поскольку существо китайской парадигмы региональной интеграции выходит сегодня на повестку дня в условиях последовательно нарастающего цивилизационного столкновения между Востоком и Западом. Сложившаяся государственность восточноазиатских стран представляет собой результат тысячелетнего развития разнообразных интеграционных процессов, однако в этой интеграции нет примитивной западной рациональности. Глубокая традиция выступает в качестве неустранимого противовеса специально внедряемым элементам стихийности, произвольности или случайности, которыми богата англосаксонская доктрина формирования глобального доминирования.

Ключевые слова: Восточная Азия, интеграция, государственность, Китай, традиции.

Исследование любой модели региональной интеграции, в частности восточноазиатской, всегда выводит на повестку дня вопрос о формах объединения суверенных государств, в том числе о таком сущностном качестве, как содержание эволюционного процесса приобретения возникающей интеграционной составляющей совершенно новой качественной и количественной определенности. Чтобы глубже осознать данное явление, необходимо использовать в качестве методологической основы диалектическую логику в сочетании с международно-правовым и государственно-правовым теоретическими

подходами, что, скорее всего, позволит сделать вывод об интеграционных процессах как о диалектическом переходе объединенных некоей объективной связью частей территории отдельного региона в некое целостное образование, возникающее в результате количественных и качественных эволюционных преобразований.

Межгосударственная интеграция относится к сфере международных отношений, в которой некая образующаяся совокупность государств оказывается способной приобретать признаки и свойства зрелой государственности. Данное явление отражает содержание международной интеграции, под которым обычно понимается форма сотрудничества заинтересованных государств, являющаяся для них одновременно и формой реализации различных направлений взаимодействия, ведущих к последовательному совместному сближению. По оценкам специалистов, изучение сущности международной региональной интеграции через диалектическую методологию все более становится особым предметом исследования законов рождения, развития и распада «больших систем» новой государственности, включая процессы возможного перехода от простейшего объединения государств к последовательному становлению некоей исключительно мощной синергетической государственности¹.

Следует отметить, что в диалектике региональной интеграции категория «части и целого» выражает отношение между совокупностью государств в регионе и взаимосвязью, объединяющей конкретные государства, что приводит к появлению у них совокупности новых свойств и закономерностей, не присущих конкретным государствам в период их разобщенности. Накапливаемые интегрирующимися государствами количественные и качественные изменения в определенный момент выходят за пределы объективной достаточности и сопровождаются изменением основного содержания самой совокупности. Если обратить внимание с этой точки зрения на Восточную Азию, то на определенном этапе развития возникает некая целостная система как объективный результат нарастающего процесса комплексного развития, или, другими словами, процесса перехода от одной ступени региональной целостности к другой. Считается, что необходимо реальное наличие устойчивой взаимосвязи между интегрирующимися государствами, которая должна иметь глубокое историческое содержание и при этом может не зависеть от характера данного содержания с точки зрения его позитивности или негативности². Чаше всего активные процессы региональной международной интеграции не бывают сугубо формальными, то есть субъективными, они носят в основном объективный характер и толкают национальные государства к активному учреждению различных межгосударственных объединений под заметным воздействием глубинных исторических причин, иногда даже против воли правящих на данный конкретный момент элит.

Любая государственность объективна, поскольку представляет собой универсальный интегрирующий фактор сначала внутри отдельно взятой страны, а затем на региональном уровне, когда наиболее мощная государственность начинает доминировать над более слабыми соседними государственными образованиями. Межгосударственная интеграция последовательно вызревает из объективного взаимодействия национальных государственностей, которые к определенному моменту оказываются готовыми и, главное, способными поступиться некоторой частью своего суверенитета, в первую очередь касающегося региональных экономических интересов, стимулирующих взаимное сближение. Каждая государственность предполагает согласованную парадигму сближения, предусматривающую собой стремление получить от этого сближения максимум выгод и минимум обязательств, что в идеале всегда уравнивается согласованным общим интересом³. Сложность общего интеграционного интереса состоит в исторически сложившихся важнейших приоритетах каждой отдельно взятой государственности и ее цивилизационных традициях, всегда играющих определяющую роль в сознании и мироощущении национальных элит. Мудрость доминирующей национальной государственности в любом региональном интеграционном процессе определяется четкой ориентаци-

ей на добровольность предполагаемого объединения и проявляемым терпением при создании максимально благоприятных условий для каждого участника будущих совместных правовых институтов.

В Восточной Азии модель государственности в целом определяется традициями в области правового строительства, сложившимися на протяжении тысячелетий именно в Китае. Влияние конфуцианской идеологии на формирование универсальных государственных институтов можно назвать определяющим, поскольку региональные элиты уже до начала XX века сторонились любых вариантов построения тесных межгосударственных отношений с ведущими странами Запада, опасаясь попадания в колониальную зависимость, в реальности наблюдая печальную судьбу Индии, раздиравшуюся постоянными внутренними острыми конфликтами, умело управлявшимися Британской империей⁴. Китайская форма государственности была и остается в силу своей традиционности более понятной, а значит, менее чреватой неожиданностями, статичной по механизмам своего функционирования и таким образом позволяющей достаточно безболезненно приспосабливать к себе возникающие местные особенности. Именно этот фактор и сегодня играет определяющую роль, когда восточноазиатская региональная интеграция выходит на повестку дня в условиях последовательно нарастающего цивилизационного противостояния между Востоком и Западом. Конфуцианская государственническая идеология интеграции не внушает государствам Восточной Азии таких опасений, как, например, имевшее место напористое стремление США «загнать» страны региона в жесткое Транстихоокеанское партнерство, покинуть которое в случае кардинального изменения реальной ситуации было бы, скорее всего, вряд ли возможно.

Вашингтон плохо, а скорее, совсем не понимает традиционалистские особенности политического сознания восточноазиатских элит, но при этом рассчитывает приобрести доминирующее влияние за счет прежде всего своих финансовых, политических, а главное — военных возможностей⁵. Рациональные доводы со стороны США представляются исчерпывающими и максимально убедительными, но в сознании восточноазиатских элит все выглядит, как правило, иначе, поскольку тысячелетние конфуцианские традиции свидетельствуют о необходимости всеми силами сохранять то, что сегодня понимается как незыблемость национального суверенитета. Последний является для государств Восточной Азии неким не подлежащим сомнению «моральным ограничением», в той или иной степени зафиксированным в древних исторических документах, правовых актах и даже легендах. Восточноазиатское правосознание относительно самоценности государственности, конечно, имеет рациональную основу, но она понимается отнюдь не как рациональное явление в западном понимании, то есть не как процесс, реализуемый действующей в стране властью. Рационализм восточноазиатских элит всегда сопровождается иррациональными составляющими конфуцианского правосознания, когда государственность становится неким безапелляционным символом бытия.

Государственность восточноазиатских стран представляет собой результат тысячелетнего развития разнообразных интеграционных процессов, однако в этой интеграции нет западной рациональности, но в то же время глубокая традиция выступает в качестве надежного противовеса моментам стихийности, произвольности или случайности. Для восточноазиатской государственности своеобразным предметным аналогом выступает интеграционное становление государства в Китае, поскольку китайский опыт представляется верным в силу своей очевидности и независимости от какого-либо внешнего влияния. Временная и историческая оправданность становления китайской государственности на основе интеграции отдельных государственных образований отнюдь не связана с какой-либо рациональностью, а скорее выглядит как иррациональное явление, вызванное в чем-то до конца не осмысленным фактором и, возможно, даже не поддающимся западному рациональному осмыслению. В восточноазиатском регионе присутствуют все исторически известные типы интеграции, но они отличаются не только и не столько

содержанием, но и логикой функционирования системных очевидностей, внешне выглядящих как отражение религиозного и политико-экономического сознания. Сразу напрашивается теоретический вывод, что скрытой особенностью сегодняшней восточноазиатской интеграции является не рациональная формальная логика, а логика диалектическая, то есть развиваются устойчивые межгосударственные связи причинного характера, а именно: единство объективных процессов, побуждающих восточноазиатские страны при всех существующих опасениях идти на формирование общих правовых институтов, присущих начальным этапам создания некой зачаточной государственности⁶.

Проблема национального суверенитета в рамках восточноазиатской региональной интеграции весьма чувствительна для правящих элит местных государств в силу тех вызовов, которые все чаще возникают в результате обострения жесткого геополитического соперничества между КНР и США. Традиционно Китай не признает западное понятие «регион», поскольку с точки зрения «китаецентризма» рассматривает Восточную Азию в качестве неотъемлемой части китайской цивилизации (*Pax Sinica*)⁷. Отношения Китая с соседними странами всегда формировались исходя из долгосрочных перспектив китайских геополитических интересов и никогда не допускали компромиссов с точки зрения участия в них «третьих государств». Китайские правители бережно охраняли сферу своих внешних приоритетов, активно продвигая идею «китайского мира» как запретную зону от посягательств со стороны, прежде всего, западных конкурентов. Долговременные национальные интересы Китая всегда основывались на понимании собственного суверенитета как незыблемого фундамента объективного характера становления государственности, которая никогда не может быть предметом какого-либо обсуждения.

Китайская интеграционная модель для восточноазиатского региона рассматривается в Пекине как исключительная парадигма комплексного развития, способная объединить Восточную Азию в рамках давно сложившейся конфуцианской цивилизации⁸. Восточноазиатские государства традиционно сохраняют принципы построения властных институтов, исходя из конфуцианского учения, которое является незыблемой основой местных интеграционных процессов, что дает реальную возможность держать под централизованным контролем практически все направления развития национального суверенитета. Интеграция в китайской политической науке понимается сегодня как совместное действие, взаимодействие различных потенциалов в целостном действии. Активно интегрирующиеся региональные государственности реально выглядят самоорганизующимися и по отношению к исходной модели являются не просто новыми, но и заметно более упорядоченными и взаимосогласованными структурами. Начальные ступени любой интеграции предполагают преодоление прежних устоявшихся принципов, укладов и даже особенностей осознания прошлой жизни.

Ступенчатость развивающихся интеграционных процессов часто не совсем коррелируется со стремлениями правящих элит согласовывать формирование целостной восточноазиатской идентичности, понимаемой как некий цивилизационный выбор⁹. Квазигосударственные институты и проблема лидерства порождают запрос на некую новую интеграционную логику, когда объединение усилий восточноазиатских государств внешне происходит на конвенциональной основе, но одновременно подспудно возникает вопрос о роли системного интегратора, которым в современных условиях может быть только Китай. Несмотря на громкие заявления США о так называемом возвращении в Восточную Азию, практически ни у кого нет сомнений относительно бесперспективности американского лидерства, которое еще совсем недавно было весьма ощутимым, а главное, подкрепленным всей мощью доллара как единственной реальной мировой резервной валюты. Объективные возможности Пекина обвалить американское финансовое доминирование заставляют восточноазиатские государства гарантировать свои активы прежде всего за счет повышения уровня национального экспорта на гигантский рынок КНР. Поддержание высокой доли реального производства в экономиках государств Вос-

точной Азии возможно лишь за счет растущего сбыта продукции в Китае, где, в отличие от рынка США, эта продукция реально востребована.

Об установлении некой региональной закономерности в изменении китайской геополитики в Восточной Азии можно говорить уже сегодня, поскольку происходит реальное разделение существенного и несущественного во внешней идеологии государственности КНР. Любая государственность имеет в формальном смысле заметные отличительные признаки, а это значит, кроме всего прочего, что в различных контекстах отличительные признаки могут быть разными, ибо всегда необходим анализ, ведущий к пониманию долгосрочной перспективы развития государства. Если мы хотим реально понять китайскую государственность как уникальное явление, как постоянно развивающуюся форму бытия, следует разобраться в интеграционном контексте становления данной государственности, то есть ее формирование из соседних территориальных элементов, которые внутри себя обеспечивают устойчивую центростремительную направленность, активно побуждаемую объективными интересами общества¹⁰. Мощная идея величайшей собственной государственности объективно заложена в китайцах, несмотря на то, что все они люди абсолютно разные. Однако в отличие от других стран, государственность в Китае всегда определялась практической нуждой, суть которой сводится к необходимости сохранения древних традиций, большей частью мифологизированных¹¹. Как представляется, в значительной степени китайская государственность не теоретична, более того, она является важнейшим мифом, на котором основывается интегрированное единство китайского народа, его сакральная вера в нетленное величие страны.

Диалектика восточноазиатской интеграции представляет собой некое объективное явление, которое неподвластно субъективным предпочтениям правящих элит государств региона, и Китай это наглядно демонстрирует в формате собственного развития, не избегая ничего искусственного, но используя предыдущий исторический опыт. Китайская государственность весьма функциональна, она предусматривает определенный уровень свободы для интегрирования в нее созревших территориальных образований, то есть, иными словами, китайский суверенитет предоставляет таким образованиям реальную международно-правовую защиту, выступающую в нескольких ипостасях, а именно: как принцип организации публичной власти в конфуцианских традициях; как построение взаимозависимостей, позволяющих интегрировать практически любую территорию, не прибегая к ее фактическому захвату; как международно-правовое единство, реально утверждающее легитимность фактического китайского доминирования на данной территории; как некий общепризнаваемый фактор, ограждающий территорию от вмешательства третьих стран. Особый интерес для исследователей представляет сегодня китайская концепция так называемого суверенитета взаимозависимости, проще говоря, контроль Китая через возможности «мягкой силы» ключевых сфер сотрудничества в рамках трансграничных потоков¹². Именно такой контроль создает возможности проведения интеграционных мероприятий и легитимирует по факту единую китайскую государственность в будущем. Таким образом, принцип суверенного равенства, являясь одним из основных принципов ООН, в китайской модели региональной интеграции формирует диалектику некой общей государственности при сохранении независимости отдельных государств.

Диалектика представляет собой объективную основу восточноазиатской интеграции в том смысле, что в регионе происходит становление совершенно нового международного правопорядка, который привносит содержательную логику в сложный процесс эволюции традиционных взаимоотношений региональных государств, постепенно сводя к минимуму резкость устоявшихся геополитических противоречий. Нынешние масштабные интеграционные усилия Китая в Восточной Азии обещают оказаться значительно более успешными, по сравнению, например, с такими же усилиями Японии в первой половине XX века, так как не содержат идей захвата чужих территорий, что происходило сплошь и рядом в период классического колониализма, реально ориентированного на то-

тальное разрушение местных традиционных государственных¹³. Достаточно изученный восточноазиатский национализм в каждом конкретном государстве региона всегда выступал и выступает до сих пор главной движущей силой при формировании национальной государственности, сутью которой, как правило, становится выстраивание властной вертикали на основе активных горизонтальных интеграционных связей. Нельзя сказать, что проникновение в XIX веке западных идей в Восточную Азию не сыграло никакой роли в становлении местных национальных государств, однако это влияние оказалось всего лишь внешним поверхностным стимулом для формирования национальной государственности, и в этом смысле оно сочетало в себе диалектику отрицания как традиционных смыслов, так и приводящих чуждых зарубежных идей взаимоотношений между элитными группами общества. Незыблемой оставалось лишь обостренное чувство сохранения национальной государственности, весьма последовательно трансформировавшееся в безусловный приоритет такого более сложного феномена, как национальный суверенитет.

Теоретический вопрос о государственном суверенитете волнует сегодня практически все элиты восточноазиатских государств, поскольку на первый взгляд он выступает как некая антитеза объективным интеграционным трендам, составляющим диалектику синергии или формы диалектического противоречия, акцент в котором достаточно сильно смещен с траектории жесткой борьбы на вполне очевидное взаимодействие¹⁴. Сегодняшний интеграционный тренд в Восточной Азии часто рассматривается в качестве объективно возможной концепции регионального развития и комплексного сочетания диалектики и синергетики, то есть окружающий мир воспринимается как единое целое, а на региональном уровне все выглядит как структурная самоорганизация нескольких тождественных по цивилизационным характеристикам государственных. Здесь необходимо определиться с двумя такими противоречивыми категориями, как синергия и уже упоминавшаяся выше синергетика, так как в варианте восточноазиатской интеграции за терминами стоят некоторые диалектические различия, которые, тем не менее, во многом проясняют суть более общей проблемы, а именно — совместимости исходного содержания. Исторически понятие «синергия» появилось в глубокой древности и применительно к той же конфуцианской государственности носило нелинейный смысл, предполагало взаимодействие в формате «Инь-Ян», а также признавало объективный характер возникновения и дальнейшего становления восточноазиатских государств. Синергетическая парадигма была осознана значительно позднее, в начале XX века, когда на Западе она формулировалась как конкретный свод научных теорий, а на Востоке обозначалась в виде особого, метафизического типа мышления, ориентированного на универсальный подход к мировой цивилизации и рассматривающего мир в качестве единого поля культуры, включающего естественнонаучные, философские, религиозные и правовые направления познания окружающей реальности.

В процессе региональной интеграции в Восточной Азии неизбежно возникает вопрос о государственном суверенитете в связи с тем, что любое межгосударственное объединение будет остро нуждаться в согласовании национальных интересов и интересов, истекающих из внешних договорных обязательств. Идея реальной политической легитимации остается существенно важной для китайской модели восточноазиатской интеграции в силу ее универсальности по отношению к смыслу национальной государственности, являющейся неким противопоставлением политическим традициям, накапливающимся столетиями в регионе Восточной Азии. Суверенитет в восточноазиатских государствах всегда был и продолжает оставаться функциональным явлением, то есть он жестко сохраняет определенный уровень политической свободы в рамках восточноазиатского типа государственности, адекватно обеспечивает международно-правовую защиту каждого суверена от вмешательства извне, определяет возможные исключения из общепризнанных критериев согласованного регионального взаимодействия. Диалектика суверенитета и региональной интеграции зиждется на нескольких принципах, которые можно сформулировать как

организацию патриотической публичной власти; как прямую взаимозависимость внутриполитических и внешнеполитических интересов государства; как равноправное сотрудничество разных по своей мощи государств; как признание за каждым государством — участником региональных интеграционных процессов универсальной внутренней юрисдикции. Тем не менее в Восточной Азии продолжает сохраняться приоритет конфуцианской иерархии, суть которой сводится к необходимости наличия во взаимоотношениях между взаимодействующими государствами «цивилизационного лидера»¹⁵.

Иерархия в конфуцианской государственности, по оценкам многих экспертов, является предпосылкой для формирования структуризации региональных интеграционных процессов, как правило, инициирующихся элитами тех стран, которые исторически ориентированы на создание мощных межгосударственных объединений. В Восточной Азии таким системным интегратором всегда был Китай, и нет ничего удивительного, что по мере накопления совокупной национальной мощи, прежде всего экономической, он активно пытается конвертировать ее в геополитическое лидерство как на региональном, так в обозримой перспективе, судя по всему, и в глобальном формате, опираясь при этом на сложившиеся региональные конструкции, определяющие важнейшие тенденции цивилизационного развития. Китай, как потенциальный системный интегратор объединительных процессов в восточноазиатском регионе, весьма тщательно анализирует проблему «суверенитета» возможного будущего межгосударственного регионального объединения государственных, поскольку в случае реализации идеи единения государственных Китая придется внятно объяснять каждому участнику процесса его будущее место и роль в формирующейся интеграционной системе, а это весьма непросто, так как каждое из потенциальных государств-участников вряд ли откажется от национальной идентичности и связанных с ней чувствительных культурных особенностей, часто препятствующих даже простому взаимному сотрудничеству, не говоря уже о готовности хоть на йоту поступиться исключительной властью. В теории постулируется, что суверенитет нации является главным признаком ее особой идентичности, и это есть самый объективный фактор, который практически невозможно оспорить в международных отношениях, даже если переговорный процесс о некоей форме интеграции уже запущен и от него ожидается положительный результат¹⁶. Однако имеется предопределенное несоответствие между формально-юридическим и фактическим понятиями в рамках категории «суверенитет», особенно если отдельные национальные политические деятели пытаются обосновать экономическую возможность региональной интеграции жесткой необходимостью достижения ее политической эффективности — во всяком случае, в Восточной Азии это практически недостижимо, ибо даже внутри потенциальных государств-участников стремление к интеграции еще не приобрело завершающий характер.

И здесь мы отмечаем всего лишь стремление, которому еще предстоит придать устойчивый тренд, что в условиях Восточной Азии потребует значительных усилий и времени, хотя последнее для того же Китая не представляет особого значения, ведь он привык формулировать свои национальные интересы поэтапно и на весьма отдаленную перспективу. Китайским исследователям всегда присуще стремление познать в комплексе феномен зарождения, развития и угасания так называемых больших систем (восточноазиатская интеграция, несомненно, происходит из этого ряда явлений), что возводит названную проблему на самый высокий уровень сложности познания, требующего исключительно диалектических методов анализа и синтеза. Названные выше особенности требуют применения именно диалектики, поскольку весь имеющийся опыт международной интеграции свидетельствует о постоянной возможности перехода процесса объединения государств к формированию единой государственности¹⁷. Это происходит в результате последовательной реализации масштабных региональных инфраструктурных проектов, когда сама их реализуемость критически зависит от лидера интеграционной идеи, а в связи с тем, что данный лидер, руководствуясь в первую очередь своими

национальными интересами, объективно становится доминирующим государством со всеми международными издержками подобного статуса, следует признать высокую уязвимость интеграционной стратегии любого государства из-за постоянных подозрений относительно его потенциально возможного доминирования. На ум сразу приходит КНР с ее проектом «Один пояс, один путь», ибо, формируя стратегию национального развития, китайскому руководству неизбежно предстоит искать экономически эффективную формулу осуществления данного проекта, но также практически неизбежно, что в процессе осуществления возникнут серьезные политические противоречия между участниками, которые в свою очередь будут стремиться заставить Пекин пойти на серьезные компромиссы: к примеру, Россию такой сложный геополитический расклад ожидает в первую очередь, и к этому следует готовиться уже сегодня.

Восточноазиатская интеграция изначально выстраивается как некий средне-взвешенный фактор диалектического взаимодействия национальных интересов и национальной безопасности, то есть двух категорий, которые напрямую составляют понятие национального суверенитета, которое включает в себя реальную территориальную целостность, государственную оформленность, очевидную независимость, совокупную национальную мощь, ярко выраженную международную конкурентоспособность. Формулирование коренных национальных интересов представляет собой достаточно длительный процесс, одновременно сопровождающийся формированием устойчивого политического класса, который обязательно должен почувствовать долгосрочный тренд становления стратегических целей, нуждающихся в тщательной проработке способов и методов их защиты (включая военные) или, иными словами, в устойчивой системе обеспечения национальной безопасности¹⁸. Здесь ключевым представляется вопрос о становлении государственности, что является главной предпосылкой внутренней интеграции: по мере развития последней объективно намечаются пределы вызревания региона, когда можно достаточно точно судить о последующих возможных перспективах взаимного сближения соседних государств. В отличие от Западной Европы, в Восточной Азии объективная роль Китая как цивилизационного лидера никогда и никем не ставилась под сомнение. Несмотря на постоянные попытки Японии в первой половине XX века силой оружия закрепить собственное доминирование в регионе, позднее не помогла и мощная экономическая экспансия, что свидетельствует о тщетности японских попыток добиться результата через нагнетание страха и откровенно циничное материальное «стимулирование». Сегодняшний Китай делает главную ставку на интеграцию восточноазиатского региона, руководствуясь принципами взаимовыгодного сотрудничества на добровольной основе без открытой демонстрации своего «подавляющего величия» и выстраивая свое лидерство на основе новых идей претворения в жизнь традиционных конфуцианских ценностей, присущих каждой отдельной восточноазиатской государственности.

Сегодняшняя диалектика восточноазиатской интеграции показывает, что Китай начинает привыкать к определению «сверхдержавы» в свой адрес, не говоря уже о статусе регионального лидера, который руководство КНР рассматривает свершившимся фактом¹⁹. Однако китайские лидеры также осознают, что одной военной силы для лидерства явно недостаточно, поскольку за лидером идут только тогда, когда у него есть привлекательная идея в виде некоего проекта, который в Китае все больше выглядит как возвращение к традиционным консервативным ценностям, сочетающим в себе справедливость, выраженную через категорию верховенства закона, и понятие полноты национальной государственности. В данном случае отчетливо просматривается стремление китайских элит, как старых, так и новых, постепенно отойти от поддержки действующего миропорядка и все силы бросить на то, чтобы грядущие глобальные изменения сопровождалась их развитием в формате традиционных конфуцианских идеологем. Жизнь с «головой, повернутой назад», позволяет постоянно убеждаться в том, что ужасная определенность выглядит намного более предпочтительной, чем ужас неопределенности без конца, который создает сложившаяся

в мире модель экономического развития, построенная на постоянном углублении разделения труда. Для Китая углубление разделения труда приносит лишь усиление зависимости от западных технологий, что явно мешает созданию в рамках Восточной Азии собственной «технологической зоны», основанной на региональной интеграции и позволяющей сохранить лидерство за счет внедрения юаня в качестве альтернативной доллару резервной валюты, оказывающей значительное влияние на Федеральную резервную систему США как единственный глобальный эмиссионный центр.

В процессе восточноазиатской интеграции присутствует много составляющих компонентов, и при этом становление китайского юаня в качестве региональной, а возможно в перспективе и глобальной резервной валюты, выглядит весьма важной категорией в связи с тем, что от этого во многом будет зависеть реальное лидерство КНР в мире. Следует задаться вопросом о диалектике этого лидерства, его внутреннего содержания, то есть желательно понять, с какого момента государственность в лице правительства осознает себя способной встать на путь лидерства, какие для этого существуют побудительные мотивы и как данные мотивы реализуются в реальной геополитике. В свое время государства Восточной Азии весьма заинтересовались заявлением администрации о возвращении в регион, но сегодня они достаточно диалектично воспринимают и китайские региональные амбиции, поскольку американско-китайские противоречия очень выгодны АСЕАН вследствие того, что Юго-Восточная Азия становится критически нужной обеим сторонам. Государства АСЕАН смотрят гораздо дальше, предвидя более активное участие в региональных делах Российской Федерации и прогнозируя последовательное российское вмешательство в диалектические взаимодействия и соперничество США и КНР в рамках восточноазиатского пространства. Вряд ли будет безучастно взирать на американско-китайскую борьбу за лидерство в регионе Индия, находящаяся рядом с Восточной Азией, но вместе с тем традиционно и достаточно существенно влияющая на расстановку политических сил в АСЕАН, находя в данном вопросе последовательную поддержку со стороны Японии²⁰.

Диалектика американско-китайской борьбы за лидерство в Восточной Азии имеет ряд уникальных особенностей, объективно связанных с целевым познанием глубинных причин и следствий региональной интеграции, исходя из принципиальных различий между сущностями западной и конфуцианской форм становления национальной государственности. Западные исследовательские школы рассматривают диалектику исключительно как метод познания, включающий в себя такие направления, как системный анализ, формальные логические построения, варианты их исторической перспективы, а также сравнение исходных мотивов и получаемых результатов. В конфуцианской методике познания основное место занимает исследование традиций вызревания явления, отсутствие какой-либо субъективной логики развития того или иного феномена, признание объективной рациональности мироздания, абсолютное отрицание человеческой воли в формировании явления, убежденность в том, что так объективно было всегда, то есть «от веку». В западной интерпретации международная интеграция представляет собой управляемый процесс, который практически автоматически, при строго определенных условиях, гарантирует переход от объединения государств к единой государственности, при этом полностью игнорируются исходная традиция вызревания той или иной государственности, ее объективная первопричина²¹. Становление конфуцианской государственности заметно отличается от западного варианта и, прежде всего, исходя из сущностного феномена, который трактуется как объективный диалектический процесс перехода разделенных ранее частей в целое, возникающее в рамках традиционно сложившейся парадигмы, состоящей из четырех категорий: количественных характеристик частей; качественных связей между количественными характеристиками; целого как модели взаимодействия количества и качества; возникновения новой модели государственности в рамках существующей традиции.

1. *Nakao Seizo*. Higashi Ajia kyodotai no arikata ni tsuite: [О существе Восточноазиатского сообщества]. Tokyo: Godo suppan, 2011. P. 44. (184 p.; in Japanese).
2. *Zhuang Guotu*. Kochikuchu no Higashi Ajia Kyodotai to sono doko: [Восточноазиатское сообщество в процессе становления и его тенденции] // Ritsumeikan kokusai chiiki kenkyu. Kyoto. 2010. No. 32. P. 74. (P.71–84; in Japanese).
3. *Ziltener Patrick*. Regionale Integration in Ostasien. Berlin: Springer VS, 2013. S. 121. (486 s.)
4. *Pels Peter*. The Anthropology of Colonialism / Research Center. University of Amsterdam. Amsterdam, 2007. P. 166. (182 p.)
5. *Twining Daniel*. America's Grand Design in Asia // The Washington Quarterly. 2007. P. 80. (P.79–94).
6. *Ōhashi Fumie*. Higashi Ajia kokumin kokka keisei to zendā: [Формирование восточноазиатских национальных государств и гендерная проблема: о женском статусе]. Tokyo: Otuanomizu jyoshi daigakuin ningenbunka kenkyusyo suppan, 2008. P. 139. (142 p.; in Japanese).
7. *Ye Shulan*. China's Regional Policy in East Asia and its Characteristics / China Policy Institute. The University of Nottingham. UK, 2010. P. 3. (31p.)
8. *Jian Junbo*. Pluralism as Philosophical Base of Chinese Diplomacy. Shanghai: Fudan University Press, 2005. P. 11. (19 p.)
9. *Heribert Dieter*. Die Zukunft der Globalisierung. Zwischen Krise und Neugestaltung. Baden-Baden: Normos-Verlag, 2005. S. 19. (149 s.)
10. *Hamasahita Takeshi*. China, East Asia and the Global Economy: Regional and Historical Retrospective. New York: Routledge, 2008. P. 123. (137 p.)
11. *Fukuyama Francis*. Confucianism and Democracy // Journal of Democracy. University of Arizona. USA. 1995. No. 6.2. P. 29. (P. 22–33).
12. *Chang Yu-izung; Chu Yuhan*. Kongjiao he minzhu: [Confucianism and Democracy] // Working Paper. National Taiwan University and Academia Sinica. Taipei, 2002. No. 1. P. 16. (29 p.; in Chinese).
13. *Park Tae Gyun*. From Pre-modern to Modern History in China, Japan, and Korea and the Implications for 21st Century Northeast Asia // The Journal of Northeast History. Seoul. 2016. Vol. 13. No. 1 (Summer). P. 47. (P. 39–53).
14. *Singer Alan E*. Strategy as Metatheory // Integral Review / Appalachian State University. North Carolina. USA. 2010. Vol. 6. No. 3. P. 67. (72 p.)
15. *Heberer Thomas*. Das polotische System der VR Cina im Prozess des Wandels. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. S. 163–169. (245 s.)
16. *Kawamoto Jiro*. Higashi Ajia tōgō ni kan suru kisoteki kōsatsu: [Фундаментальная концепция восточноазиатской интеграции] // Yokohama siritu daigaku ronsyu. 2009. No. 53/1–2, P. 18. (29 p.; in Japanese).
17. *Bieling Hans-Jürgen*. Dimensions of a Critical Theory of European Integration // Studien der Forschungsgruppe Europäische Gemeinschaften / Institut für Politikwissenschaft. Philipps-Universität. Marburg. 2000. Nr. 13. P. 104. (186 p.)
18. *Tanaka Akihiko*. Posuto kraisisu no sekai: [Мир после кризиса]. Tokyo: Nihon keizai shinbun syupansya, 2009. P. 7. (11 p.; in Japanese).
19. *Dong Shanshan*. Zhongguo wajiaozhanlüe de bianxing=Transformation of China's Diplomatic Strategies // Shijie jingji he zhengzhi jiyi=World Economy and Politics Forum. Beijing. 2009. Winter 4. P. 95. (P. 91–98; in Chinese).
20. *Zhao Suisheng*. China's Pragmatic Nationalism: Is It Manageable? // The Washington Quarterly. 2005. Winter. P. 132.
21. *Lu Xiaofei*. Discourse and Ideology: The Taiwan Issue in the Chinese and American Media. Hong Kong City University. Hong Kong Press. 2002. P. 602. (P.589–608).

Российское китаеведение

Первый в России научно-исследовательский Институт по Китаю (Посвящается 400-летию установления дипломатических связей России с Китаем)

© 2018

В.С. Мясников

В статье рассматривается история создания и деятельность первого в России научно-исследовательского Института по Китаю (1928–1937). Автор также знакомит читателей с документами, касающимися советско-китайских связей в 1920–1930 гг. и позиции руководства страны по отношению к отечественному китаеведению.

Ключевые слова: Китай, политика, революция, научно-исследовательский институт, китаеведение.

В 2016 г. Институт Дальнего Востока РАН отметил 50-летие со дня своего основания. Его предшественником считается Институт китаеведения АН СССР¹, созданный в 1956 г. и бездумно закрытый Н.С. Хрущевым в 1960 г. Однако следует учитывать, что интенсивная научно-исследовательская работа в области китаеведения велась и в специализированном научно-исследовательском Институте по Китаю, созданном 1 января 1928 г. и ликвидированном в 1937 г. В этом Институте не один год трудились мои учителя — Петр Емельянович Скачков и Марк Исаакович Казанин. Со слов М.И. Казанина я узнал, что основной продукцией Института были справочные материалы и статьи по различным проблемам политики и экономики Китая, которые направлялись в руководящие органы страны. Зарплата сотрудников была небольшая, но упомянутые материалы и статьи оплачивались очень щедро. Почему и как был создан этот Институт по Китаю? Ответ мы находим в документах, освещающих отношения наших стран в 20-х — начале 30-х годов XX столетия.

16 августа 1919 г. известный в те годы специалист по Дальнему Востоку, заведующий литературно-агитационным отделом РОСТА Владимир Дмитриевич Виленицкий-Сибиряков (1888–1942)² обратился к В.И. Ленину с краткой запиской:

Мясников Владимир Степанович, академик РАН, советник РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: ifes@ifes-ras.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15-01-00231а «Русско-китайские отношения в 1681–2016 гг. Материалы и документы».

«Уважаемый Владимир Ильич, посылаю Вам "Тезисы", одобренные Коминделам. Если с Вашей стороны не будет возражений или изменений, было бы желательно их санкционировать и дать соответствующую директиву от Политического Бюро.

Сейчас более чем когда-либо остро стоит вопрос о необходимости форсирования политической работы на Дальнем Востоке. — В этом залог окончательной ликвидации колчаковщины. Необходимо спешить.

С тов[арищеским] приветом. В. Виленский (Сибиряков)»³.

Присланные В.И. Ленину «Тезисы дальневосточной политики» состояли из краткой преамбулы и шести пунктов:

«Признавая, что происходящее в настоящее время отступление сибирской реакции на Дальний Восток под охрану японских штыков связывается для Сибири с возможностями постоянной угрозы⁴ нового наступления со стороны передохлающей и получившей подкрепление от союзников Сибирской Реакции мы намечаем следующий путь для предотвращения этих возможностей и для окончательной ликвидации реакции на Дальнем Востоке.

Нашу общую Дальневосточную политику строим на расчете столкновения интересов Японии, Америки и Китая. Для форсирования этого столкновения принимаем все возможные для нас меры и средства.

Развиваем до максимальной возможности нашу политическую работу на Дальнем Востоке среди сопредельных с нами Дальне-Восточных азиатских народностей, путем активной поддержки революционного движения внутри последних. Для означенной цели мы опубликовали ноты НАРКОМИНДЕЛА от 26 июля к народам и правительствам Китая, Кореи и Монголии и усиливаем нашу агитационно-пропагандическую⁵ работу на Дальнем Востоке⁶.

Усиливаем нашу боевую работу на Дальнем Востоке, используя для этой надобности⁷ все существующие там партийные организации и отдельные партийные партизанские отряды.

Всем эвакуировавшимся на Дальний Восток иностранным солдатам обещаем свободный пропуск на родину в Европу при условии разоружения и находящихся⁸ у них оружия в руки Советской Власти.

Для практического осуществления всех намеченных выше предположений Народный Комиссариат Иностранных дел создает при Сибирском Совете Революционной Обороны (или Сибирском Ревкоме)⁹ специальный орган с правами уполномоченного¹⁰ Комиссариата иностранных дел.

Для нужд практического осуществления намеченной политической работы на Дальнем Востоке ассигнуется специальный фонд.

Далее следовало Обращение к «Китайскому народу и правительствам Северного и Южного Китая», которое заканчивалось предложением Советского Правительства «китайскому народу в лице его правительства ныне же вступить с нами в официальное сношение и выслать своих представителей навстречу нашей армии». Подписать это Обращение должен был кто-то из заместителей народного комиссара по иностранным делам¹¹. Таким образом, была поставлена задача выработки принципиально новой дальневосточной политики нашей страны. Как развивались в дальнейшем советско-китайские отношения в первой половине 1920-х годов на основе архивных документов подробно изложено в известной книге М.С. Капницы и монографиях В.М. и М.В. Крюковых¹².

Оставаясь верным изложенному выше курсу, Советский Союз через Исполком Коминтерна поддерживал китайскую революцию 1925–1927 гг. Непосредственно Китаем занимались Генеральный секретарь ЦК партии Н.В. Сталин, Председатель Китайской комиссии ЦК ВКП(б) К.Е. Ворошилов и член Политбюро ЦК партии Н.И. Бухарин. Для практической работы было активно задействовано Дальневосточное бюро Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (Дальбюро НККИ).

При этом работники, отправлявшиеся в Китай, и сами китайские коммунисты утверждали, что хотя документы, полученные из Москвы, должны были служить ориентиром революционным кругам Поднебесной, но в столице СССР мало знают о Китае и слабо разбираются в происходящих там событиях. Так в докладе секретаря Дальбюро ИККИ М.Г. Рафеса 14 декабря 1926 г. отмечалось: «Месячный период пребывания в Кантоне является самым богатым периодом в работе Дальбюро. Здесь мы убедились, как мало в Москве знают о внутренней жизни Кантона»¹³.

Индийский представитель в ИККИ М.Н. Рой в «Докладной записке Политсекретариату ИККИ и И.В. Сталину о положении в Китае», датированной 28 мая 1927 г., прямо писал из Ханькоу: «Москва не понимает ситуации в Китае. Легко писать революционные тезисы и агитационные речи (ссылается на речь Бухарина на собрании московского партактива и [тезисы] Сталина для Центрального Комитета). Решения о реальной политике принимаются здесь»¹⁴.

Наконец, 7 июня 1927 г. тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПК Чэнь Дусю, открывая заседание Политбюро, заявил по поводу телеграмм из Москвы: «Телеграммы показывают, что [Москва] не знает реальных условий в Китае»¹⁵.

Характерно и письмо из Шанхая А.Е. Абрамовича (псевдоним Альбрехт) И.А. Таршису (псевдоним Михаил), датированное 25 февраля 1927 г.:

«Тов. Михаил, если бы Вы были здесь, если бы Вы видели этот пролетариат, работающий за 6–7 долларов в месяц, в котором 30–31 день, и работающих по 14–15–16 часов в день, которых избивают, которые голодны и которые в своей великой решимости освободиться, действительно, не имеют другого выхода, как умереть, то Вы бы также как и я, возмутились, что такому великому делу уделяют так мало внимания и что руководить им дают таким недостойным людям, как Григорий¹⁶ и Бородин. Первый, не имея ничего за душой, вытравливает всё живое в этом деле. Мечется, как белка в колесе, интригует и фанфаронствует. Другой ещё хуже делает. Он потворствует самому худшему виду оппортунизма, сеет неверие, и способствует лишь победе Чан Кайши... Нужно, во что бы то ни стало, чтобы старый, испытанный, опытный не чиновник, а революционер руководил всем. Неужели у великой Октябрьской революции нет такого человека? Я не верю этому. Я думаю, что можно найти его и срочно отправить сюда»¹⁷.

Вместе с тем следует отметить, что советское правительство было весьма озабочено подготовкой кадров для работы и в Китае, и на зарубежном Востоке в целом. Для этого в Москве были открыты два университета: Университет имени Сунь Ятсена и Китайский университет трудящихся Востока (КУТВ). Вопросы деятельности этих высших учебных заведений обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) в связи с развитием революционного движения в Китае. Так, в Протоколе № 75 (особый № 57) заседания Политбюро 30 декабря 1926 г. значится:

«Слушали Е — Вопросы Киткомиссии (т. Ворошилов, Петров¹⁸, Карахан). Постановили:

Е — 1) Признать целесообразным организацию при КУТВ годичных курсов на 500 человек китайской молодежи из рабочих, крестьян и солдат Национально-революционной и Народной армий. Расходы по организации курсов ограничить максимум одним миллионом рублей. В случае недостатка помещений в Москве для курсов признать желательным организовать курсы в Ленинграде»¹⁹.

2) а/ Считать недопустимым сепаратное представительство Университета им. Сунь Ятсена в Китае.

б/ Посылка представителей и сношения с Китаем могут иметь место на будущее время только с разрешения соответствующих инстанций.

в/ Признать необходимым полное подчинение Университета им. Сунь Ятсена Агитпропотделу ЦК.

3) Поручить т. Петрову представить на утверждение Политбюро проект директив т. Войтинскому в связи с V съездом Киткомпартии для дальнейшего представления их на одобрение ИККИ.

4) Одобрить решение Киткомиссии о посылке в Китай делегации в составе представителей от Английской, Французской и Американской компартий»²⁰.

18 января 1927 г. на заседании Дальневосточного секретариата ИККИ было принято постановление «создать при Крестинтерне комиссию по изучению аграрного и крестьянского вопросов в Китае в составе представителей ЦК ККП (т. Тань Пиншань²¹), Крестинтерна, Международного аграрного института, ДВ секретариата ИККИ, МЖС и Университета им. Сунь Ятсена»²².

Кстати, советское руководство уделяло Университету им. Сунь Ятсена особое внимание. Когда 13 апреля 1927 г. Чан Кайши удалось совершить переворот и захватить власть в Шанхае, а 19 мая того же года последовал контрреволюционный переворот в Чанша, то это послужило сигналом к антисоветским действиям китайских властей. Поэтому 21 апреля 1927 г. на закрытом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «отказать в отъезде в Китай студентам-гоминьдановцам из Университета им. Сунь Ятсена под предлогом необходимости окончить курс учебных занятий»²³. Чтобы смягчить такой запрет, перед студентами этого университета 13 мая 1927 г. выступил И.В. Сталин, который разъяснил, что «установки, предусматривавшие “углубление” революции в основных районах контроля Уханя, сочетались с поддержкой похода армий Уханя на Север, на соединение с Фэн Юйсяном»²⁴.

Познакомившись с Университетом им. Сунь Ятсена и находясь под впечатлением драматических событий в Китае, И.В. Сталин провел через заседание Политбюро 19 мая ряд решений. Во-первых, следовало «поднять кампанию в печати по поводу арестованных в Пекине курьеров и других советских работников в связи с обращением с ними, опасностью казни и т.п.»²⁵

Далее в порядке борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией следовало поручение б) «Секретариату ЦК пересмотреть преподавательский состав Университета им. Сунь Ятсена с целью его укомплектования более идеологически выдержанными преподавателями, в частности, немедленно снять с преподавательских должностей в Университете им. Сунь Ятсена тт. Радека, Пригожина и Далина»²⁶.

М.М. Бородину и В.К. Блюхеру предлагалось «посылку в наши гражданские и военные ВУЗы согласовывать с Москвой и производить её в пределах утвержденной разверстки». Было указано: «послать 10 коммунистов-китайцев из окончивших КУТВ и Университет им. Сунь Ятсена для работы в частях Юй Южэня». И наконец, Ф.Ф. Раскольникову поручалось «снестись с Ханькоу по вопросу о включении известного количества кандидатов Юй Южэня в общую разверстку китмолодежи, направляемой в наши ВУЗы»²⁷.

В конце концов, развитие ситуации на Дальнем Востоке поставило перед советским руководством задачу высокопрофессиональной оценки ситуации в Китае. Для этого было необходимо собрать китаеведов в созданном для них специальном Институте по Китаю. Именно профессиональным китаеведам, таким, как мои учителя П.Е. Скачков и М.И. Казанин²⁸, находившимся в Китае во время потерпевшей поражение революции 1925–1927 гг., было поручено анализировать политическую обстановку, экономику, идеологическую ситуацию и политическую борьбу в Китае.

Опыт деятельности такого института был еще в дореволюционной России. Так, для удовлетворения практических потребностей в специалистах по Восточной Азии еще в 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт, в котором было широко поставлено изучение китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского языков. Институт возглавил крупный монголовед Алексей Матвеевич Позднеев. Для преподавания китаеведческих дисциплин были приглашены известные востоковеды

П.П. Шмидт, А.В. Гребенщиков и А.В. Рудаков. Позднее в нем преподавали Г. Цыбиков, Н.В. Кюнер и Д.М. Позднеев.

В Восточном институте велась и исследовательская работа по Китаю, развивавшаяся главным образом в двух направлениях: исследования по Маньчжурии и создание литературы, дававшей практические знания о современном Китае. Исключительно плодотворно работал во Владивостоке Н.В. Кюнер, подготовивший пособия по древней и средневековой истории Китая, географии стран Дальнего Востока, истории отношений Китая со странами Запада. Его капитальный труд «Описание Тибета» явился сводом накопленных наукой данных об этой части Центральной Азии.

Академическое китаеведение развивалось в Ленинграде. Избранный в 1923 г. членом-корреспондентом АН СССР Василий Михайлович Алексеев в 1925–1928 гг. был профессором китайского языка в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева. В июле—августе 1926 г. В.М. Алексеев в качестве эксперта по синологии принял участие в экспедиции, организованной Комиссией по исследованию Монгольской и Танну-Туvinской народных республик²⁹. 6 февраля 1931 г. В.М. Алексеев направил письмо Наркомму просвещения А.В. Луначарскому письмо, касавшееся финансирования его работ по латинизации китайской письменности³⁰.

Регион Центральной Азии вновь притягивал к себе и ветерана его исследований П.К. Козлова. По поводу экспедиции П.К. Козлова нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерину 31 марта 1925 г. пришлось обратиться с письмом к полпреду СССР в Китае Л.М. Карахану:

«Уважаемый товарищ, отсутствие ответа от Вас по вопросу о работах экспедиции Козлова на китайской территории ставит нас в весьма неудобное положение. Козлов уже возвращается на место своих работ. Ассигновка проводилась через Совнарком. Мне пришлось сделать различие и указать, что часть ассигновки, предназначенная для работ в пределах Монголии, может быть сейчас уже утверждена, для утверждения же другой части, предназначенной для работ на китайской территории, надо ещё получить ответ от нашего пекинского полпредства.

Его раскопки в Монголии дали самые блестящие результаты, и его реноме чрезвычайно поднялось. По его программе нынешним летом он должен производить работы по раскопкам Хара-Хото. Он один знает, где находятся подлежащие раскопке места. Это его секрет, и надо использовать последние возможности этого старика для доведения до конца работ по исследованию Хара-Хото. Сам он полагал, что хотя это на китайской территории, но научные исследователи могут идти, куда им вздумается.

Я Вас об этом запрашивал, и Вы ответили, что без разрешения китпра Вы считаете невозможным. С тех пор Вы перестали давать какие-либо ответы по этому вопросу. Между тем Козлов должен к работам приступать. Отнятие у него возможностей исследовать Хара-Хото будет серьезным ударом для науки. Повторяю, он один может это сделать, ибо он в прежние годы там уже работал, и дело идет о продолжении его прежних работ в местностях, ему одному ведомых. От Вас ни да, ни нет. Положение для нас становится весьма неприятным. Если Вы считаете невозможным производство Козловым этих работ без согласия китпра, то надо во что бы то ни стало этого согласия добиться. Сам Козлов думает, что китпра даже и не узнает о его работах, а если потом он будет о них публиковать, то китпра и не догадается, что это было на его территории. Но без соглашения с Вами я не рискнул дать своё согласие.

С товарищеским приветом Чичерин»³¹.

Наконец, в начале 1928 г. был создан специальный Институт по Китаю. Конечно, он не был прямой копией Восточного института, находившегося во Владивостоке. Но в нем были собраны сотрудники, которые, в частности, М.И. Казанин, были хорошо знакомы с работой владивостокского научно-практического центра.

Обратимся к тому, как было представлено широкой публике создание нового научно-исследовательского института по Китаю:

«С самого начала возникновения Коммунистического университета трудящихся Китая (тогда еще ун-та труд. Китая им. Сунь Ят-сена), наметилась потребность в создании научно-исследовательской организации, которая в условиях чрезвычайно слабого уровня развития марксистского китаеведения, могла бы взять на себя задачу разработки важнейших вопросов китаеведения, разработки различных университетских курсов и программ с точки зрения их китаизации, организации специальных консультаций по вопросам Китая для студентов и преподавателей и т.д. Организованная уже в 1925/26 г. эта научно-исследовательская организация, однако, вплоть до конца 1927 г. не выходила за рамки кабинетного китаеведения, обслуживавшего почти исключительно текущие потребности кафедры по Китаю. В течение последних месяцев 1927 года кабинет китаеведения был коренным образом реорганизован. Кабинет был переименован в Научно-исследовательский институт, был приглашен целый ряд новых сотрудников и выработан новый производственный план работы. В качестве основных линий научно-исследовательской работы Института были намечены: экономика, история и революционное движение Китая. Полностью Институт сформировался к началу 1928 года, так что условной датой возникновения Института можно считать 1 января 1928 года»³².

Директором Института был назначен С.Н. Беленький (псевдоним — Волин). В 1925–1926 гг. он работал секретарем АПО Исполкома Комитета Коммунистического Интернационала. В 1926–1927 гг. был сотрудником аппарата М.М. Бородин в Китае и одновременно корреспондентом ТАСС в Кантоне. В 1927 г. С.Н. Беленький, очевидно, был в Москве. Он должен был в связи с решением Политбюро от 31 марта 1927 г., которое провел И.В. Сталин³³, послать от имени ВЦСПС сто тысяч рублей на имя Шанхайского совета профсоюзов с тем, чтобы тот обратил эту сумму на нужды жертв бомбардировки Нанкина³⁴. 9 июня 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «Считать необходимым оставление т. Волина в Кантоне в качестве представителя ТАСС»³⁵.

17 сентября 1927 г. на заседании Восточного секретариата ИККИ был заслушан доклад приехавшего в Москву М.Н. Роя³⁶. Волин задал М.Н. Рою два вопроса. Первый — о той фазе китайской революции, которая была начата Хэ Луном и Е Тином. Второй — о перспективах революции, о взаимоотношениях компартии с Гоминьданом, о советах и о возможности существования левого Гоминьдана³⁷. Так что директор созданного НИИ по Китаю был профессиональным революционером, которому предстояла большая работа в новом для него коллективе.

В 2017 г. исполнилось 80 лет со дня закрытия этого Института. Вторжение Японии во Внутренний Китай 8 августа 1937 г. было неожиданностью для советского руководства. Полпред в Китае Д.В. Богомолов уверял в своих донесениях, что Япония не может развязать войну в Китае. Так, в письме заместителю наркома иностранных дел Б.С. Стомонякову от 17 июня 1937 г. Д.В. Богомолов, проанализировав китайско-японские отношения, отметил, что «пока же антияпонское движение, если и с меньшей энергией, чем раньше, продолжает подавляться (китайским правительством. — В.М.). Китпра перебрисло несколько дивизий в Баодинфу, и, конечно, если японцы попытаются продвинуться дальше на юг, их войска окажут сопротивление. Но т[ак] к[ак] японцы в настоящее время, по-видимому, ограничатся захватом Хэбэя и Чахара, оставляя Баодинфу за Нанкином, то ничего, кроме небольших столкновений между японскими войсками и отступающей 37 дивизией, оставшейся верной Нанкину, не произойдет»³⁸. Через 20 дней, 7 июля 1937 г., Япония начала «большую» войну в Китае, в Юго-Восточной Азии, на Тихом океане.

Полпред Д.В. Богомолов решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 июля 1927 г. первоначально был назначен генеральным консулом в Харбин³⁹. На протяжении 10 лет, став полпредом СССР, он проводил большую работу по организации советской помощи

Китаю в войне против японской агрессии. Кульминацией его дипломатической деятельности было подписание им и министром иностранных дел Китая Ван Чунхоем 21 августа 1937 г. Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. В тот же день во время встречи с Чан Кайши Д.В. Богомолов договорился о том, что будет подписано Соглашение о военных поставках из СССР в Китай. При этом Чан Кайши и его супруга убедительно просили, «не дожидаясь приезда в Москву миссии Ван Шоумина⁴⁰, прислать по воздуху в счет поставок наши аэропланы с нашими инструкторами»⁴¹. Тем не менее опытный дипломат Д.В. Богомолов был обвинен в дезориентации руководства страны, отозван в Москву, осужден и расстрелян⁴². Его пост занял поверенный в делах СССР в Китае Г.М. Меламед.

Китайская сторона попыталась выяснить причины отзыва Д.В. Богомолова из Китая. 1 ноября 1937 г. во время беседы с народным комиссаром обороны СССР маршалом Советского Союза К.Е. Ворошиловым глава китайской делегации, прибывшей в Москву для переговоров о военной помощи СССР Китаю, генерал Ян Цзэ проявил интерес к судьбе Д.В. Богомолова. К.В. Ворошилов дал такой ответ: «Посол Богомолов и военный атташе Лепин отозваны. Хотя отзыв Богомолова и Лепина наше внутреннее дело, но я уполномочен по-дружески сообщить Вам, что Богомолов отозван за неправильную информацию нашего Правительства о положении в Китае. Он все время доносил Правительству, что Китай к войне не подготовлен, что Китай в течение двух недель сдаст Шанхай, что Китай с Японией вообще не может вести борьбу и прочее в этом роде. Кроме того он допустил и ряд других проступков. Всё это и послужило поводом к тому, чтобы Богомолова заменить другим более подходящим человеком»⁴³.

Поскольку Институт по Китаю также не предупредил о возможном расширении японской экспансии, фактически положившей начало Второй мировой войны, то и на его сотрудников обрушился гнев властей. Большинство сотрудников были репрессированы. При этом конкретно каждого из них, как оказалось, не в чем было обвинить. М.И. Казанин рассказывал, что следователь НКВД задумчиво размышлял, глядя на него: «По какой статье мне тебя обвинить? Ну, давай по делу группы Арсеньева». «Нет, нет, — запротестовал арестованный, — я с ними совсем не знаком». Как выяснилось позднее, «по делу В.К. Арсеньева» всех расстреляли.

Владимир Николаевич Никифоров оказался первым историком, решившимся упомянуть о деятельности Института по Китаю через 33 года после его закрытия. В своей замечательной монографии Владимир Николаевич отметил: «Важным очагом китаеведения стал Научно-исследовательский Институт по Китаю, выросший из Кабинета китаеведения КУТК (1925), имевшего скромную задачу — обслуживать учебный процесс. Постепенно научно-исследовательская работа этого китаеведного учреждения сделалась основной, приведя к образованию Института (1 января 1928 г.)»⁴⁴

Перечисляя тех, кто до него писал историю востоковедения, В.Н. Никифоров упомянул и некоторых сотрудников Института по Китаю. Говоря о периодических изданиях по Китаю, он отметил, что в «1925–1928 гг. издавались, сначала для служебного пользования, потом обычным порядком “Материалы по китайскому вопросу”, орган НИИ по Китаю. В редколлегию входили в разное время М.М. Абрамсон, М. Волин, В.Н. Кучумов, П.А. Миф, А. Норин, Г.Б. Скалон, М.И. Щукар»⁴⁵.

Могут только заметить, что в 1925 и в последующие годы вплоть до 1928 г. НИИ по Китаю еще не было. Он был создан, как мы уже выяснили, только в начале 1928 г. Первый номер его журнала «Проблемы Китая» вышел в свет в 1929 г. Как свидетельствует помещенная в этом номере статья о работе НИИ по Китаю за 1928 г.:

«Начало “Материалов” было положено ещё существовавшим до Института Кабинетом китаеведения, за время деятельности которого было выпущено 8 номеров. Эти 8 номеров характеризовались некоторой сухостью и случайностью в подборе материалов, и оригинальные статьи в них почти совершенно отсутствовали. Журнал издавался

хотя и в довольно большом размере (7–8 листов), но выходил на правах рукописи и имел чрезвычайно ограниченный тираж.

С момента своего возникновения Институт решил улучшить и расширить эти “Материалы”, сделав их органом марксистского китаеведения, доступным для самых широких и интересующихся Китаем кругов Союза. Соответственно этому, размер “Материалов” был увеличен до 10 авторских листов, начали печататься оригинальные статьи и сводные работы, тираж поднят сначала до 1000, а потом до 2000 экземпляров и, наконец, были приняты меры к свободному распространению журнала. За первую половину 1928 года Институт выпустил 6 номеров “Материалов” с № 9 по № 14.

В “Материалах” было установлено несколько отделов, из которых в первом помещались важнейшие документы, характеризующие работу Гоминьдана и китайской коммунистической партии, во втором — крестьянское движение, в третьем — рабочее движение, в четвертом — важнейшие вопросы экономики Китая, и, наконец, пятый был посвящен библиографии. “Материалы” также нашли весьма сочувственную оценку в библиографических отделах важнейших газет и журналов СССР»⁴⁶.

Для уточнения общей картины развития научно-практического китаеведения в нашей стране обратимся к воспоминаниям М.И. Казанина⁴⁷. «В то время в Москве было два учреждения, занимавшихся Востоком. Оба они так или иначе шли по линии Ком[мунистического] Интернационала (руководство, хозяйство, линия). Это были КУТВ и НИИ по Китаю, [они были созданы и существовали] сначала при Университете трудящихся Востока им. Сунь Ятсена, потом — при Коммунистическом университете трудящихся Китая и ещё потом при ЦК (или при Коминтерне), что было одно и то же. Мы (китаисты) знали и людей из НИАНКП [Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем], некоторые их сотрудники переходили к нам... Оба учреждения имели свои журналы и в какой-то степени конкурировали. НИИ по Китаю издавал “Проблемы Китая” (больш[ой] журнал, [вышли в свет] номера с 1 по 14). КУТВ издавал “Революционный Восток”. Авторы [иногда] были одни и те же»⁴⁸.

Итак, вернемся к работе Института по Китаю в начальный период его деятельности. Во второй половине 1927 г. — первой половине 1928 г. Институт должен был развиваться по трем направлениям: 1) научно-исследовательская деятельность, 2) издание ежемесячного журнала и подготовленных сотрудниками трудов, 3) учебно-вспомогательная (как это называлось) работа, заключающаяся в обслуживании кафедр КУТК, китаизации курсов и программ, консультациях⁴⁹.

Что касается издания ежемесячного журнала, то в 1929 г. выходил в свет «Бюллетень Научно-исследовательского Института по Китаю при Коммунистическом Университете трудящихся Китая». Бюллетень был небольшим, обычно около 30 страниц. Я располагаю номерами этого Бюллетеня со 2 по 21. Они сброшюрованы в одну книгу, на ее обложке значится: год издания — 1929, № 2–21, обобщенное содержание всех бюллетеней, и поставлена печать: «На дом не выдается». По содержанию печатного органа можно с достаточной точностью определить проблемы, которыми занимался Институт.

«Содержание:

1. Экономическое и политическое положение.

2. Экономика.

Урожай 1928 г. в Северной Маньчжурии.

Рамя и шелк в Китае.

Порт Тяньцзинь.

Итоги внешней торговли за 1928 г.

Китайско-английская и китайско-германская торговля.

Транспортная разруха.

Вокруг таможенного тарифа.

Справочные данные.

3. Политика

Циркулярное письмо Гоминьдана.

Ван Цзинвэй и пекинская организация ГМД.

Политическое положение.

Янь-си-шань во главе монголо-тибетской комиссии.

4. Указатель статей и материалов.

5. Новые книги.

Издание КУТК Москва, 1929 г.»

Последняя обложка № 9 снабжена объявлением: «В апреле выходит в издании Коммунистической Академии первый номер журнала “Проблемы Китая”. Записки научно-исследовательского Института по Китаю. Содержание:

Цюй Хэ-сян — История оппортунизма в Китае

Тан Бай-лю — Компрадорская буржуазия (Со вступительной статьёй Л. Мадьяра).

М.Г. Андреев — Рабство в Китае

М. Волин — В лагере китайской буржуазии.

Мо Цы-янь — Причины мусульманского восстания в Ганьсу.

И. Тайгин — Япония и Китай.

Основные вопросы Тайпинского восстания (Дискуссия в Н.И.И.)

Библиография.

Стеклография КУТК, Москва, Волхонка 16. Тираж 150 экземпляров».

Для того чтобы читатель представлял себе, как звучали материалы в «Бюллетене» НИИ по Китаю приведу отрывок из статьи «Дауэсизация⁵⁰ Китая», открывавшей № 11, вышедший 25 мая 1929 г.:

«Экономическое наступление Соединенных Штатов в Китае пока ещё не вылилось в ту определённую форму, какую оно имеет в Центральной и Южной Америке или Германии. Ни американское правительство, ни ньюйоркская биржа пока ещё не предоставляли Китаю крупных займов, но имеется целый ряд указаний на то, что наступление американского империализма на Китай в течение ближайших лет при наличии соответствующей обстановки может принять более энергичные формы⁵¹. Мы перечислим несколько наиболее важных фактов, рисующих активизацию империалистической агрессии в Китае. Прежде всего, надо отметить, что Комиссия Кеммерера приступила к работе по изучению финансов Китая. В своем последнем интервью Кеммерер заявил, что свой проект реформы китайского денежного обращения и государственных финансов он составляет, как обычно, в форме закона, подлежащего опубликованию правительством. Реорганизация финансов других стран отнимала у Кеммерера обычно по нескольку месяцев, иногда больше, работа же в Китае по приблизительному подсчету потребует около года времени»⁵².

В 1931 г. оформление обложки «Бюллетеня» претерпело некоторые изменения. Последовательно располагались следующие надписи:

«Коммунистическая Академия. Научно-исследовательский Институт по Китаю» — было шапкой обложки. Далее следовало: «Бюллетень. На дом не выдается. № 1—2. (70—71). Москва. Январь—февраль 1931 г.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

Издательство МЛШ. Москва 1931 г.»

Этот номер практически полностью был посвящен советским районам в Китае⁵³. Обратимся к его оглавлению.

«I. Обзоры.

1. Органы власти на советских территориях Китая.

2. Экономическое положение и экономполитика в советских районах.

3. Рабочий вопрос и рабочая политика в сов. районах.

4. Аграрная политика сов. власти в Китае.

5. Вопросы строительства Красной армии.

II. Материалы.

а) Законы и постановления сов[етской] власти

1. Основной закон (проект конституции) Китайской Советской Республики.

2. Временное положение о выборах на 1-й Всекитайский съезд советов в советских районах.

3. Инструкция о выборах делегатов первого Всекитайского съезда Советов.

4. Временный закон об организации советского пр-ва Сев.-Вост. Цзянси («Синьцзянского»).

5. Программа сов. пр-ва Сев.-Вост. Цзянси.

6. Программа эконом. политики сов. пр-ва.

7. Временные правила об организации профсоюзов.

8. Временный закон о землепользовании.

9. О сборе прогрессивно-подоходного налога (циркуляр).

б) К истории сов. власти в Китае.

1. Борьба за сов. власть в Хунань-Хубэй-Цзянсийском районе.

2. Телеграмма 1-го съезда советов Вост. Хубэя

3. История сов[етской] власти в районе р.Синьцзян (Сев. Вост. Цзянси).

4. Положение в сов. районах в Юго-зап. Цзянси

5. Доклад делегации Вост. Гуандуна на 1-й Конференции Представителей

Сов. Районов.

6. Фыншунь под властью советов.

7. Доклад об эконом. положении в Зап. Фуцзяни.

8. Соц.-эконом. вопросы в сов. районах пров. Фуцзянь.

9. Доклад делегации из Гуанси.

III. Хронология сов. движ. в Китае

IV. Библиография о советском движении в Китае.

а) На русском языке. На китайском языке.

в) На “ ” (кит. текст)

Карта.

Приложение к карте (легенда)».

Приведем пару цитат из статьи «Органы власти на советских территориях Китая», открывающей этот номер журнала.

«VI. Состав советов.

По сообщениям с мест большой процент депутатов советов составляет бедняцкое крестьянство. В числе депутатов имеются женщины.

Кое-где, например, в районе юго-западного Цзянси в советы пробрались классово-враждебные элементы: кулаки, реорганизационисты, члены организации “Эй-би-туань”⁵⁴ и помещики. В Цзянси была произведена чистка советского аппарата. Изгнанные из советов кулаки открыто переходят на сторону реакции и участвуют в наступлении на красные районы» (с. 7).

«VIII. Компартия и советы.

Как правило, партия руководит борьбой крестьян через советы. При советах существуют комфракции, работающие под руководством соответствующих парторганизаций. Но ввиду военной обстановки, слабости комфракций, зачастую постановления парткомитетов проводятся не советом, а непосредственно комитетом. Особенно жалуются на это делегаты юго-западного Цзянси, которые пишут, что: многие вопросы и мероприятия разрешает и проводит партия от имени советов, а в некоторых местах советы полностью замещены и в приказах даже не фигурирует имени советов. Это вызывает большое недовольство со стороны советских работников. Многие партийцы считают для себя обидным переходить с партийной работы на советскую.

Имеется неясное сообщение о том, что в некоторых сов. районах (о. Хайнань) партия нелегальна. Но такие случаи редки» (с. 8).

В разделе «Обзоры» последним пятым материалом являются «Вопросы строительства Красной Армии». Познакомимся с некоторыми из этих вопросов.

Хочу обратить внимание исследователей на интереснейший документ — «Доклад делегации из Гуанси на 1-ой Всекитайской конференции представителей советских районов» (с. 123–130).

С моей точки зрения большой научный интерес представляют помещенные в конце этого номера разработки: «Хронология советского движения в Китае» (с. 131–134) и «Библиография о сов. движении в Китае» (с. 135–150, включая материалы на китайском языке).

Уже в первый год своего создания научно-исследовательский Институт по Китаю при Университете трудящихся Китая опубликовал под редакцией и с предисловием Института монографию одного из ведущих своих сотрудников, легендарного революционера Л.И. Мадьяра⁵⁵ «Экономика сельского хозяйства в Китае». Экземпляр этой книги сохранился в Публичной библиотеке в Ленинграде (Санкт-Петербурге), куда в 1928 г. он был прислан как «обязательный», что отмечено на титульном листе.

Л.И. Мадьяр стал одним из первых сторонников и популяризаторов термина «азиатский способ производства» в применении его к истории сельского хозяйства Китая. Институтское предисловие весьма объемно (с. V—XVIII), в нем отражена гордость за то, что в год своего основания Институт сумел дать читателям книгу, посвященную одному из главных вопросов истории Китая и важнейшей проблеме китайской революции — экономическим отношениям в области земельной собственности. Но главное в данном предисловии — это критический разбор утверждений Л.И. Мадьяра о том, что «азиатский способ производства» господствовал в отношениях китайских землевладельцев и китайских землепользователей (крестьян) на протяжении всей истории Китая.

Чтобы читатель оценил высокую принципиальность и требовательность авторов Предисловия, приведу его заключительную часть:

«В настоящем предисловии мы подробно остановились на вопросе о феодализме и азиатском способе производства в Китае, потому что своеобразие современной экономики сельского хозяйства в Китае не может быть понято без основных, элементарных представлений о прошлом Китая. Правда, марксистской истории Китая пока не существует, однако, то элементарное знание Китая, которым мы уже располагаем, заставляет нас говорить, что *определение общественного строя прошлого Китая, как азиатского общества и современной эпохи, как эпохи переходной от азиатского способа производства к капитализму не удовлетворительно*. Господствующей в прошлом формой эксплуатации — была феодальная эксплуатация и в современном Китае продолжают еще господствовать не “обломки и остатки азиатского способа производства”, но пережитки феодализма, заставляющие нас определять существующие отношения в китайской деревне, как полуфеодальные отношения.

В этом отношении всю свою силу и значение продолжают сохранять следующие слова Ленина:

“Объективные условия Китая, отсталой земледельческой, полуфеодальной страны, ставят на очередь дня в жизни чуть не полумиллиардного народа лишь один определенный исторически своеобразный вид этого угнетения и этой эксплуатации, именно феодализм. Феодализм основывается на господстве земледельческого быта и натурального хозяйства; источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было *прикрепление его к земле в той или иной форме; политическими выразителями этой эксплуатации были феодалы, все вместе и каждый порознь с богдыханом, как главой, системы*” (курсив автора). “Невская Звезда”, 1912 год.

Мы не будем останавливаться в настоящем предисловии на разборе ряда других значительных теоретических погрешностей автора в его анализе основных проблем экономики с. х. Китая. Отметим лишь попутно наиболее характерные из этих недостатков. Так в характеристике экономики крестьянского хозяйства, автор, *обходя* действительные трудности анализа особенностей этого хозяйства, развивающегося в Китае в условиях капитализма и в тесной связи с мировым рынком, изгоняет из своего анализа понятие “капитал” (как категорию стоимости), заменяя его всюду упрощенным понятием “средства”. В связи с этим нам приходится констатировать у автора способ выражения, который, по меньшей мере, следует назвать своеобразным. Так, мы узнаем у автора, что китайский крестьянин получает проценты на средства (?! — Ред.) землевладельца; мы узнаем также, что “органический состав средств землевладельца очень низок” и т.д.

Другим теоретически слабым местом анализа автора “Экономики с.х. в Китае”, является его рассуждения о так называемых “водных отношениях” в Китае. Характерной особенностью современной экономики сельского хозяйства в Китае, автор, в связи с вопросом об искусственном орошении в Китае, делает следующее утверждение: “*В Азии нет земельных правоотношений, а существуют земельно-водные правоотношения*” (курсив автора).

Это утверждение автор полностью применяет также к Китаю. Развивая это положение в специальной главе о земельно-водных правоотношениях, автор выдвигает вопрос о “водных правоотношениях” или “о земельно-водных правоотношениях” как *особую специфическую проблему* отличную от проблемы “земельных правоотношений”. Совершенно очевидно, что в этом правоотношении земли и воды автор фетишизирует общественные отношения точно так же, как общественные отношения фетишизируются автором в вопросе о собственности на два слоя земли — почву и подпочву, символически отражающей деление одного прибавочного продукта на две части.

Придавая специфический характер “водным отношениям”, автор в связи с этим неверно также толкует замечания Маркса и Энгельса о роли искусственного орошения на Востоке. “Водные отношения, — говорит автор, — неразрывно связаны с земельными правоотношениями. Вот почему (?!) Маркс и Энгельс подчеркивали именно этот момент, как ключ к пониманию восточных земельных отношений”. Здесь автор совершенно извращает действительный смысл воззрений Маркса и Энгельса на роль искусственного орошения в земельных отношениях на Востоке.

Останавливаясь на отдельных теоретических погрешностях автора в его анализе различных вопросов экономики с.х. в Китае, мы вместе с тем должны повторить, что, при отмеченных недостатках, “Экономика с.х. в Китае” отличающаяся чрезвычайным богатством, заключенного в ней фактического материала, является весьма ценным вкладом в современную литературу о Китае.

Научно-Исследовательский Институт по Китаю.

Гор. Москва, 6 июля 1928 года».

Я привел столь крупный отрывок из предисловия к монографии Л. Мадьяра, чтобы современный читатель точно уловил тот дух солидарности и взаимодействия, который сплотил коллектив первого в нашей стране НИИ по Китаю. Я бы так оценил это Предисловие: «Лучше мы сами заранее надаем политических тумачков нашему коллеге, чем это сделают, другие, которые могут вообще его угробить».

Надо сказать, что этот замысел удался. Поэтому, когда в 1929 г. вышел 1-й номер журнала «Проблемы Китая», в котором в разделе «Хроника» была помещена отчетно-информационная статья «Работа Научно-исследовательского Института по Китаю» за 1928 г.⁵⁶, то в ней был помещен уже победный по тональности абзац об издании книги Л. Мадьяра:

«Наиболее успешно развернулась издательская работа Института. В сравнительно короткий срок, между январем и июлем 1928 года, Институту удалось выпустить це-

льный ряд изданий, из которых некоторые имеют серьезное научное значение. К числу таких работ должно быть, прежде всего, отнесено капитальное исследование товарища Л. Мадьяра — “Экономика сельского хозяйства в Китае”. Вслед за этой работой был выпущен труд проф. В.М. Штейна “Очерки финансового кризиса в Китае”⁵⁷. Появление этих работ было положительно отмечено в рецензиях “Правды”, а также в ряде ежемесячных журналов (“Большевик”, “Экономическое обозрение”, “Мировое хозяйство и мировая политика” и др.)

Кроме этих работ отдельной книгой была выпущена работа известного гоминьдановца Ган Най-гуана “Теория и практика суньятсенизма”⁵⁸. Каждая из выпущенных работ подверглась тщательному редактированию, и Институт озаботился тем, чтобы каждой из них было предпослано предисловие, отражавшее точку зрения Института на те или иные затрагивавшиеся в работах проблемы. Так работе т. Мадьяра было предпослано предисловие самого Института, работа проф. Штейна была сопровождена предисловием, написанным по просьбе Института тов. Г.Я. Сокольниковым, и наконец, книга Гань Най-гуана была сопровождена предисловием т. Войтинского»⁵⁹.

Для меня особый интерес в этом Отчете о деятельности Института по Китаю вызвал следующий абзац: «Крупное научно-вспомогательное значение должна получить другая из готовящихся к печати работ “Библиография по Китаю”, составленная т. Скачковым. Работа охватывает около 500 с. текста и является первой современной полной библиографией книг и журнальных статей о Китае — когда-либо вышедших на русском языке. Книга готова, и после того как в неё будут внесены последние поправки и дополнения по 1 января 1929 года, она будет сдана в печать. Издателем этой работы является Гиз»⁶⁰. Книга была издана своевременно. Это первое издание «Библиографии Китая» Петра Емельяновича Скачкова⁶¹ привлекло внимание не только советских китаеведов и историков, но и их зарубежных коллег. В 1941 г. эта книга была издана в США одновременно с «Толковым словарем русского языка» Дмитрия Николаевича Ушакова.

Журнал «Проблемы Китая» в разделе «Хроника» пытался регулярно информировать своих читателей о работе НИИ по Китаю. В № 3 за 1930 г. была помещена «Краткая информация о работе Научно-исследовательского Института по Китаю. (С января 1928 по май 1930 г.)»

Сотрудники Института приглашались и в Наркомат иностранных дел для предварительного обсуждения намечаемых шагов в отношении Китайской Республики. Так, 4 января 1935 г. в Докладной записке помощника 2-го Восточного отдела НКВД СССР на имя заместителя министра иностранных дел СССР Б.С. Стомонакова отмечалось, что «в ряде бесед с работниками Института по Китаю при Комакадемии и на специальном совещании в Отделе, на котором присутствовали тт. Канторович, Абрамсон, Гриневич, Кара-Мурза и Казанин (работники этого же Института), я выяснил их соображения по поводу использования русской доли боксерской контрибуции»⁶².

Но отношения с МИД не были простыми. Так, например, 3 мая 1933 г. заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан направил И.В. Сталину письмо, в котором, проанализировав подготовленный Институт по Китаю сборник статей о советском движении в Китае, Лев Михайлович выражал сомнение в целесообразности издания этого сборника. Он мотивировал это тем, что «в сборнике имеются ряд корреспонденций и донесений политработников красных армий, которые хотя и помечены как переводы из соответствующих китайских изданий, на деле представляют собой переводы соответствующих коминтерновских материалов и могут быть использованы против нас, как доказательство непосредственной и довольно тесной связи между советскими организациями и советским движением в Китае»⁶³.

Тем не менее подготовленная НИИ по Китаю книга объемом более 500 страниц и озаглавленная «Советы в Китае. Сборник материалов и документов...» была издана «Партийным издательством» в Москве в 1933 г. В предисловии «От научно-исследова-

тельского Института по Китаю» раскрывались все особенности этой книги: «Материалы и документы о советском движении в Китае, публикуемые в настоящем сборнике, в основном собраны и подготовлены к печати немецким рабочим издательством "Verlag Carl Noym Nachf. Berlin" для издания на немецком языке.

Материалам и документам предпослана вводная статья Е. Иогансона и О. Таубе, которая дает очерк развития советского движения в Китае и характеристику важнейших проблем, стоящих перед этим движением. В русском издании она расширена и дополнена НИИ по Китаю для советского читателя.

Для освещения раннего периода развития советского движения в Китае (1927–1930 гг. и частично 1930–1931 гг.) названное немецкое издательство с разрешения НИИ по Китаю привлекло материалы, имеющиеся в изданиях НИИ по Китаю (сборник "Кантонская комунна", Гиз, 1928 г., "Бюллетень НИИ по Китаю", журналы "Материалы по китайскому вопросу" и "Проблемы Китая", переведя их на немецкий язык. В русском издании они вошли в отдел I.

Остальная часть материалов (отдел II), представляет собою перевод статей и корреспонденций из китайской коммунистической прессы. Сюда относится ряд нелегальных газет китайских компартий ("Хунци жибао", "Цюнчжун жибао", "Шихуа"), а также издания партийных организаций, советских правительств и красной армии в важнейших советских районах.

Советская общественность всегда с громадным интересом следила за развитием китайской революции. Этот интерес ещё более возрос в настоящее время, когда империалистические державы вооруженной силой приступили к непосредственному разделу Китая, а гоминьдановское правительство вместо защиты национальных интересов страны, действуя по указке империалистов, готовит шестой поход против советских районов Китая...

Выпуская для советского читателя русский перевод этого сборника, НИИ по Китаю одновременно готовит работу, посвященную проблемам советского движения в Китае позднейшего времени»⁶⁴.

К сожалению, мы не располагаем документами о закрытии НИИ по Китаю. Но, исходя из близких по тематике материалов, можно предположить, как решалась его судьба. 21 июня 1936 г. было вынесено Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О московском и ленинградском институтах востоковедения». С Проектом этого Постановления был ознакомлен Н.И. Ежов. Проект состоял из 7 пунктов:

«1. Институт Востоковедения в Москве им. Нариманова⁶⁵ и Восточный институт в Ленинграде, ставящие перед собой двоякие задачи, с одной стороны изучение востоковедческих дисциплин, а с другой стороны, дисциплин определенной специальности в области хозяйственного и культурного строительства, — ликвидировать.

2. Организовать в Москве и Ленинграде на базе ликвидируемых институтов, с сохранением этих же названий, специальные востоковедческие вузы, готовящие знающих страны и языки работников для Наркомвнешторга, Наркоминдела, НКО, Наркомвнудела и других организаций и учреждений, а также преподавателей и научных работников.

3. Установить курс обучения в указанных институтах 2½ года для изучения восточных и соответствующих западных языков и дисциплин по страноведению, при чем последние 6 месяцев должны быть посвящены практическому усовершенствованию в языке за границей или в СССР.

4. Прием слушателей (в) указанные институты производить лишь из лиц, получивших высшее образование, окончивших вузы и втузы и имеющих не менее 5 лет партийного стажа.

5. Определить контингент набора на первый курс в 1936 году — 170 человек; 100 человек для Московского и 70 человек — для Ленинградского институтов. Из них предназначается для Наркомвнешторга — 30 человек; Наркоминдела — 25 человек;

НКО — 75 человек; Наркомвнудела — 20 человек; ТАСС — 5 человек; для научных учреждений — 15 человек.

6. Из наличного состава — 377 студентов II, III, IV курса ликвидируемых институтов произвести отбор на II курс вновь создаваемых институтов в количестве 200 человек: 120 человек — Московский и 80 человек — Ленинградский институты, распределив их в 1937 году следующим образом: НКО — 90 человек; Наркомвнудел — 55 человек; Наркоминдел — 10 человек; Наркомвнешторг — 30 человек; ТАСС — 5 человек; для научных учреждений — 10 человек.

7. Поручить отделу школ и политико-административному отделу ЦК ВКП(б) совместно с директорами институтов направить оставшиеся не распределёнными 177 человек — часть в другие вузы, часть — на практическую работу.

8. Поручить Комитету по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР:

а) представить в отдел школ ЦК ВКП(б) не позднее 1 августа 1936 года новые учебные планы и новые программы;

б) рассмотреть заявки институтов востоковедения на выпуск из-за границы учебных пособий (книги, словари, карты, периодические журналы, газеты, лингафоны);

в) организовать тесную увязку работы институтов Востоковедения в Москве и Ленинграде путем обмена преподавательскими силами, установления общего издательского плана.

9. Установить, что утверждение поступающих в институт и распределение окончивших производится решением ЦК ВКП(б) по представлении Отдела школ и от директоров институтов.

10. Установить для слушателей институтов и аспирантов стипендию 500 рублей в месяц в среднем»⁶⁶.

Этот проект был существенно сокращен. В принятом Постановлении было 6 пунктов:

«1. Институт востоковедения в Москве им. Нариманова и Восточный институт в Ленинграде, ставившие перед собой двойные задачи, с одной стороны обучение востоковедческим дисциплинам, с другой стороны дисциплинам определенной специальности в области хозяйственного и культурного строительства — преобразовать в институты, готовящие знающих страну и язык работников для Наркомвнешторга, Наркоминдела НКО, НКВД и друг. Организаций и учреждений, а также преподавателей. Установить курс обучения в указанных институтах вместо 4–2½ года.

2. Прием слушателей в указанные институты производить лишь из лиц, получивших высшее образование, окончивших вузы и втузы и имеющих не менее 5-летнего партийного стажа.

3. Определить контингент набора на 1-й курс в 1936 году 170 человек, из них предназначается: 100 человек для Московского и 70 человек для Ленинградского институтов.

4. Наличный состав студентов, перешедших весной 1936 г. на 2, 3, 4 курсы институтов принять на второй курс вновь создаваемых институтов после испытания по новой программе. Поручить отделу школ и политико-административному отделу ЦК совместно с директорами институтов направить курсантов, не выдержавших этого испытания, частью в другие вузы, частью на практическую работу.

5. Поручить Комитету по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР представить в отдел школ ЦК не позднее 1-го августа 1936 г. новые учебные планы и программы.

6. Установить, что утверждение поступающих в институт и распределение окончивших производится решением ЦК ВКП(б) по представлению отдела школ и директоров институтов»⁶⁷.

На принятии этого Постановления ЦК власти не успокоились. Спустя три года, в июле 1939 г. для ЦК ВКП(б) был подготовлен новый документ, касающийся Московского института востоковедения. Он так и назывался «О Московском институте востоковедения». Его автором был заведующий отделом военно-морских кадров Управления ЦК ВКП(б) Малышев.

Приведем текст документа, чтобы попытаться понять присущие автору «мысли, наблюдения, выводы» и мечтания «предостеречь, предотвратить».

«СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ Г.М.

О Московском институте востоковедения

В системе Наркомпроса РСФСР находится Московский институт Востоковедения имени Нариманова, который является единственным в Союзе высшим учебным заведением, готовящим кадры работников, знающих восточные языки и страны Востока. Такие кадры крайне нужны как для Наркомата Военно-Морского флота, Наркомата обороны СССР и для других организаций.

В настоящее время институт находится в тяжелом положении. Вредительское руководство, продолжительное время возглавлявшее институт, сознательно засоряло его враждебными элементами. Только за 1937/1938 учебный год органами НКВД из института было изъято 49 человек студентов и преподавателей, как врагов народа. Ученый Комитет при ВИИК'е, а затем Наркомпрос РСФСР, в ведении которого в настоящее время находится институт, недостаточно руководили работой института.

Все это привело к тому, что в институте установились и действуют порядки и направление в работе, требующие немедленного изменения. Институт не имеет ясной целевой установки.

Большинство окончивших не используется по специальности и направляются на работу, не имеющую никакого отношения к прямой специальности, ни к полученной квалификации в Институте.

Открытый прием и отсутствие спец. Проверки, рекламирование того, что институт готовит кадры для заграничной работы, привело к тому, что в институт стремятся и часто попадают люди, имеющие определенное желание попасть за границу, но по окончании института в большей своей части по своим политическим данным на заграничную работу они не могут быть посланы, а от предложений работать в качестве переводчиков в Советском Союзе в разных учреждениях отказываются, так как их прежняя квалификация (экономисты, агрономы, инженеры и т.д.) обеспечивает им лучшие материальные условия. Таким образом, государственные средства, затраченные на подготовку, оказываются затраченными впустую.

В настоящее время Наркоматом Военно-Морского флота возбуждено ходатайство перед СНК СССР о реорганизации Московского института Востоковедения в Военно-Педагогический, с передачей его в ведение НКВМФ для подготовки кадров как для НКВМФ, так и для НКО СССР.

Комитет по делам Высшей школы и Наркомпрос РСФСР выразили согласие с этим предложением НКВМФ, мотивируя это, с одной стороны, тяжелым положением Московского института Востоковедения в настоящее время, а с другой стороны, тем, что Военно-Морской Флот, а равно НКО, имеют большую потребность в работниках по зарубежному Востоку и что НКВМФ [может] вполне обеспечить как материальную базу, так и руководство учебно-педагогическим процессом.

Изучив представленные в ЦК ВКП(б) материалы по этому вопросу, считаем, что реорганизовать Московский институт Востоковедения в военно-педагогический с передачей его в ведение НКВМФ не целесообразно. Дело в том, что потребность НКВМФ в кадрах востоковедов относительно меньше, чем потребность таких организаций, как НКО, НКВД, НКВД, НКВД, ТАСС, Главлит и др. НКВМФ не нужны кадры по Монголии, Синьцзяну, и Афганистану. Московский институт является единственным в СССР

ВУЗом, где готовятся для ряда других организаций востоковедческие кадры, а НКВМФ ставит своей задачей превратить его в институт иностранных языков вообще и готовить, главным образом, кадры языковедов западных стран.

Создание при институте специального факультета полностью разрешит вопрос подготовки необходимых кадров по странам зарубежного Востока для НКВМФ НКО.

В целях укрепления Московского института Востоковедения и наведения в нем большевистского порядка, как в области целевого назначения, так и в части приема, считаем необходимым:

а) реорганизовать Московский институт Востоковедения во Всесоюзный институт, готовящий кадры востоковедов и переводчиков для следующих организаций: НКО, НКВМФ, НКЦД, НКВД, НКВТ, ТАСС и Главлита, передав институт в ведение Всесоюзного Комитета по делам высшей школы.

б) При институте организовать два факультета: 1) лингвистический, с 4-х годичным сроком обучения, который должен готовить хорошо владеющих восточными языками и знающих соответствующие страны переводчиков и референтов; 2) специальный факультет, готовящий кадры востоковедов для более ответственной работы, с трехгодичным сроком обучения, создав в нем два отделения: гражданское и военное.

в) Прием на лингвистический факультет проводить из числа членов и кандидатов ВКП(б), членов ВЛКСМ, имеющих законченное среднее образование. Комплектование же спецфакультета производить по командировкам: на гражданское отделение принимать членов и кандидатов ВКП(б) по командировкам парторганизаций, на военное по командировкам НКО, НКВМФ и НКВД, преимущественно с высшим образованием.

г) Установить обязательную спецпроверку всех принимаемых в институт и утверждение состава слушателей Управлением кадров ЦК ВКП(б).

д) Студентов института Востоковедения, удовлетворяющих установленным требованиям приема, перевести в число слушателей одного из двух факультетов, всех остальных распределить по другим высшим учебным заведениям СССР.

Управление Пропаганды и отдел школ ЦК ВКП(б) с реорганизацией института и передачей его в ведение Всесоюзного Комитета по делам высшей школы — согласны.

Зав. Отделом военно-морских кадров Управления кадров ЦК ВКП(б) (Малышев)).

На первой странице этого документа имеются резолюция Г.М. Маленкова: *(т. Вышинскому. Просьба ознакомиться с Запиской... Вы говорили со мной по этому вопросу. Как Ваше мнение 9/VII)* и резолюция А.Я. Вышинского *(т. Маленкову. С предложением согласен. Аналогичное предложение имеется в СНК⁶⁸. Прошу согласия ЦК ВКП(б))⁶⁹.*

Я привел эти документы полностью специально, чтобы современный читатель мог познакомиться с тем, как и кем решались в нашем прошлом проблемы деятельности востоковедческих Институтов.

Что касается первого в нашей стране специализированного Института по Китаю, то его судьба, по моему мнению, определялась более жестоко и без обсуждения в высших государственных и партийных органах. Этот Институт так же, как полпред в Китае Дмитрий Васильевич Богомолов, стал жертвой вспышки гнева И.В. Сталина. Гнев чаще всего порождает иррациональные действия. Как сказано в Послании апостола Иакова: «...Всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, / ибо гнев человека не творит правды Божией»⁷⁰.

Заметим и то, что далеко не все сотрудники Института понесли жестокие наказания. Например, Виктор Морисович Штейн продолжал свою преподавательскую деятельность в Ленинградском Университете в 1930-е и 1940-е годы. Я предпринимал попытку найти в соответствующем архиве документы, повествующие о последних днях интересующего меня Института. Но в результате предпринятых тщательных поисков мне сооб-

щили, что никаких документов, связанных с деятельностью и судьбой Института по Китаю, в архиве Комитета госбезопасности не обнаружено.

1. *Тихвинский С.Л.* Институт Китаеведения АН СССР (1956–1960) // Институт Дальнего Востока. Годы, люди, труды: Информационно-библиографический справочник. М.: Памятники исторической мысли. 2006. С. 7–15.
2. *Виленский-Сибиряков Вл.* Китай и Советская Россия. М., 1919. *Он же.* Гоминдан — партия китайской революции. М.;Л., 1926. *Он же.* Положение в Китае // Новый Восток. 1926. № 12. *Он же.* Где корни предательства Чан Кайши (О китайской революции). М., 1927.
3. *Ленин В.И.* Биографическая хроника. Т. 7: Март—ноябрь 1919 г. М.: Политиздат, 1976. С. 280.
4. В тексте «угрозой». — В. М.
5. Так в тексте.
6. Далее вписано от руки, вероятно, В.И. Лениным: «организацией экспедиций специального назначения и т.п.».
7. Зачеркнуто: цели.
8. Так в тексте.
9. Текст написан от руки в скобках над строкой.
10. Слово написано от руки над строкой.
11. См.: Советско-китайские отношения. 1917–1957 гг.: Сб. документов. М.: Вост. лит., 1950. С. 43–45. Обращение было подписано Л.М. Караханом.
12. *Катица М.С.* Советско-китайские отношения. М.: Госполитиздат. 1958. *Крюков В.М., М.В. Крюков.* Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 1: 1917–1921. Т. 2: 1922–1926 гг. М.: Памятники исторической мысли. 2015.
13. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. II: 1926–1927. Ч. 2. М., 1996. С. 559.
14. Там же. С. 755.
15. Там же. С. 772.
16. Г.Н. Войтинский.
17. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 628–629.
18. Ф.Ф. Раскольников.
19. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 572.
20. Там же.
21. О нем см.: Там же. С. 992.
22. Там же. С. 582.
23. Там же. С. 693.
24. *Сталин И.В.* Беседа со студентами Университета имени Сунь Ятсена 13 мая 1927 г. // И.Сталин. Соч. Т. 9. С. 254–255.
25. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 729.
26. Там же. См. также: *Панцов А.В.* Тайная история китайской революции. Большевики и китайская революция. М.: Муравей Гайд, 2001. С. 228–264.
27. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 729.
28. О них см.: *Мясников В.С.* Кастальский ключ Китаеведа. Т. 1. М.: Наука. 2014. С. 309–442.
29. Василий Михайлович Алексеев. 1881–1951 / Сост. И.Г. Бебих, О.Е. Сакоян; Вступ. статья С.Л. Тихвинский. М.: Наука. 1991. С. 4.
30. «Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич. В виду того, что Академия наук СССР затрудняется валютными ассигнованиями на выписку иностранной литературы по моей специальности вообще, а также в виду того, что научные предпосылки вопроса о латинизации китайской письменности (с мнением о котором я уже имел случай засвидетельствовать в Вашем присутствии), настоятельно требуют выписки, а главное розыска в Китае совершенно необходимой мне литературы, разрешите усердно просить Вас настоять на предоставлении мне на предмет розыска и выписки упомянутой литературы (включая копии и, вообще, рукописные труды) до *тысячи* рублей в валюте — сумму, которую, я надеюсь, покрыв все расходы, способствовать делу улучшения той верени латинизации китайской письменности, которую мне и моим коллегам по спец. Комиссии удалось установить с АН. С неизменным уважением В. Алексеев».

31. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 9. П. 114а. Д. 1. Л. 153.
32. Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 469.
33. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 10–11.
34. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 659.
35. Там же. С. 775. О С. Н. Беленьком см.: *Панцов А.В.* Указ. соч. С. 240, 246, 406.
36. Там же. С. 877–893.
37. Там же. С. 887–889.
38. Там же. Док. № 399. С. 657.
39. Там же. Док. № 255.
40. Глава китайской делегации на переговорах с советской стороной о военных поставках.
41. Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения. Т. IV: 1937–1945. Кн. 1: 1937–1945. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 88–89.
42. Очерки истории Министерства иностранных дел. Т. 2: 1917–2002. М.: Олма Пресс, 2002. С. 199.
43. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 321. Л. 16–19. (Подлинник. Машинописный экземпляр).
Опубликован: Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения... С. 136.
44. *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука; Главная редакция Восточной литературы, 1970. С. 127.
45. Там же. С. 127–128, 130–131.
46. Работа научно-исследовательского Института по Китаю за 1928 г. // Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 470–471.
47. Возвратившись в конце 1927 г. из Ханькоу, где он работал в штабе Блюхера, в Москву, Марк Исаакович поступил на работу в НИИ по Китаю. *Казанин М.И.* Избранное / отв. ред. В.С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 22.
48. Там же. С. 23.
49. Работа научно-исследовательского Института по Китаю за 1928 г... С. 469.
50. Дауэс Чарльз Гейтс (1865–1951) — американский политический и государственный деятель, вице-президент США от Республиканской партии в 1925–1929 гг., банкир, Нобелевский лауреат премии мира в 1925 г. В 1925–1929 гг. возглавлял международный комитет экспертов, работавший так называемый «План Дауэса», предусматривавший предоставление Германии займов и кредитов для восстановления ее военно-промышленного потенциала. План был утвержден державами-победительницами 16 августа 1924 г.
51. Статья опубликована 25 мая 1929 г., автор не мог знать, что 24 октября того же года в связи с крахом Нью-Йоркской фондовой биржи начнется Великая депрессия и мировой экономический кризис (1929–1933 гг.).
52. К этому абзацу дана ссылка: China Weekly Review? 30/III. Прочитированный отрывок занимает половину журнальной страницы. Вся статья — две с половиной страницы машинописного текста. Далее следует статья «Англия в Китае».
53. После подавления революции 1925–1927 гг. созданная в 1921 г. Коммунистическая партия Китая продолжала борьбу. Была создана Красная армия Китая, успешно сопротивлявшаяся го-миньдановским войскам. В апреле—сентябре 1930 г. войска Красной армии Китая создали Центральную революционную базу в провинции Цзянси.
54. Сноска в статье: Анти-большевистская организация.
55. Его портрет и биографию см.: *Никифоров В.Н.* Указ. соч. С. 141–144.
56. Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 469–477.
57. *Штейн В.М.* Очерки финансового кризиса в Китае / ред. Научно-исслед. ин-т по Китаю; предисл. Г.Я. Сокольников. М.: Гиз, 1928. 350 с.
58. *Гань Най-гуан.* Теория и практика суньятсенизма. М.: Изд. Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, 1928. 64 с.
59. Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 470.
60. Там же. С. 474.
61. О Петре Емельяновиче Скачкове см.: И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М.: Вост. лит., 1993.
62. Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения... Т. III: сентябрь 1931 — сентябрь 1937 г. М., 2010. С. 373–374.

63. Там же. С. 161.
64. Советы в Китае. Сборник материалов и документов. М.: Партийное издательство, 1933. С. V—VI.
65. См.: Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт. Московский институт востоковедения. МГИМО. М.: Аспект пресс, 2015. С. 253, 349–352. Автор данной статьи — выпускник этого института.
66. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 759, л. 76–78.
67. Там же. Л. 75.
68. Совет Народных Комиссаров.
69. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 39. Л. 177–180. Резолюции расшифрованы мною не полностью. — *В.М.*
70. Послание Иакова. 1: 19–20.

История

Антикитайская акция НКВД СССР периода «большого террора» в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий

© 2018

Н.А. Потапова

Статья посвящена массовым репрессиям против китайского населения Дальневосточного края в 1937–1938 гг. Автор рассматривает так называемые китайские операции в контексте «национальных» операций «большого террора», а именно «харбинской» акции, начатой согласно приказу НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. и направленной на противодействие «японскому шпионажу» в СССР. На основании анализа протокольных решений внесудебных инстанций и сводных отчетов НКВД СССР делается вывод, что почти треть всех осужденных по «харбинской» линии приходится на дальневосточных китайцев. Следствием крупномасштабной репрессивной акции стало существенное сокращение китайской диаспоры в стране.

Ключевые слова: «большой террор», «национальные» операции, «харбинская» линия, китайцы, Дальний Восток.

Массовая миграция китайского населения в Российскую империю обозначилась в последней четверти XIX века. На протяжении всего этого времени периоды терпимого отношения к китайцам сменялись разного рода преследованиями. Однако наиболее масштабную акцию против представителей этой национальности с целью уменьшения ее численности в стране органы НКВД СССР провели в годы «большого террора». Главный удар репрессий пришелся на Дальний Восток, где проживала крупнейшая китайская община в СССР. Согласно переписи населения 1937 г., здесь насчитывалось 24, 5 тыс. человек, то есть 64% от общей численности диаспоры в стране¹.

В историографии вопросу репрессий в отношении китайцев на Дальнем Востоке посвящено несколько монографий. Среди них исследования В.Г. Дацышена², Е.Н. Чернолуцкой³, О.В. Залесской⁴. Авторы весьма ограниченно использовали материалы ведомственных архивов, так как до 2012 г. документы НКВД 1937–1938 гг. были не рассекречены. Только Е.Н. Чернолуцкая оперировала данными, полученными в результате ознакомления с архивно-следственными делами сотрудников УНКВД по ДВК.

Потапова Наталья Анатольевна, аспирант кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета.
E-mail: skna17talya@mail.ru.

Несмотря на ограниченность источников, исследователям удалось установить, что в годы «большого террора» в Дальневосточном крае проводились массовые карательные акции против китайского населения, которые были названы историками, вслед за сотрудниками УНКВД по Дальневосточному краю, как китайские операции. Однако масштаб репрессий до сих пор не определен, а также авторы не смогли показать взаимосвязь «национальных» операций июля 1937 — ноября 1938 г. с так называемыми китайскими операциями на Дальнем Востоке.

Для написания данной статьи автором были использованы протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойки) по приказу № 00593 и приложения к ним («альбомы»), хранящиеся в архивах ФСБ (бывших КГБ). По истечению 75-летнего срока давности историки получили доступ к ведомственным материалам НКВД.

Массовым репрессиям против «националов», в том числе китайцев, предшествовала длительная подготовительная работа, которая заключалась в осуществлении учета всех иностранцев, а после февральско-мартовского Пленума 1937 г. началась кампания по их вытеснению из страны. Так, июньская ориентировка 1933 г. заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР Я.С. Агранова определила китайцев, наряду со служащими КВЖД и российскими эмигрантами в Китае, как «японских шпионов», предписав подвергать их тотальному учету⁵. В марте 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) запретило продлевать иностранцам виды на жительство, а с августа 1937 г. с выходом циркуляра «Об иностранцах» начались аресты «при наличии компрометирующих данных». Параллельно нарком внутренних дел Н.И. Ежов начинает «польскую» операцию, которая запускает не только «национальные» карательные акции в СССР, но и вводит новый в практике ОГПУ-НКВД порядок осуждения. Главная задача «линейных» операций подавалась как «борьба с диверсионно-повстанческими и шпионскими кадрами разведок капиталистических стран», то есть с «пятой колонной». Следует отметить, что с началом «кулацкой» операции (№ 00447) и серии «национальных» репрессий террор в СССР стал Большим.

Для противодействия «японскому шпионажу» 20 сентября 1937 г. были изданы приказ НКВД СССР № 00593 и закрытое письмо к нему № 60268 «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев». Оперативные документы дали старт карательной акции против бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая⁶, но фактически арестам подверглись все, кто имел «связь с японским государством». Уже на начальном этапе проведения репрессий по приказу № 00593 представителей китайской диаспоры задерживали как «японских шпионов», однако аресты не носили массового характера⁷. К зиме 1938 г., согласно данным НКВД СССР, по «харбинской» операции было осуждено 1178 лиц китайской национальности, что составило 6,5% от общего числа репрессированных (18 098 человек)⁸. Представителей диаспоры осуждали в рамках приказа № 00593 в РСФСР, Казахской⁹, Украинской¹⁰, Грузинской¹¹, Армянской ССР¹² и других республиках Советского Союза, то есть включение данной этнической группы в рамки приказа № 00593 было общесоюзной тенденцией, а не региональной особенностью. «Харбинскую» операцию следует рассматривать как сложноорганизованную репрессию, в которой сотрудники НКВД (УНКВД) выделяли несколько линий: харбинская (бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая), китайская, корейская, уйгурская и др.

На Дальнем Востоке, где китайская община была особенно многочисленна, репрессии были усилены дополнительными директивами НКВД СССР. В конце 1937 г. здесь начались так называемые китайские операции. В конце декабря 1937 г. начальник УНКВД по ДВК Г.С. Люшков (впоследствии бежавший в Маньчжоу-Го и активно сотрудничавший с японской разведкой) получил указания из Москвы об аресте всех китайцев, «проявляющих провокационные действия или террористические намерения»¹³. Согласно декабрьским директивам НКВД СССР для ДВК новый порядок рассмотрения дел отличался от алгоритма принятия решений по «национальным» операциям. Приго-

воры в отношении советских китайцев, «изобличенных в антисоветской, шпионской, контрабандистской деятельности и активных уголовников», выносила внесудебная инстанция — тройка, которая в это время занималась «кулацкой» операцией. Дела на подданных Китая рассматривались в судебном порядке с последующим выселением из Советского Союза. Решения касательно «бездокументных» выносил суд, с запрещением проживания в ДВК, Читинской и Иркутской областях. Предполагалось, что репрессии против китайцев на Дальнем Востоке станут отдельной линией в рамках «национальных» операций, целью которой было форсированное уничтожение многочисленной китайской диаспоры в СССР.

Основной удар террора пришелся на Приморскую область, где в ночь с 29 на 30 декабря 1937 г. было задержано 853 человека¹⁴. Аресты проходили на основании имеющихся у сотрудников УНКВД по ДВК учетных справок, которые собирались с 1933 г. Согласно предписаниям наркома внутренних дел Н.И. Ежова к первому января 1938 г. все карательные акции должны были закончиться, то есть «китайские операции» были проведены на завершающем этапе массовых карательных операций. Однако 31 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) продлило массовые операции до 15 апреля 1938 г., указав среди перечисленных этносов, подпадавших под репрессии, китайцев. При этом в постановлении отмечалось, что дела на арестованных «националов» вне зависимости от их подданства отправлять на утверждение внесудебным инстанциям. К этому времени к таковым относились Комиссия НКВД и Прокурора СССР, которая выносила приговоры по «национальным» операциям, и тройка, разбирающая дела по приказу № 00447¹⁵. По факту январское постановление отменяло декабрьские директивы НКВД СССР для ДВК и вписывало так называемые китайские операции на Дальнем Востоке в продолжающиеся «национальные» акции. Это доказывает и телеграмма Н.И. Ежова от 01.02.1938 г., адресованная всем наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД, начальникам ДТО ГУГБ НКВД и начальникам 3, 4, 5, 6 и 11 отделов ГУГБ НКВД. Она предписывала начать карательные акции против финнов, эстонцев, румын, китайцев, болгар, македонцев, сохранив установленный приказом № 00485 («польская» операция) внесудебный порядок рассмотрения дел¹⁶. Следует отметить, что в феврале 1938 г. вышел еще ряд дополнительных директив и постановлений НКВД, содержание которых дублировало вышеназванные оперативные документы (январское постановление «О перебежчиках», февральское — «О запретной пограничной зоне и пограничном режиме» и другие). В целом, за период массовых репрессий 1937–1938 гг. Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД СССР подписали ряд документов, повторяющих смысл уже действующих приказов. Их задача заключалась в активизации и усилении идущих репрессий.

На основании новых постановлений 22 февраля и 28–31 марта сотрудники УНКВД по Дальневосточному краю провели еще две облавы на китайцев, в ходе которых только в Приморской области было арестовано 2005 и 3082 человека соответственно. Всего к апрелю 1938 г. в Приморье было задержано 5993 человека, в Амурской области — 1350 человек, а в целом, по данным Люшкова, к апрелю 1938 г. сотрудники УНКВД по ДВК арестовали около 11 тыс. человек¹⁷.

К середине весны 1938 г. следственные мероприятия в отношении арестованных китайцев были завершены. Архивно-следственные дела однотипны. Следователь выяснял время и причины прибытия в СССР. Затем арестованному инкриминировали участие в японских центрах и организациях, членом которых он являлся в период пребывания в Китае. В ходе допроса выяснялись обстоятельства «вербовки» и переезда в СССР, назывались лица, вовлеченные в «агентурную деятельность», китайцев обвиняли в поджогах мостов, вредительстве в сельском хозяйстве, порче железнодорожного полотна и т.д. Следователь подписывал обвинительное заключение и он же распределял арестованных по первой (ВМН) и второй (ИТЛ) категориям, то есть, по факту, выносил приговор. На основании законченных следственных дел в регионах Дальнего Востока составлялись

справки, с указанием кратких анкетных данных, суть обвинения и предложенной следователем мерой наказания (расстрел или заключение в лагерь). Далее справки сшивались в «альбом» и отправлялись в Хабаровск на утверждение Г.С. Люшкова. С 27 апреля по 19 мая 1938 г. порядка 40 китайских «альбомов» по первой категории, заверенных начальником УНКВД по ДВК и заместителем прокурора П.З. Звягиным, были отправлены на рассмотрение внесудебного органа Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойка) в Москву. Двойка в составе наркома внутренних дел Н.И. Ежова и прокурора СССР А.Я. Вышинского была создана еще в начале августа 1937 г. для упрощения и ускорения принятия решений в отношении «инонационалов». В сопроводительных записках к «альбомам» указывалось, что арестованные подлежат осуждению согласно приказу НКВД СССР № 233 от 01.02.1938 г. или приказу № 00485 по китайской операции, то есть имелась в виду не «польская» линия, а порядок осуждения, предписанный «польским» приказом, то есть «альбомный». Соответственно, сами дальневосточные чекисты не вписывали китайцев в рамки «харбинской» репрессии, так как к этому времени в Москву на рассмотрение Комиссии НКВД и Прокурора СССР ушло несколько списков именно по приказу № 00593. Проведя массовые антикитайские карательные акции, в результате которых было арестовано несколько тысяч китайцев, сотрудники УНКВД по ДВК столкнулись с тем, что отдельного приказа, как в случае с польской, немецкой, греческой, иранской операциями, так и не было издано. Кроме того, массовые директивы, спускаемые из Москвы, противоречили друг другу. Так, декабрьская инструкция предписывала передавать дела на китайских перебежчиков (нелегалов) на рассмотрение «кулацкой» тройки, а ряд январских — уже Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Поэтому на основании спущенных сверху директив чекисты выстраивали «китайскую» операцию как одну из серии «национальных» карательных акций, проводимых в «альбомном» порядке.

В период «большого террора» региональные НКВД (УНКВД) имели широкие репрессивные полномочия, хотя центральный аппарат НКВД выполнял контролирующие функции. Отсутствие четких инструкций и лимитов на аресты, а также желание начальника УНКВД по ДВК Люшкова выслужиться перед руководством страны, предопределили массовые репрессии в отношении китайцев. В Москве Комиссия НКВД и Прокурора СССР рассмотрела дальневосточные «альбомы» еще летом 1938 г., отнеся их не к «китайской» операции, как предписывал Люшков, а к «харбинской». Однако утвержденные протоколы не были отправлены в ДВК. Вероятно, такая задержка связана с бегством в июне 1938 г. начальника УНКВД ДВК Люшкова в Японию. Возможно, причины отказа выделить «китайскую» операцию в отдельную линию, как предлагал главный организатор репрессий с «японскими шпионами», заключалась именно в его бегстве за границу и дальнейшем сотрудничестве с Японией. Начальник НКВД СССР Н.И. Ежов, опасаясь за свою жизнь, не осмелился летом 1938 г. отчитываться по «китайской» операции, проведенной японским шпионом, темпы арестов которой могли сравниться только с «польской» (в дальнейшем побег Люшкова использовали как одну из причин для отстранения Н.И. Ежова). Повторно к протоколам вернулись в сентябре 1938 г., когда в Москве форсированно разбирали накопившиеся справки со всех регионов СССР. Поэтому на всех выявленных протоколах по китайцам по приказу № 00593 даты были изменены на 2 и 5 сентября 1938 г. За два дня Комиссия НКВД и Прокурора СССР подписала приговоры 8 998 человек, из них 4125 человек были приговорены к расстрелу, а 4480 человек к различным срокам ИТЛ. Горькая ирония состояла в том, что приведенные в исполнение приговоры в отношении китайцев, которых репрессировали по обвинению в «японском шпионаже», подписал реальный агент японской разведки.

Согласно отчету НКВД СССР, подготовленному к середине ноября 1938 г., по «харбинской» операции в ДВК было репрессировано 11 780 человек¹⁸, однако по протоколам удалось обнаружить только 9722 человека, при этом только 724 человека были служащими КВЖД или реэмигрантами из Китая, все остальные — китайцы. 18

протоколов, рассмотренных Комиссией НКВД и Прокурора СССР 2 и 5 сентября 1938 г. на 2058 человек, не были обнаружены, однако они вошли в итоговый отчет ноября 1938 г. На основании данных Люшкова о количестве репрессированных китайцев на Дальнем Востоке (табл. 1), а также итогового отчета 1938 г., можно предположить, что именно 11 тыс. лиц китайской национальности были арестованы и осуждены в период «большого террора» на Дальнем Востоке. Всего к ноябрю 1938 г. в рамках «харбинской» линии было осуждено 35 561 человек, то есть доля репрессированных китайцев по приказу № 00593 составила 31%.

Таблица 1

Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 НКВД СССР

№№	Дата	Всего	ВМН	10	8	5	3	Выслать из СССР	Выслать в КазССР	Прочее
510	02.09.1938	365	362	2						1 надзор
511	02.09.1938	124	116	8						
525	02.09.1938	329	92	140	85	4		8		
526	02.09.1938	517	255	224	30				8	
527	02.09.1938	592	183	401					8	
528	02.09.1938	125	98	27						
529	02.09.1938	409	136	203				70		
530	02.09.1938	297	90	203				4		
531	02.09.1938	400	173	154				71	1	1 доследовать
532	02.09.1938	451	351	79				21		
533	02.09.1938	369	133	223				4	1	8 ВКВС
534	02.09.1938	439	75	357				7		
536	05.09.1938	200	170	30						
537	05.09.1938	90	21	60				9		
538	05.09.1938	344	210	134						
540	05.09.1938	260	35	215				10		
541	05.09.1938	493	346	78	16	8		44		1 освободить
542	05.09.1938	505	120	266	83	11		25		
544	05.09.1938	799	688	111						
547	05.09.1938	398	345	53						
549	05.09.1938	326	54	216	40			16		
551	05.09.1938	181	71	81	12			17		
552	05.09.1938	570		36	466	46	1	21		
553	05.09.1938	415	1	286	80	11		37		
Итого		8998	4125	3587	812	80	1	364	18	

Составлено по: протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 // УФСБ по Омской области. Ф. 6.

Следует отметить, что утвержденные Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговоры в отношении китайцев сравнительно «мягки». Только 46% арестованных

подверглись расстрелу, в то время как по другим регионам страны к ВМН приговаривали в 100% случаях. Так, в протоколе от 02.09.1938 г. по Красноярскому краю на 481 человека (271 — китайцы) решения о смертной казни были вынесены всем перечисленным в нем лицам¹⁹. В «альбомах» около 70% арестованных предлагалось провести по первой категории, однако в столице решения были пересмотрены. Это являлось исключением. Комиссия НКВД и Прокурора СССР изменяла приговоры, предложенные регионами, но очень редко. Как нам представляется, степень жестокости определялась гражданством, именно поэтому его обязательно указывали в «альбомных» справках среди прочих анкетных данных. Как правило, подданных Китая осуждали к лагерному заключению или высылке, а лиц без гражданства — к расстрелу. Эта тенденция сохранялась для всех регионов СССР.

Частью этнических чисток, помимо арестов и осуждений, стала акция по депортации китайцев с Дальнего Востока. Только в рамках «харбинской» операции за пределы СССР выселили 364 человека, еще 18 человек отправили в Казахстан²⁰. Также в ходе «национальных» операций 1937–1938 гг. к членам диаспоры применяли насильственное переселение из приграничных районов в Узбекистан, Кур-Урмийский район Хабаровского края и некоторые другие регионы страны, где их повторно подвергали репрессиям как «японских шпионов». Кроме того, более 7 тыс. человек были переселены в Синьцзян²¹. В целом после репрессий, депортаций и ссылок Дальний Восток перестал быть основным районом проживания китайцев в РСФСР (численность сократилась с 24,6 тыс. до 5,5 тыс.)²², внутри региона произошло перераспределение китайского населения из Приморья в Хабаровский край.

Таким образом, так называемые китайские операции, проводившиеся УНКВД по ДВК как самостоятельные акции против потенциальных врагов государства, по инициативе Центрального аппарата НКВД СССР были включены в рамки одной из главных в статистике НКВД СССР массовых операций — «харбинской». Этот факт еще раз указывает на широкие полномочия региональных чекистов во время массовых репрессий 1937–1938 гг. Однако окончательные решения выносились в Москве. Противодействие нелегальному переходу советско-китайской границы, а также очищение дальневосточных территорий от китайского заселения стали основаниями для массовых чисток Дальнего Востока. Особенностью репрессий в отношении китайского населения в Дальневосточном крае стала их массовость, сравнительная мягкость выносимых приговоров, темпы их проведения. По факту, за три—пять дней было арестовано около 11 тыс. человек. Основная задача по очищению дальневосточного региона от китайского присутствия в ходе «большого террора» была решена. «Харбинская» операция на Дальнем Востоке заняла 1-е место в статистике «национальных» операций из-за осуждений лиц китайской национальности, хотя в общесоюзном масштабе по численности жертв репрессий данная линия стала третьей после «польской» и «немецкой».

1. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Ин-т истории АН СССР, 1991. С. 106.
2. *Дацзышен В.Г.* Китайцы в Сибири XVII—XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2008. 327 с.
3. *Чернолуцкая Е.Н.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 133–145.
4. *Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1933 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. 390 с.
5. ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 275. Л. 1–21.

6. См. подробнее: *Потапова Н.А.* «Харбинская» операция в Украине (сентябрь 1937 — ноябрь 1938 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов Всероссийской молодежной науч. школы-конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ; Институт истории СО РАН, 2017. С. 209–220.
7. См. подробнее: *Потапова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 75–80.
8. ЦА ФСБ. Ф. 8-ос. О. 1. пор. 70. Л. 33–35.
9. УФСБ по Омской области. Ф. 6. пор. 9836, 9838, 9840, 9868.
10. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 9. Д. 10.
11. Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92.
12. Национальный архив Республики Армения (НАРА). Ф. 1191. Оп. 19. Д. 50.
13. Сталинские депортации. 1928–1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: Материк, 2005. С. 101–104.
14. *Черналуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 259.
15. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2004. С. 468–469.
16. ОГА СБУ. Ф. 16. О. 31 (1951 г.). Д. 59. Л. 46–47.
17. *Люшков Г.С.* Я критикую социализм // *Gehkan Roshia. Tokio*, 1939. № 5.
18. ЦА ФСБ. Ф. 8-ос. О. 1. пор. 70. Л. 30.
19. Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 29 Д. 43.
20. Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 // УФСБ по Омской области. Ф. 6.
21. *Дацышен В.Г.* Политические репрессии и китайцы в СССР. URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (дата обращения: 11.01.2018).
22. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1992. С. 151.

Культура

Сахалин и Курильские острова в литературном наследии русских священников конца XIX — начала XX века

© 2018

Е.А. Иконникова

В статье описан образ Сахалина и Курильских островов в наследии русских православных священников — святителя Николая Японского (Ивана Касаткина), архимандрита Сергия (Ивана Страгородского) и епископа Сергия (Георгия Тихомирова). В письмах, дневниках и иных литературных жанрах священники конца XIX — начала XX века рассказывали о дальневосточных рубежах Российской империи, об этнографии коренных народов региона, об успехах и неудачах православной миссии на островах и многом другом. Литературное наследие православных священников — одна из частей исторических, этнографических, филологических и культурологических знаний об Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Ключевые слова:* Сахалин, Курильские острова, Япония, православная миссия, литературное наследие, дневник, письмо.

Русские священники на Дальнем Востоке

Сахалин и Курильские острова привлекали к себе внимание не только отечественных путешественников и мореплавателей, но и представителей Русской православной церкви. Наиболее остро этот интерес обозначился в конце XIX — начале XX века. К тому времени в Российской империи уже существовало большое количество миссионерских отделов, как внутренних (рассчитанных на духовное просвещение народов Сибири и Дальнего Востока), так и внешних (распространявших свою деятельность за рубежом, например, в Китае, Корее или Японии). В традиционную программу жизни миссионеров входило детальное изучение культуры и этнографии того народа, в среде которого осуществлялось духовное просвещение. Именно поэтому православные миссионеры внесли свой вклад в описание Сахалина и Курильских островов в литературе (чаще всего в дневниковой прозе, мемуарных записях или письмах). В ряду священнослужителей Русской православной церкви второй половины XIX — начала XX века, авторов разных литературных работ о Сахалине и Курильских островах, можно назвать, прежде всего, Николая Японского, архимандрита Сергия, епископа Сергия — их наследие имеет не только рос-

сийский, но и международный резонанс. В то время как работы собственно сахалинских священников и епархиальных деятелей: Алексея Троицкого, Александра Городного, Андрея Шастина, Алексея Кукольщикова, Алексея Разумовского и других¹ в большей степени обладают собственно региональной спецификой.

Святитель Николай Японский о Сахалине как о каторге

Выдающийся миссионер конца XIX — начала XX века, почитаемый не только в России, но и за рубежом, святитель Николай Японский (Дмитрий Иванович Касаткин, 1836–1912) в своих работах: «И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате» (1868), «Дневники» (1870–1911) и др. неоднократно упоминал Сахалин и Курильские острова как место, где разыгрываются разного рода исторические события на Дальнем Востоке. Вместе с этим святитель Николай Японский был озабочен уровнем духовной культуры айнов, коренных жителей Курильских островов.

В июне 1861 г. иеромонах Николай впервые посетил Сахалин в составе экипажа парохода «Америка». На острове иеромонахом был освящен пост Кусюнной (Ильинский пост), а в августе–октябре 1898 г. святитель Николай совместно с архимандритом Сергием (Страгородским) совершил миссионерскую поездку по Курильским островам.

Позже в статье «И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате»² (15 июля 1868, Хакодате) святитель Николай информировал русское общество о миссионерском движении в Японии и вызванном этим фактом недовольстве правительства. В довершение своего рассказа автор обращал внимание читателей на то, что тысяча христиан взята на особый учет полицией: «Пятьдесят из них, в острастку другим, правительство грозит сослать на Сахалин в каменноугольные копи, существующие, впрочем, пока только в соображениях здешних администраторов»³. В самом финале своего письма святитель Николай вновь вставил реплику о негласном запрещении в Японии распространения христианской веры. «Конечно, — писал он, — милосердное правительство не будет отнимать за это преступление (принятие христианской веры) жизни у граждан, но "... на Сахалин, копать уголь" и проч. сказано в официальных предостережениях, сделанных некоторым лицам письменно, некоторым словесно»⁴.

Небезынтересно, что это эпизодическое употребление топонима «Сахалин» в контексте слов «сослать», «каменноугольные копи» и «преступление» — было использовано в письме священника многим ранее, чем каторжный остров стал широко известен по рассказу В.Г. Короленко «Соколинец» (1885), произведениям В.М. Станюковича «Из-за пустяков» (1881) и «Ужасный день» (1893), и, конечно же, по путевым запискам А.П. Чехова «Остров Сахалин» (1895). И разумеется, реплики святителя Николая о Сахалине как особом месте наказания, месте искупления за преступление максимально точно могли быть поняты лишь ограниченной читательской аудиторией (а таковой, в первую очередь, была именно социальная группа русских православных священников, которым и было адресовано письмо «И в Японии жатва многа...»). Определение того, что Сахалин может стать местом ссылки нарушителей религиозных правил («соображениях» японских «администраторов», могло также вызвать череду вопросов у русских патриотов.

Сахалин и Курильские острова в «Дневниках»

Одной из широко известных работ представителей русской православной церкви о Дальнем Востоке считаются «Дневники» (1870–1905) святителя Николая Японского. В дневниковом повествовании святителя, в отличие от книг путешественников и мореплавателей, делается акцент прежде всего на уровне духовной и материальной культуры православной паствы, проживавшей на Курильских островах в начале XX века. Появление в тексте «Дневников» топонимов, связанных с российской частью Дальнего Востока, остро обозначается во второй половине 1903 г., накануне ключевых событий Русско-

японской войны. Так, например, частые упоминания Курильских островов возникают в контексте описания деятельности японского священника Романа Фукуи (Фукуи Хисаси, 1858–1938): «Отец Роман Фукуи пишет, что не мог отправиться на военном судне для посещения христиан-курильцев (с Сикотана) — судно замешкалось, он не мог бы поспеть сюда на Собор. Пишет еще, что начальником Сикотана назначен чиновник, у которого жена наша христианка и двое детей крещены; это для христиан Сикотана очень хорошо (10 [23] июня 1903, вторник)»⁵. Каждое замечание о духовном подвижничестве отца Романа Фукуи предстает в виде лаконичных историй, магистральной мыслью которых становится необходимость дальнейшего просвещения и укрепления в христианской вере коренных жителей Курильских островов.

Сахалинская тематика «Дневников» святителя Николая соотносится и с именами конкретных людей, волею судьбы оказавшихся на территории православной миссии в Японии. Приведем один из фрагментов, в котором описывается появление в миссии Х.П. Бирича (1857–1923) и членов его семьи.

«Утром, во время перевода, подали карточку: “Хрисанф Платонович Бирич. Усуро, о. Сахалин”. Приехал с тремя детьми: Емилиєю, 12 л., Сергеем, 9 л., Павлом, 8 л. Первую я уже знаю: мать в это же время в прошлом году привезла сюда определить в Католическую французскую школу и была у меня; а Емилия говела у нас и встречала Пасху. Теперь отец вместе с нею привез и малышей своих в ту же французскую школу католических монахинь. Он богатый рыбопромышленник; у него по найму работают, по рыбной ловле и приготовлению из рыбы “кояси” — удобрения для продажи японцам, больше 700 японцев и больше 100 русских.

— Отчего же вы не отправите детей в какое-нибудь хорошее русское учебное заведение? — спрашиваю.

Объясняет, тут же при детях, что он из ссыльных: бывший офицер, за дисциплинарное преступление в 1884 г. был сослан на Сахалин на 3 года, по истечении которых остался здесь поселенцем; так бонтятся, что детей его в русской школе жестокие русские воспитанники будут корить тем, что они дети ссыльного, и тем отравляют их существование. К тому же хочется ему, чтобы дети усвоили французский язык, хотя сам же видит, как это ненадежно в таком возрасте: дочь в бытность дома, во время каникул, уже стала забывать по-французски (тогда как здесь, когда говела, затруднялась говорить по-русски). — Обещал я брать в Миссию детей на большие праздники, если не будут брать их в Посольство, как прежде Емилию, на воскресные Богослужения.

Он скромно предложил пожертвование на Миссию — 100 ен, как и жена его в прошлом году пожертвовала 50 (25 августа [7 сентября] 1903, понедельник)»⁶.

Новое упоминание о Х.П. Бириче содержится в тексте, датированном годом позднее — 17 [30] ноября 1905 года: «Был из Хиросаки военнопленный Хрисанф Платонович Бирич, работопромышленник на Сахалине, во время же войны начальник вольной дружины. Рассказывал про такие жестокости японцев, что в ужас приходишь. Не было тогда иностранных корреспондентов, не перед кем было роль гуманных разыгрывать, потому показали себя в своем натуральном виде: массы мирных жителей избивали безо всяких причин, женщин насиловали, других женщин и детей рубили и расстреливали, также как мужчин; русских каторжников множество и массами расстреливали, под предлогом, что «этот народ, мол, ни к чему не годный», даже умалишенных больных вытаскивали из госпиталя и расстреляли; а другие массы каторжников, как скотов, перевезли в Декастри и бросили без пищи...»⁷.

Отдельное место в дневниковом повествовании занимает и описание знакомства с губернатором Сахалина с 1898 по 1905 г. М.Н. Ляпуновым (1848–1909)⁸: «Был из Сендая военнопленный военный губернатор Сахалина генерал-лейтенант Михаил Николаевич Ляпунов с одним из своих адъютантов. Много грустного рассказал он про наше административное неустройство, как все его представления в Петербург оставались без

всякого исполнения, как его оставили без войска — на всем Сахалине было только 15 тысяч, и прочее; в заключение чуть не заплакал, говоря: “И вот я взят в плен, арестант”. А адъютант рассказал про чудовищную жестокость японцев: отряд в 130 человек русских отдался в плен им, и они, связавши всем руки, вывели их на поляну, вырыли могилу и всех до единого изрубил, двух офицеров даже с истязанием, и зарыли в землю. Один русский солдат, скрытно следуя за отрядом, все это видел и ныне, будучи в плену, рассказал Ляпунову, которым составлен протокол, имеющий быть обнародованным после плена (8 [21] ноября 1905, вторник)»⁹.

Новое упоминание о М. Н. Ляпунове возникает несколькими днями спустя. Святитель Николай писал, что для отправляющихся в Россию военнопленных был отслужен на судне напутствующий молебен: «Отъезжают на этом пароходе “Воронеж” генерал-лейтенант Ляпунов, военный губернатор Сахалина, и другие офицеры, содержавшиеся в Сендае... (16 [29] ноября 1905, среда)»¹⁰.

Святитель Николай о Русско-японской войне

Яркими страницами «Дневников» становятся описания святителем Николаем Русско-японской войны и поражения в ней России. Святитель Николай оценивает итоги войны одновременно как патриот, который печалится и негодует по поводу страданий, выпавших на долю его соотечественников, и как священник, принимающий все происходящее как жизненную данность.

На страницах дневников святителя Николая присутствуют исторические неточности относительно результатов Русско-японской войны. Характер неверных высказываний святителя Николая относительно политических решений России и Японии обусловлен односторонней информационной блокадой, в которой пребывал автор «Дневников». В силу сложившихся обстоятельств святитель Николай черпал сведения о военных событиях не из отечественных газет и журналов, а исключительно из японских или симпатизирующих Японии английских изданий.

Находят место в «Дневниках» святителя Николая и те события Русско-японской войны, которые сопряжены с упоминанием территорий Российской империи. Так, в записи от 30 июня [13 июля] 1904 г. со ссылкой на газету Japan Daily Mail, святитель Николай сообщал следующее: «Японские полковники уже решили приказом войны иметь Маньчжурию, Владивосток со всею его областью, часть Сибири, Камчатку, Сахалин. В Тояма уже образовалось общество для эксплуатации разбитых промыслов на Сахалине, по занятии его Японией»¹¹. А спустя неделю, в праздник Преображения Господня в «Дневниках» появляется новая запись, связанная с цитатами из японских газет: «Маньчжурия возвращена Китаю, Порт-Артур и Дальний сделались японскими; японцы, кроме того, взяли себе: Сахалин, Камчатку, Сибирь до Енисея; проведенная Россией маньчжурская железная дорога, конечно, сделалась японскою; сверх всего этого, японцы взяли с России контрибуции тысячу миллионов рублей да еще хвалятся, что все это весьма скромно и умерено (6 [19] августа 1904, пятница)»¹².

Ровно через год в «Дневниках» прозвучали более эмоциональные формулировки, в которых святитель Николай выражал свое крайнее негодование в связи с итогами Русско-японской войны для России. Так, 18 [31] июля 1905 г. в тексте появилась такая запись: «... к позору присоединилась новая клякса на лицо России: Сахалин забирают японцы по частям; нигде, конечно, нет им сопротивления по малочисленности нашей. Кладут японцы наше сокровище себе в карман; уже рассчитали, что одного каменного угля у них на Сахалине теперь на 500 миллионов; а пленных русских — чиновников с женами и детьми привозят сюда и сдают французским консулам, военных забирают в плен и расселяют по колониям русских военнопленных здесь. Впрочем, в Хиросаки от-

крыли для сахалинцев новую колонию, поселили там офицеров; нижних же чинов, около 500 человек прислали в Нарасино, поблизости от Токио»¹³.

Июльские и августовские события 1905 г. в «Дневниках» сопряжены с фрагментарными эпизодами о военнопленных с Сахалина: «Сахалин все более и более прячется в карман Японии. Да они уже и Владивосток обложили. В Де-Кастри войска высадили... А внутри России революция. Пришла великая беда на Россию! Знать она стоит того. Но, Господи, накажи и исправь! (20 июля [2 августа] 1905, среда)»¹⁴; «Отец Борис Ямамура, обозревая свои церкви, в Акита посетил наших военнопленных, помещенных там с Сахалина, и конфиденциально пишет мне, что он готов служить у них, также у помещенных в Хиросаки, но что в таком случае ему нужен диакон, знающий русский язык... (20 августа [2 сентября] 1905, суббота)»¹⁵. И это не единичные, а довольно частые обращения святителя Николая к фактам пребывания русских военнопленных в Японии. В контексте этого события часто упоминался и Сахалин, ставший одним из мест, где разыгрались действия Русско-японской войны.

Таким образом, в поле внимания святителя Николая Японского (прежде всего в «Дневниках») находились многие важные сведения, позволяющие сегодня реконструировать как жизни отдельных людей, так и разного рода исторические события, в которые были вовлечены Сахалин и Курильские острова конца XIX — начала XX века.

Курильские острова и берега Сахалина в восприятии архимандрита Сергия

Интересные воспоминания о посещениях Курильских островов были написаны архимандритом Сергием (Иван Николаевич Страгородский, 1867–1944), первый раз оказавшемся на Дальнем Востоке в 1890 г. Вторично архимандрит Сергей попал в Японию в 1897 г., написав по итогам путешествия книгу «По Японии (записки миссионера)». Архимандрит Сергей посетил Курильские острова, сопровождая в миссионерской поездке настоятеля Японской православной церкви святителя Николая Японского, документальный портрет которого воссоздан на страницах записок миссионера.

Первое издание книги архимандрита Сергия состоялось в городе Арзамасе в 1897 г. под общим названием «На Дальнем Востоке. Письма Японского миссионера». В 1899 г. впечатления священника от знакомства с Дальним Востоком были вторично опубликованы в «Богословском вестнике», на титульном листе которого значилось следующее — «По Японии (письма миссионерского путешественника)»¹⁶. Книга состоит из датированных рассказов (с 5 августа по 12 октября 1898 г.) о путешествии архимандрита Сергия по Японии. В общем содержании этих записок были представлены две части: «У православных Курильцев» и «Итуруп».

Внимание архимандрита Сергия сосредоточено на описании природных реалий и быта местных жителей. Но если жителей Курильских островов автор оценивал как священник (фиксируя духовные трагедии каждого из людей, с которыми он встречался), то природное богатство рассматривалось им по меркам среднестатистического россиянина, ищущего сходство и различие новых мест с его родным краем. По убеждению архимандрита Сергия, «большой и богатый остров» Хоккайдо многим напоминает Сибирь. Совпадения обозначены не только в природно-климатических условиях — общей «невозделанности», суровости климата, обилия «девственных лесов», но и в изобретениях цивилизации. «К довершению сходства с Сибирью, — писал автор, — здесь находятся главные японские тюрьмы, сюда с давних пор идет избыток населения старой Японии»¹⁷.

При изображении Курильских островов архимандрит Сергей обращал внимание на то, что, несмотря на природную оторванность островов от «большой» земли, местное население имело возможность совершения тех или иных православных обрядов. Принятие жителями Курильских островов православного вероисповедания состоялось несколь-

ко ранее того времени, как началась проповедь христианства Русской православной миссией в Японии. Основы христианского вероисповедания в Сибири и на Дальнем Востоке были заложены еще святителем Иннокентием¹⁸ (Иван Евсеевич Попов-Веннаминов, 1797–1879), и это замечал сам архимандрит Сергей, предваряя описание уровня духовной культуры современных ему жителей Курильских островов. Но кроме вопросов вероисповедания, архимандрита Сергия интересовала жизнь местного населения, взаимоотношения людей.

Немаловажным для архимандрита Сергия стало изображение природных условий на островах. «Часа через 4 ходу на горизонте, — отмечалось в записках, — ясно стала означаться остроконечная вершина, это и есть Сикотан... Берега очень круты, обрывисты, на горах трава, мелкие деревья. Снаружи не особенно приветливо, но вот откроется долинка, зеленая, веселая под лучами солнца, так и думается, что всегда и тепло, и уютно за серыми горами. Совсем нельзя подумать, что ясный денек здесь редкость, что здесь постоянно почти туманы, зимой стужа, летом сырость»¹⁹.

Несмотря на то что архимандрит Сергей и его спутники, святитель Николай и отец Игнатий (Като Кадзуэ), не могли планировать путешествие на Сахалин, тем не менее в путевых записках священника есть глава с общим названием «В виду Сахалина». При возвращении в Японию судно, на котором плыли священники, проходило у сахалинских берегов. «По ту сторону пролива, — писал архиепископ Сергей, — ясно виднелись горы Сахалина, до него всего тридцать верст»²⁰. По рассказам сведущих людей, как говорили автору записок, ежегодно с Сахалина перебирались на лодках арестанты, которые, пробыв у русского консула в Японии до удобного случая, через Владивосток уже под конвоем отправлялись на Сахалин.

В путевых записках миссионера можно усмотреть разрозненные описания жизнедеятельности людей и изображение тех мест Дальнего Востока, которые довелось увидеть архимандриту Сергию в последние годы XIX столетия. В основе книги архимандрита Сергия лежит не историческое описание Курильских островов, но прежде всего представление результатов миссионерской деятельности Русской православной церкви на Дальнем Востоке.

Сахалин в заметках епископа Сергия

Епископ Сергей (Георгий Алексеевич Тихомиров, 1871–1945) неоднократно публиковал свои работы о Японии и развитии православия в ней. Но из всех его работ особым образом выделяется небольшая книга — «На Южном Сахалине (из путевых заметок)» (1914). Епископ Сергей трижды побывал в южной части Сахалина, находящейся в то время под юрисдикцией Японии (1905–1945). Священнику удалось почти целиком обозреть южную часть Сахалина, о котором упоминали в своем литературном наследии святитель Николай Японский и архиепископ Сергей. Ценность путевых заметок епископа Сергия крайне высока. В своей работе миссионер приводил перечень сведений (исторических, социологических, лингвистических, религиозных, бытовых и др.) разного объема, создающий целостную картину первого десятилетия юрисдикции Японии на Сахалине.

В самом начале заметок, датированных августом 1909 г., епископ Сергей определял необходимость своей поездки на юг Сахалина следующим образом: «... разыскать русских <...>, удовлетворить их духовные нужды»²¹. Повторный приезд на Сахалин епископа Сергия пришелся на май 1910 г., а затем — на август 1911 г. Примечательной особенностью этих поездок стало то, что автор путевых заметок, встречаясь с представителями местной администрации, запечатлевал подробные портреты разных людей. Так, например, он описывал губернатора Хираоку Садатаро (1862–1942) — деда именитого японского писателя Мисима Юкио (1925–1970)²².

Большая часть наблюдений епископа Сергия стала документальным свидетельством того времени. За редким исключением в книге были названы подлинные имена и описаны истории, имевшие место в действительности. Священник, взявшись за перо, с точностью фиксировал название населенных пунктов, приводил расписание движения морских судов и поездов на Сахалине, существующие тарифы на перевозки, обследовал территории кладбищенских захоронений и другое.

В свое первое посещение Сахалина в 1909 г. на станции деревни Третья Падь епископ был окружен детьми, которые «приехали <...> с родителями с о-ва Сикотан (из группы Курильских)»²³. Косвенное подтверждение того, что встреченные епископом дети были айнами, можно найти в том, что они имели весьма скудный запас русских слов. Само же слово «айны» в этом фрагменте не было использовано, но встречалось несколько позже, когда епископ рассказывал о посещении в городе Маока (современное название — город Холмск Сахалинской области) русского кладбища и расположенного рядом с ним места захоронений айнов²⁴.

О сахалинских айнах епископ Сергей упоминал и в свой третий приезд на Южный Сахалин в 1911 г., когда посетил школу, организованную буддистским священником: «Мы в свое время и русских-то детей не обучили русской грамоте... Где уж нам было браться за айну!.. И оставались они “нетронутыми” со своей безграмотностью, со своими суевериями... А вот бонзы уже обучают деток айну японской грамоте... И скоро-скоро все айну заговорят по-японски... А раз учатся при кумирнях, да еще — у бонзы, безусловно, и замолятся по-японски, по-буддийски. Горький вывод... Но безошибочный!»²⁵ Одновременно с этим епископ Сергей допускал лаконичные комментарии и о сахалинских уйльта (которых епископ именовал ороконами).

Примечательно, что в это же самое время период просвещения святителем Николаем Японским жителей Курильских островов в православной вере частично был передан в книге Дмитрия Матвеевича Позднеева (1865–1937) «Архиепископ Николай Японский» (1912). Ученый уточнял, что японские православные священники оставили большое количество писем о бедственном положении церкви на Курильских островах и прежде всего на Шикотане. «Из северных церквей, — писал Д.М. Позднеев, — особенно любовью архиепископа Николая пользовались, и нам русским особенно интересно представляется маленькая община православных на острове Сикотан»²⁶. В книге Д.М. Позднеева, близко знавшего святителя Николая Японского, приводится почти анекдотический случай, когда несколько курильских айнов были привезены на Хонсю для знакомства с буддизмом. «Молодые люди, прибыв в Токно, — писал ученый, — заявили <...> православным христианам, что отказаться от даровой поездки по Японии им не хотелось, но что никто из сикотанских айну никогда не отступит от православия»²⁷.

Таким образом, если православная миссия для айнов была относительно успешна на Курильских островах, то на юге Сахалина она практически не могла иметь каких-то результаты.

В своих путевых заметках епископ Сергей упомянул имена многих русских людей православного вероисповедания, волею судьбы проживавших на территории южного Сахалина: Сергей Григорьевич Ел-ев, Никита Иванов, Устинья Елисеева и многие другие. Не обошел своим вниманием автор и то, что на южном Сахалине продолжали сохраняться многие следы русской архитектуры, явленные прежде всего в административных и хозяйственных постройках. Особого внимания и восторженных отзывов епископа Сергия удостоилось открытие в 1911 г. первого православного прихода на южном Сахалине периода юрисдикции Японии.

Наряду с вопросами, связанными с духовной миссией в Японии, епископ Сергей размышлял и о сугубо мирских делах. Например, радовался хорошо отлаженному морскому сообщению между северной Японией и югом Сахалина или же подробно описывал существующие в то время железнодорожные тарифы на транспорт. В своих путевых

заметках автор в основном приводит японские названия населенных пунктов, в которых приходилось ему бывать для духовного просвещения православных японцев и русских. Это, прежде всего, такие места, как Тоёхара (город Южно-Сахалинск), Отомари (город Корсаков Сахалинской области). При этом в нескольких фрагментах своей работы епископ Сергей подменял японские названия ранее существовавшими топонимами на русском языке: писал о том, что центр губернаторства Карафуто — город Тоёхара располагался на месте русского поселения Владимировка, а город Отомари прежде именовался Корсаковским постом. Не исключено, что неплохое знание «русской» топонимики юга Сахалина было почерпнуто священником из книги А.П. Чехова «Остров Сахалин». В отличие от характера повествования в книге архиепископа Сергея «По Японии», в манере изложения своих представлений о южном Сахалине епископ Сергей, подобно А.П. Чехову, пытался дать более или менее точные исторические, этнографические и социально-экономические сведения о посещаемых им местах.

Именно епископу Сергию в будущем предстояло стать преемником Николая Японского и возглавить духовную миссию в Японии как митрополиту Токийскому и Японскому.

Таким образом, наследие православных миссионеров начала XX века (святителя Николая Японского, архимандрита Сергея и епископа Сергея) давало возможность читателям того времени представить не только внешнюю красоту и богатство природы Сахалина и Курильских островов, но и духовный облик их коренных жителей. При этом единой терминологии в названии этого этноса авторы разных книг не придерживались («мохнатые курильцы», «курильцы», «курилы», «айну», «айно», «айны» и более частные, например, «сикотанцы» и др.) Одновременно с этим утвердилась устойчивая ассоциация южной части Сахалина и всех Курильских островов именно с айнами. Начиная со второй половины XIX века в разной литературе обязательно отмечалась принадлежность жителей Курильских островов к православному вероисповеданию.

В дневниковом повествовании святителя Николая Японского практически отсутствовали описания пейзажей, непременно замечаемых путешественниками (следует отметить, что факт собственной поездки на Курильские острова русским священником в силу неизвестных обстоятельств не описан им вообще или же не сохранился). Однако важным становятся подробные рассказы о том, что, с одной стороны, связано с собственно миссионерской деятельностью (исполнением православных таинств, утверждением православных людей в вере), с другой — с материальным состоянием как самой православной церкви в Японии, так и ее прихожан.

Нередко на страницах произведений русских миссионеров описывались одни и те же люди — реальные исторические персонажи рубежа XIX — XX веков: православные японские священники и прихожане православных церквей в Японии, соотечественники русских миссионеров и многие другие.

1. См.: *Костанов А.И.* Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах. Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1992; *Потанова Н.В.* Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX века (на примере Сахалина): монография. Южно-Сахалинск, 2009 и др.
2. Здесь и далее орфография и пунктуация произведений священников сохраняются в оригинальном виде.
3. *Николай Японский.* И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате // Дневники святого Николая Японского / сост. К. Накамару, Ё. Накамура, Р. Ясуи, М. Наганава. Саппоро, 1994. С. 707.
4. Там же. С. 714.
5. Там же. С. 256.
6. Там же. С. 295.

7. Там же. С. 682.
8. Подробнее о М. Н. Ляпунове см.: *Костанов А. И., Тварковский Л. С.* Здесь не готовились к войне (О Михаиле Николаевиче Ляпунове) // *Губернаторы Сахалина* / гл. ред. А. И. Костанов. Южно-Сахалинск, 2000. С. 43–56.
9. *Николай Японский*. Указ. соч. С. 678.
10. Там же. С. 681.
11. Там же. С. 478–479.
12. Там же. С. 498.
13. Там же. С. 644.
14. Там же. С. 645.
15. Там же. С. 652.
16. Эта работа известна также под названием: «По Японии (письма о миссионерском путешествии)».
17. *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. По Японии (записки миссионера). М., 1998. С. 7.
18. Иннокентий Московский и Коломенский — митрополит, просветитель Сибири и Аляски.
19. *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. Указ. соч. С. 34.
20. Там же. С. 149.
21. *Епископ Сергей (Тихамиров)*. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // *Краеведческий бюллетень*. 1991. № 1. С. 33.
22. Упоминания о знаменитом деде писателя, несколько лет проведенном на Южном Сахалине, обнаруживаются и в книге самого Мисима Юкио «Исповедь маски» (1949).
23. *Епископ Сергей*. Указ. соч. С. 39.
24. Там же. С. 49.
25. Там же. С. 132.
26. *Позднеев Дм.* Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика). СПб., 1912. С. 12.
27. Там же.

Рецензии

Стейнберг Д., О'Хэнлон М.Е. Взаимное стратегическое заверение и решимость. Отношения США и Китая в XXI веке.
Steinberg James, O'Hanlon Michael E. Strategic Reassurance and Resolve: U.S. — China Relations in the Twenty-First Century / James Steinberg, Michael E. O'Hanlon. Princeton: Princeton University Press; Woodstock, Oxfordshire, 2014. 260 p.

В монографии, изданной на английском языке в 2014 г., ее авторы — Джеймс Стейнберг и Майкл Э. О'Хэнлон подчеркивают, что «после 40 лет в целом благоприятного развития отношений КНР и США политики и ученые по обеим сторонам Тихого океана наблюдают «растущую напряженность» в отношениях двух стран. Некоторые эксперты даже предрекают будущий конфликт, обусловленный, по их мнению, неизбежным соперничеством между «сформировавшейся» и «восходящей» сверхдержавами. Другие утверждают, что широкая экономическая взаимозависимость между этими странами и множество сфер общих интересов приведут в ближайшие десятилетия к отношениям, характеризующимся большей степенью сотрудничества. Сами авторы формулируют третий, менее «детерминированный» сценарий возможного дальнейшего развития отношений КНР и США. По их мнению, существует ряд мощных внутренних и внешних факторов, особенно в военной области и в сфере безопасности, которые вполне могут трансформировать двусторонние отношения КНР и США в сторону гонки вооружений и конфронтации, хотя от подобного развития ситуации проиграют обе стороны. Как считают авторы, этот пессимистический сценарий может быть с уверенностью предотвращен только в том случае если Китай и Соединенные Штаты начнут проводить целенаправленную политику по преодолению «дилеммы безопасности», которая во многом предопределяет характер отношений между «восходящей и сформировавшейся» сверхдержавами. Авторы формулируют ряд практических политических инициатив, нацеленных на достижение устойчивых отноше-

ний относительного взаимодействия народов двух стран. Набор этих инициатив основан на концепции обеспечения взаимного стратегического заверения в таких ключевых сферах, как область ядерного оружия и противоракетной обороны, вопросы безопасности в космическом пространстве и в кибернетической сфере, проблемы размещения военных баз и дислокации вооруженных сил. При этом, по убеждению авторов, обеим сторонам необходимо демонстрировать стратегическую решимость защищать свои жизненно важные национальные интересы, включая — применительно к Соединенным Штатам — сохранение своих обязательств перед региональными союзниками» (с. 2).

В главе I авторы подчеркивают, что «несмотря на широкий спектр оценок и в США, и в КНР относительно возможной дальнейшей динамики американо-китайских отношений, мало кто оспаривает заявления лидеров двух крупнейших держав мира по обе стороны Тихого океана о том, что взаимоотношения США и Китая являются в настоящее время самыми значимыми двусторонними отношениями во всей глобальной системе международных связей, особенно с учетом феноменального экономического роста КНР, ее военной модернизации и все более активной роли Китая на региональном и глобальном уровнях геоэкономики и геополитики. Все это обуславливает особую важность оценки перспектив сотрудничества или соперничества между Соединенными Штатами и Китаем в предстоящие десятилетия». Они отмечают, что лидеры КНР должным образом отреагировали на главный, по сути, современный глобальный стратегический вызов, призыв к формированию «отношений нового

типа между великими державами». В этом же ключе, по их мнению, неоднократно высказывались в свое время Б. Обама и Х. Клинтон.

На основе анализа «полярных» и «промежуточных» концепций возможного дальнейшего развития взаимоотношений между США и КНР авторы формулируют возможные варианты совершенно нового, по их мнению, сценария эволюции американо-китайских отношений в духе концепции «взаимного стратегического заверения».

Феномен возможного «взаимного стратегического заверения» (ВСЗ) США и КНР, по оценке самих его инициаторов, нуждается для своей реализации в ряде первоочередных средств в политике сторон: 1) сдержанности; 2) гибком использовании потенциала силы; 3) прозрачности в политике, в т.ч. оборонной; 4) обеспечении «ударной вязкости» оборонного потенциала сторон; 5) решимости (к реализации добрых намерений при обеспечении интересов безопасности друг друга). По мнению авторов, принятие парадигмы взаимного стратегического заверения «побудит политиков и политологов обеих стран стремиться определить и другие дополнительные средства достижения данной цели» (с. 14).

Главу «Источники конфликта» авторы начинают констатацией того, что «логическое обоснование доктрины взаимного стратегического заверения должно начинаться с четкой оценки многих факторов напряженности и источников потенциального конфликта в отношениях США и Китая» (с. 18).

Исследуются различные элементы и направления геополитики сторон, включая, в частности, значение системы военных союзов США (с. 20–21), различия в стратегической культуре США и Китая (с. 22–23), противоположность политических и экономических режимов в США и КНР с точки зрения их «демократичности», соблюдения прав человека и др. (с. 23–24), специфические внутривнутриполитические факторы в обеих странах и невысокий уровень взаимного доверия их населения (с. 24–26).

Весьма примечательны приводимые авторами данные опросов общественного мнения в США и КНР, проводившиеся в 2013 г., согласно которым, только 37% американцев испытывали тогда симпатию в отношении Китая, и лишь 40% китайцев высказывали позитивные чувства в отношении США.

Авторы отмечают, что наряду с определенными положительными, центристскими факторами в отношениях США и КНР действуют мощные силы центробежной направ-

ленности, которые способны препятствовать достижению цели предотвращения конфликта и наращивания сотрудничества двух этих стран. И все это — несмотря на очевидность того, что обе стороны могли бы значительно выиграть от взаимных позитивных связей (с. 26).

По мнению авторов, «существуют, по крайней мере, четыре категории факторов, которые могли бы определить выбор будущих лидеров Соединенных Штатов и Китая: 1) как каждая сторона понимает свои собственные интересы национальной безопасности; 2) какие стратегии рассматриваются политическими лидерами, военными и представителями других государственных органов управления как более адекватные для достижения указанных интересов; 3) как на подобный выбор стратегий влияют внутренние силы в каждой стране; 4) как каждая сторона понимает возможную стратегию другой стороны, а также стратегии других ключевых внешних геоцентров/«акторов» (с. 27).

В главе «Факторы, определяющие китайскую стратегию» авторы предлагают читателю ряд оригинальных интересных размышлений. В том числе оценку фактора конфуцианского наследия во внутренней и внешней политике современного Китая (с. 38–40). Весьма примечательна характеристика ряда закономерностей, обуславливающих возможности сохранения КПК в статусе правящей партии в Китае, в особенности с учетом фактора «значимости связей Председателя КНР Си Цзиньпина с НОАК» (с. 44).

Следующая глава названа «Факторы, определяющие американскую стратегию». В ней авторы делают ряд интересных выводов относительно возможного будущего стратегии США в отношении Китая. По их мнению, «в то время как политика США в отношении КНР в течение последних четырех десятилетий характеризовалась преимущественно последовательностью, нежели изменчивостью, имеются основания полагать, что ныне прежний консенсус находится под вопросом» (с. 72).

Будущее политики и большой стратегии США в отношении КНР будет определяться, прежде всего, сложным сочетанием внутренних и внешних факторов формирования и реализации внешней политики США (с. 72–73). Будущая стратегия США в отношении Китая в значительной мере будет зависеть от характера дальнейшего развития внутривнутриполитической ситуации в КНР и внешней политики КНР, особенно в экономической сфере и в области безопасности (с. 73). И наконец, главный вывод авторов по данной главе звучит

так: «Сложная динамика двусторонних отношений США и КНР подчеркивает то, что идея взаимного стратегического заверения является критически важной для обеспечения управляемости этих отношений в будущем. Направление американо-китайских отношений заранее и исходно не детерминировано, но их возможное позитивное развитие будет зависеть от совместных созидательных усилий Китая и Соединенных Штатов с учетом озабоченности каждой из сторон, что в итоге обеспечит положительную динамику развития связей сторон и будет противодействовать тенденции нарастания их соперничества» (с. 73).

В главе, посвященной военным расходам сторон, авторы делают ряд интересных выводов. В частности отмечается, что разница между объемом военных расходов США и Китая, а также между военным потенциалом этих двух держав в ближайшие годы будет уменьшаться. Данное обстоятельство способно увеличить озабоченность военных плановиков США и их союзников и стимулировать обострение конкуренции между США и Китаем в военной области, причем от этого проиграют обе стороны. Поэтому авторы предлагают ряд скромных мер по сдерживанию возможной неконтролируемой гонки вооружений между США и КНР (с. 117). Особенно это касается важности ограничения «боевых» аспектов стратегии ВМС США (с. 118) и необходимости концентрации КНР на оборонительных аспектах стратегии «формирование системы ограничения/блокирования доступа» (с. 119).

Глава «Непредвиденные ситуации в военной сфере: усиление стабильности в условиях кризиса» начинается с констатации того, что «военные обычно настроены агрессивно» (с. 120). С учетом этого афоризма авторы в своем последующем анализе наряду с исследованием текущих и возможных в будущем вариантов и сценариев рассматриваемой проблематики также стремятся параллельно формулировать важные миротворческие инициативы. Именно под этим углом зрения ими рассматриваются общая динамика и перспективы развития ситуации вокруг Кореи (с. 124–130) и Тайваня (с. 130–139) и различные вопросы, связанные с обстановкой вокруг спорных островов, морских зон, зон морского дна и морских путей в рассматриваемых регионах с точки зрения соответствующих центростремительных и центробежных сил во взаимодействии США и КНР (с. 139–148).

В конце главы авторы делают ряд важных выводов. В частности, указывают на нали-

чие потенциально серьезной угрозы масштабного военного конфликта между США и КНР (с. 148). С учетом этого отмечается, что стороны, прежде всего Соединенные Штаты, должны «открыть для себя новую парадигму» американо-китайских отношений.

Далее в своей монографии авторы подчеркивают, что «в стратегических военных сферах США и Китай конкурируют и будут продолжать конкурировать». Но их конкуренция стала уже своего рода умеренной, на основе чего должно быть обеспечено взаимное заверение для каждой из сторон» (с. 180).

«Взаимное стратегическое заверение является необходимым, но недостаточным условием новой эффективной стратегии США и Китая. Каждая из сторон должна быть готова сделать всё возможное для заверения другой стороны в плане убеждения друг друга в своих намерениях развивать друг с другом взаимовыгодное сотрудничество; но в то же время каждая из сторон должна будет демонстрировать, что она имеет необходимую волю и способность защитить в случае необходимости свои жизненные интересы». Другими словами, *стратегическая решимость* (защищать свои национальные интересы) является необходимым дополнением к концепции *взаимного стратегического заверения* (с. 203).

«Реализация концепции взаимного стратегического заверения может включать в себя несколько ключевых элементов (курсив мой. — М.К.). Во-первых, обе стороны должны стремиться понять образы друг друга и особенности национальных интересов друг друга; многие хозяева политики успешно делали это перед началом американо-китайского сближения в 1970-е годы, но ныне к власти приходит другое поколение хозяев политики и политиков в каждой из сторон, и представителям этого нового поколения необходимо выработать те же чувства, которые были у его предшественников. Во-вторых, каждая из двух стран должна стремиться ограничить взаимную конкуренцию в нормальных условиях мирного времени, даже если одна из сторон нацелена на проектирование стратегической сдержанности и приоритетного отстаивания своих собственных национальных интересов. Вместо сценария развития серьезных противоречий между двумя странами они должны выработать и принять специальную стратегию, благодаря которой можно было бы избежать поведения типа специфического балансирования наподобие известного выражения Шеллинга “угроза, которая оставляет нечто на волю случая”» (с. 204).

Далее авторы указывают на то, что в предыдущих главах своей книги они смоделировали ряд конкретных политических мероприятий, которые США и Китай могли бы осуществить в ближайшие годы для сокращения риска возникновения гонки вооружений и даже конфликта между ними. В совокупности эти рекомендации направлены на достижение трех особенных целей: *во-первых*, обеспечить взаимное заверение сторон, чтобы ни одна из них не стремилась обеспечить свою безопасность за счет другой стороны; *во-вторых*, обеспечить достаточное время для каждой из сторон изменить свою стратегию в случае, если намерения другой стороны окажутся менее позитивными, — без требований преждевременного ограничения отношений, что могло бы повлечь чрезмерно резкие ответы, основанные на презумпции враждебных намерений другой стороны; *в-третьих*, наряду с предотвращением преждевременной эскалации напряженности во взаимоотношениях сторон — обеспечить возможность для каждой из сторон продолжать конструктивное взаимодействие и расширять позитивное сотрудничество по широкому кругу вопросов, представляющих собой общие интересы, что ограничило бы потенциальную вероятность конфликта с учетом демонстрации конкретных выгод от взаимовыгодного сотрудничества сторон.

Как отмечают авторы, ни одна из этих мер не требует ни от одной из сторон полагаться исключительно на доброжелательные презумпции относительно намерений другой стороны, будь то в краткосрочной или в долгосрочной перспективе. Равным образом речь

при этом не идет об уступках одной из сторон в сфере обеспечения ее национальных интересов, включая — в случае США — выполнение обязательств перед своими союзниками.

Диалог США и Китая должен быть и стратегическим, и тактическим. На стратегическом уровне Пекин и Вашингтон должны подчеркивать такое видение будущего, которое учитывает жизненно важные интересы безопасности каждой из сторон, так чтобы это было, по крайней мере, потенциально приемлемо для другого партнера. Но данный диалог должен также предотвращать ситуацию, когда один из партнеров пытается обеспечить собственную безопасность за счет меньшей безопасности другой стороны. С учетом всего этого проект «пределной планки» (либо, как минимум, феномена конструктивного и разумного процесса развития) в американо-китайских отношениях может быть ориентирован на многие десятилетия XXI века, до того, как эти два мировых гиганта сформируют новый баланс сил в мире, основанный на учете фундаментальных интересов друг друга. Важной инфраструктурой подобного диалога авторам представляется механизм Стратегического диалога в сфере безопасности сторон, инициированного в 2011 г. и способного со временем привести к плодотворным дискуссиям и к конкретным результатам (с. 207).

Данная рецензия на книгу видных североамериканских ученых-международников отражает лишь некоторые ее особенности. Сама эта книга, по мнению рецензента, заслуживает полного перевода на русский язык с ее английского оригинала.

© 2018

*К.К. Меркулов, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук (МАН Сан-Марино),
старший научный сотрудник ИДВ РАН*

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. С.Л.Тихвинский. Т.VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю.М.Галенович; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2017. 822 с.

Выход в свет фундаментального труда, отражающего на своих страницах без малого три первых десятилетия существования Китайской Народной Республики, стоит причислить к весьма знаменательным событиям в российском китаеведении. И хотя издание, как следует из обращения главного редактора к читателю, адресовано довольно широкой аудитории, оно прежде всего есть исследование академическое, концептуально и содержательно исполненное в лучших традициях отечественной историографии. Столь же зримо преемственными являются и собственно методологический подход авторов к формированию проблемного поля и его иерархии, приверженность целостности и объективности в толковании событий, уважение к логике аргументированного анализа и доказательных обобщений. Достоинство текста и в его насыщенности, несомненно уместной и оправданной, на известные коррективы, а то и переосмысление на основе новейших источников и современного исторического анализа недостаточно верифицируемых либо избыточно политизированных «напылений», свойственных прошлому опыту. Наконец, разумной, на наш взгляд, предстает устоявшаяся и ничуть не утратившая познавательной ценности периодизация истории ранней КНР, впрочем, как и всего ее последующего пути.

В первой части тома, хронологически сопряженной с начальным периодом существования КНР, развернута проблематика двух кардинально различных моделей преобразований — «новомодектатической» и переходной к социализму, изначально рассчитанных на длительную перспективу, однако волей вождя спрессованных всего лишь в два коротких пятилетия (1949–1960). Центральное место в описании этого, пожалуй, самого сложного и противоречивого периода в истории Народного Китая, занимают аспекты, связанные с провозглашением конституционно-правовых основ государства и легитимации КПК как носителя политической власти; завершением земельной реформы; базисными сдвигами в соотношениях форм собственности; отказом от альтернатив и де-факто пограни-

ем самой идеи демократизации общества; впечатляющими достижениями в хозяйственном и оборонном строительстве; неуклонным нарастанием роли массовых идеологических кампаний как универсального социального регулятора и безотказного инструмента борьбы — прежде с «контрреволюцией», затем с условно «правыми»; авантюрой «большого скачка»; ощутимым укреплением международного авторитета страны. IV глава обращена к внешнеполитической сфере, в частности советско-китайским отношениям и беспрецедентной поддержке китайского народа Советским Союзом.

Споры и противоречия по поводу стратегий и вектора развития в партийных верхах, а в конкретной плоскости — попытки «реалистически мыслящих» руководителей спорить с Мао, отстаивая правомерную расстановку приоритетов в нормализации жизнедеятельности общества и государства, практически подорванные курсом «трех красных знамен», составляют предмет анализа второй части тома. Характерной чертой конфликта интересов, как констатируется в тексте, являлось стремление оппонентов Мао Цзэдуна, наряду с решением хозяйственных задач, «сохранить лицо» правящей партии, из чего простекал «компромиссный и не вполне последовательный» алгоритм их начинаний, призванный смягчить репутационные потери. Эта немаловажная коллизия вместе с сопутствующей и приобретающей все больший размах сугубо политической кампанией «за социалистическое воспитание», собиранием сил и средств в отпора мнимой угрозе «реставрации капитализма», а также «подготовкой к войне», заключают в себе и основное содержание периода «урегулирования» (1960–1965) в истории КНР.

Заключительная, третья часть рецензируемого тома знакомит с событийной тканью «культурной революции» и подводит читающую публику к пониманию природы и глубинных смыслов этого феномена. Спокойно и объективно излагаются авторами ее причины, предпосылки, ступени эскалации, «режиссура» и последствия.

В дополнение к основному корпусу VIII том сопровождается четырьмя тематическими обзорами, посвященными соответственно политике КНР на международной арене, финансовому и материально-техническому содействию Советского Союза социалистическому строительству в стране, обществам китайско-советской и советско-китайской дружбы, развитию физкультуры и спорта.

Издание снабжено информативным справочным аппаратом, включающим персоналии, хронологию важных событий, указатели имен и географических названий, избранную библиографию и список авторов.

Не посчитаем зазорным повторить, что работа выполнена на достойно высоком профессиональном уровне и не может не стать заметной вехой в российской исторической синологии. И тем не менее, подобно всякому солидному исследовательскому проекту, рецензируемый том оказался не свободным от некоторых недостатков и упущений. С нашей точки зрения, их происхождение связано преимущественно с непростыми обстоятельствами, возникшими по ходу подготовки работы к публикации. Отсюда сразу бросающаяся в глаза нехватка в стилистическом единстве частей и глав, рассеянные буквально по всему тексту повторы либо, напротив, воспринимаемые как недомолвки пробелы в повествовательной ткани; лексически несхожие интерпретации текущей политической семанти-

ки; не слишком внятные, подчас и вовсе не дешифрируемые речевые обороты и формулировки. Достаточно хотя бы сказать, что в заголовке вступительная часть именуется «Предисловием», а в колонтитулах — «Введением». Неадекватны содержанию и некоторые заглавия текстовых фрагментов: так, в соответствующем параграфе (часть I, глава IV) идет речь о программе создания ракетно-ядерного оружия, причем с упором на первое, но называется он почему-то «Китайская атомная бомба». И уж коль скоро этой самой «бомбе» выпало быть упомянутой (сюжет, согласимся, не из периферийных), укажем на то, что с датой ее испытания авторы так и не «определились»: в тексте говорится об успешном испытании 16 октября 1964 г. «ядерного устройства» (с. 341), в «Хронологии основных событий» — уже готового к применению боеприпаса (с. 770). В довершение ко всему, работа, на наш взгляд, несколько перегружена детализированными обращениями к документам партийно-государственных инстанций (бумаготворчеством в тогдашнем политбюро КНР занимались много вдохновеннее, чем насущным делом), тогда как конкретика их реализации иногда остается «за кадром».

Как бы то ни было, но книга состоялась и ей наверняка предстоит на долгие времена служить незаменимым источником достоверного знания по истории Китая и китайского народа XX столетия.

© 2018

*И.Е. Пожилов, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН*

Юбилей ученого

Григорию Михайловичу Локшину — 80 лет

1 апреля 2018 г. исполнилось 80 лет видному ученому и общественному деятелю России — Григорию Михайловичу Локшину. Григорий Михайлович известен как эксперт по проблемам политического развития современного Вьетнама и Юго-Восточной Азии. Он получил высокопрофессиональную подготовку специалиста-международника со знанием вьетнамского языка: в 1961 г. окончил МГИМО МИД СССР, а затем очную аспирантуру, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Г.М. Локшин внес большой вклад в дело народной дипломатии, прежде всего в общественное движение солидарности с Вьетнамом в годы американской агрессии в этой стране. В 1964–1973 гг. он занимал пост ответственного секретаря Советского комитета поддержки Вьетнама, в 1973–1993 гг. — секретаря и ответственного секретаря Советского комитета защиты мира. В 1994 г. стал секретарем Исполкома Международной ассоциации фондов мира и Генеральным секретарем Международного института мира в Вене. С 2007 г. он продолжает общественную работу на посту заместителя председателя Общества российско-вьетнамской дружбы.

Заметную часть своей жизни Г.М. Локшин посвятил научной работе: в 1963–1967 гг. в Институте востоковедения АН СССР, в 1968 г. — в ИМЭМО АН СССР. С 2007 г. он трудится в должности ведущего научного сотрудника Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН и вносит большой вклад в проводимые Центром исследования. Григорий Михайлович — автор многочисленных научных и публицистических статей по проблемам национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме, политике США и бывшего СССР в ЮВА. Высокую оценку отечественной и зарубежной научной общественности получило инициированное им коллективное исследование «АСЕАН в начале XXI века: актуальные проблемы и перспективы» (2010) — первый в нашей стране труд, обобщивший практику региональной интеграции в ЮВА. Примечательна его авторская работа «Южно-Китайское море: трудный поиск согласия» (2013). Он также участвовал в написании уникального многотомного издания «Полная академическая история Вьетнама» (2014), академического труда «Современный Вьетнам.

Справочник» (2015). Григорий Михайлович опубликовал большое число научных работ, включая монографии, брошюры, статьи, научные доклады, рецензии и т.п. Свои обширные знания и глубокую эрудицию он постоянно демонстрирует на различных восточноведческих форумах.

За годы плодотворной научной и общественной деятельности Григорий Михайлович воспитал немало учеников и последователей, которые успешно трудятся в различных организациях и учреждениях, передал им свой богатый жизненный опыт и знания.

Подтверждением больших заслуг Григория Михайловича, оценкой его крупного вклада в развитие «народной дипломатии» и научное творчество стали врученные ему высокие государственные награды — ордена Дружбы народов и Знак Почета, два вьетнамских ордена Дружбы, ряд медалей.

Г.М. Локшин — яркий представитель отечественной интеллигенции, редкий образец творческой многогранности, отличающийся прекрасными человеческими качествами — порядочностью, готовностью к бескорыстной помощи, принципиальностью, доброжелательностью. За все это он заслуженно пользуется глубоким уважением коллег.

Желаем Григорию Михайловичу здоровья, многих лет творческой активности, новых вкладов в развитие отечественного востоковедения, благодарных учеников, верных товарищей и коллег!

Дирекция, общественные организации и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»

Евгению Васильевичу Кобелеву — 80 лет

2 мая 2018 г. исполнилось 80 лет Евгению Васильевичу Кобелеву. Он родился в Ульяновске и прошел суровую школу жизни. В годы войны находился с семьей в эвакуации в Киргизии. Затем переехал на Украину, где с золотой медалью окончил среднюю школу, благодаря чему смог поступить в Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова, который окончил также с отличием в 1962 г. Знание вьетнамского языка было упрочено во время практики на историко-филологическом факультете Ханойского университета в 1958–1960 гг. Свои знания Евгений Васильевич с успехом применял на первом месте работы — в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ (1961–1964).

Работа Е.В. Кобелева на журналистском поприще пришлось на ключевой период борьбы вьетнамского народа против агрессии США (1964–1967 гг.). За эту работу в качестве корреспондента ТАСС в ДРВ, а затем заведующего корпунктом газеты «Правда» в странах Индокитая он был удостоен советского ордена Знак Почета.

Как высококвалифицированный эксперт по Вьетнаму в 1968 г. Е.В. Кобелев был направлен на работу в Международный отдел ЦК КПСС. В 1987–1989 гг. он занимал должность заместителя заведующего сектором Вьетнама, Лаоса и Камбоджи Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, а в 1989–1991 гг. — руководителя группы стран Индокитая Международного отдела ЦК КПСС. До 1973 г. Евгений Васильевич являлся также членом Советского комитета поддержки Вьетнама, участвовал в международных конференциях солидарности с вьетнамским народом в Париже, Риме, Стокгольме, Хельсинки, Ханое, Москве.

В те же годы проявился большой научно-публицистический потенциал Е.В. Кобелева. Широко известна его книга «Хо Ши Мин» (1978), изданная в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». Эта книга до сих пор пользуется огромным читательским успехом, о чем свидетельствует ее переиздание в СССР (1983), три выпуска на вьетнамском и два на английском языках, а также издание в Болгарии (1982), Казахстане (1982), Монголии (1984), Лаосе (1989).

Накопленный в ходе практической работы богатый фактический материал побудил Евгения Васильевича активнее заняться научными исследованиями. В 1981 г. он защитил в Институте востоковедения АН СССР кандидатскую диссертацию «Политическая биография Хо Ши Мина». С 1991 г. Е.В. Кобелев — старший научный сотрудник ИВ РАН, где он опубликовал монографическое исследование «Современный Вьетнам: реформы, обновление, модернизация (1986–1997)».

В 2005 г. Е.В. Кобелев стал ведущим научным сотрудником Института Дальнего Востока. Здесь он проявил себя как талантливый исследователь и одновременно умелый организатор научной работы, заботливый воспитатель молодого поколения ученых. При его прямом участии в 2007 г. в ИДВ был образован Центр изучения Вьетнама и АСЕАН — первый в России специализированный «штаб» исследования проблем Юго-Восточной Азии, который он возглавил. Это небольшое по составу научное подразделение добилося серьезных результатов, признания не только в отечественном, но и зарубежном научном мире.

Евгений Васильевич продолжает собственные исследования. Он участвовал в написании уникального многотомного издания «Полная академическая история Вьетнама», которая опубликована в 2014 г. В изданном Центром академическом труде «Современный Вьетнам. Справочник» (2015 г.) он был ответственным редактором и автором предисловия и ряда важных разделов.

Е.В. Кобелев активно сотрудничает с научными изданиями, включая журнал «Проблемы Дальнего Востока». Он регулярно публикует статьи о современном Вьетнаме, истории российско-вьетнамских отношений, положении в Юго-Восточной Азии, в том числе в периодическом издании Центра — «Вьетнамские исследования», членом редколлегии которого является. Участвует в международных научных конференциях по актуальным проблемам вьетнамоведения.

Блестящее знание вьетнамского языка позволяет ему выполнять разнообразные переводы, а раньше — успешно выступать синхронистом.

Плодотворную научную работу Е.В. Кобелев сочетает с активной общественной деятельностью, с 2007 г. являясь первым заместителем председателя Общества российско-вьетнамской дружбы. В 2008 г. Указом Президента СРВ он был награжден Орденом Дружбы «За активный вклад в дело укрепления и развития отношений дружбы и сотрудничества между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией».

Евгения Васильевича отличают редкие человеческие качества: простота в общении с людьми, искренность и умение завоевать их доверие, внимание и тактичность в отношении подчиненных, личная скромность, заботливое отношение к родным и близким. Все эти достоинства снискали юбиляру любовь и уважение его коллег.

Результаты научной деятельности Е.В. Кобелева неоднократно отмечались руководством Института.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Евгения Васильевича Кобелева со знаменательной датой в его жизни, желают крепкого здоровья, счастья и новых успехов в творческой деятельности.

Наш юбиляр

Андрею Сергеевичу Крушинскому — 85 лет

9 апреля 2018 г. исполнилось 85 лет ветерану отечественной журналистики, заведующему отделом экономики журнала «Проблемы Дальнего Востока» Андрею Сергеевичу Крушинскому.

А.С. Крушинский родился в Москве, в семье известного журналиста С.К. Крушинского, чьи репортажи, в том числе о ходе Нюрнбергского процесса, стали образцом газетной журналистики и были отмечены высокими правительственными наградами. Неудивительно, что Андрей Сергеевич также связал свою жизнь с непростой работой корреспондента.

Окончив в 1957 г. Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова, куда он перешел в связи с закрытием Московского института востоковедения, А.С. Крушинский был направлен в Китай, где вплоть до сентября 1959 г. работал в Бюро переводов Управления по делам иностранных специалистов при Госсовете КНР. По окончании командировки был награжден Медалью китайско-советской дружбы; в благодарственном письме китайского Управления по делам иностранных специалистов были отмечены его вклад в области перевода, чтение лекций, организуемых Управлением, и помощь в повышении квалификации китайских переводчиков.

После возвращения в Москву в сентябре 1959 г. А.С. Крушинский поступил в аспирантуру Института восточных языков при МГУ, однако был вынужден приостановить работу над диссертацией из-за резкого ухудшения советско-китайских отношений: поскольку тема диссертации была связана с переселением части киданей на территорию Тувы, ее защита в тот момент могла косвенно способствовать «обоснованию» маоистских территориальных притязаний к СССР.

В 1962 г. А.С. Крушинский начал работу в газете «Комсомольская правда», откуда в феврале 1966 г. был направлен в Пекин в качестве регионального корреспондента по Китаю, Вьетнаму, Монголии и КНДР. За время командировки несколько раз выезжал во Вьетнам. Впоследствии серия вьетнамских репортажей А.С. Крушинского была удостоена премии Международного союза журналистов и софийского Международного фестиваля молодежи и студентов. Командировка Андрея Сергеевича совпала с начальным этапом «культурной революции» в Китае. В связи с требованием китайских властей он оказался в составе первой группы советских журналистов, высланных из КНР в декабре 1966 г. По решению Президиума Верховного Совета СССР его корреспондентская работа была отмечена в 1967 г. медалью «За трудовую доблесть».

В 1962 г. А.С. Крушинский начал работу в газете «Комсомольская правда», откуда в феврале 1966 г. был направлен в Пекин в качестве регионального корреспондента по Китаю, Вьетнаму, Монголии и КНДР. За время командировки несколько раз выезжал во Вьетнам. Впоследствии серия вьетнамских репортажей А.С. Крушинского была удостоена премии Международного союза журналистов и софийского Международного фестиваля молодежи и студентов. Командировка Андрея Сергеевича совпала с начальным этапом «культурной революции» в Китае. В связи с требованием китайских властей он оказался в составе первой группы советских журналистов, высланных из КНР в декабре 1966 г. По решению Президиума Верховного Совета СССР его корреспондентская работа была отмечена в 1967 г. медалью «За трудовую доблесть».

В 1967 г. А.С. Крушинский был командирован в качестве корреспондента «Комсомольской правды» в Чехословакию, которая в 1968 г. стала очередной «горячей точкой». Пятилетняя корреспондентская работа А.С. Крушинского в Праге была отмечена новой правительственной наградой — орденом «Трудового Красного Знамени».

В 1972 г. А.С. Крушинский был приглашен в отдел социалистических стран «Правды», главной газеты СССР. На ее страницах в 1970-е годы регулярно печатались его корреспонденции из КНДР, Вьетнама, Польши, Чехословакии. В 1978–1985 гг. он работал корреспондентом «Правды» в Болгарии, где был удостоен, в частности, премии Союза болгарских журналистов.

По возвращении в Москву А.С. Крушинский занял пост обозревателя «Правды» по международным вопросам. Читатели тех лет хорошо помнят его статьи, всегда содержательные и аргументированные, всегда актуальные и интересные. В 1987 г., сразу после снятия Пекином запрета на въезд в КНР корреспондентов «Правды», Андрей Сергеевич после многолетнего перерыва вновь побывал в Пекине, освещая работу XIII съезда КПК.

В 1991–1992 гг. А.С. Крушинский работал корреспондентом «Правды» в Чехословакии. Однако в 1993 г. по решению редакции газеты ему пришлось закрыть ее пражский корпункт, который (совпадение!) был открыт в 1947 г. его отцом, также «правдистом» С.К. Крушинским.

В феврале 1993 г. А.С. Крушинский отбыл в Пекин в качестве корреспондента «Правды», однако в конце того же года ввиду финансовых трудностей газеты ее пекинский корпункт перестал функционировать. В этой ситуации А. Крушинский принял приглашение Международного радио Китая, где проработал четыре года в качестве русскоязычного специалиста. В тот период он был награжден китайской медалью «Дружба», имя его было внесено в почетную книгу «Друзья Китая». В начале 1997 г. Андрей Сергеевич перешел на работу в Бюро переводов при ЦК КПК, где трудился на протяжении еще 8 лет. Все это время он продолжал писать корреспонденции в «Правду», «Парламентскую газету», «Слово», «Новое время», «Труд», в болгарские и чешские СМИ. Статьи и комментарии А.С. Крушинского, опубликованные в советской, российской и зарубежной печати, всегда отличали аналитическая глубина, четкость формы и актуальность содержания.

Перу А.С. Крушинского принадлежат книги: «Кричащие батальоны» (о «культурной революции» в КНР), «Люди и бомбы» (о Вьетнаме), «Балканские зори» и «Пять братьев земледельца» (о Болгарии). Он — член авторского коллектива «Нового китайско-русского политико-экономического словаря», изданного в 2004 г. в Пекине.

За заслуги в деле укрепления российско-китайской дружбы и в связи с 75-летием А.С. Крушинский был награжден Почетным знаком Общества российско-китайской дружбы. В 2012 г. он был избран членом Центрального правления Общества.

С февраля 2007 г. А.С. Крушинский работает в журнале «Проблемы Дальнего Востока», где отдают должное его богатому опыту, глубоким знаниям китаиста и востоковеда, отличным редакторским навыкам. Коллеги также высоко ценят его порядочность и чувство ответственности, принципиальность и благородство, доброту и готовность помочь в любой ситуации. Андрей Сергеевич — профессионал самого высокого уровня, он пользуется заслуженным уважением и любовью не только членов редакции, но и авторов журнала, и сотрудников Института Дальнего Востока.

Дирекция ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Андрея Сергеевича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых больших успехов в жизни и творчестве.

Contents

POLITICS

- G. Lokshin.* Trump's Doctrine as a Course to Create a New Bloc in Asia
A. Vinogradov, D. Degterev, D. Spirina, A. Trusova. "Beijing Consensus" in International and Chinese Political Discourse
Yu. Morozov. Russia, China and the North Korean Nuclear Issue

ECONOMY

- M. Zharikov.* The Potential Transition of the BRICS to a Coherent Economic Policy
M. Alexandrova. Features of Siberian Exports to China: Current State and "Bottlenecks"
Dou Peng. Chinese Securities Market: Ways of Internationalization
S. Sazonov, Chen Xiao. China: the Priority of "Green" and "Smart" Cars

THEORY AND METHODOLOGY

- E. Pivovarova.* What New Made the XIX Congress of CPC in the Strategy of Socio-Economic Development of China
Zhang Shuhua. Changes in World Politics and the New Era of China

STATE AND SOCIETY

- R. Ulmasov, N. Kurbanov.* "Migration Brings the World Together"
V. Voloschak. The Problems of National Cyber Security System Development in Republic of Korea

VIEW POINT

- V. Balakin.* Dialectics of East Asian Integration

RUSSIAN SINOLOGY

- V. Myasnikov.* Russia's First Research Institute on China

HISTORY

- N. Potapova.* Anti-Chinese Action of the Soviet NKVD during the Period of Great Terror in the Far East: Mechanisms and Scale of Repression

CULTURE

- E. Ikonnikova.* Sakhalin and the Kuril Islands in the Literary Heritage of Russian Priests of the Late XIX – Early XX Century

BOOK REVIEW

K. Merkulov. Steinberg James, O'Hanlon Michael E. Strategic Reassurance and Resolve: U.S. — China Relations in the Twenty-First Century

I. Pozhilov. The History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century. Vol. VIII: People's Republic of China (1949–1976)

SCHOLAR JUBILEE

Grigory Mikhailovich Lokshin — 80 years

Evgeny Vasilievich Kobelev — 80 years

HERO OF THE DAY

Andrey Sergeevich Krushinsky — 85 years

Contents

Summary

Summary

G. Lokshin. Trump's Doctrine as a Course to Create a New Bloc in Asia

The author's goal is to disclose the content of the new doctrine of the President D. Trump in Asia and the plans for the formation of the Quad as a first step towards creating a new military bloc in Asia in order to contain China. The topic is relevant in connection with the changing situation in the vast region, where Russia has its own economic and geostrategic interests. US plans for the formation of the Quad are the direct threat to marginalize ASEAN and eliminate the main role of the Association in the solution of regional problems.

Key words: Indo-Pacific region, four-party dialogue on security, Quartet 2.0, US strategy in Asia, "China dream", "One belt, one road" project, ASEAN.

A. Vinogradov, D. Degterev, D. Spirina, A. Trusova. "Beijing Consensus" in International and Chinese Political Discourse

This article is about the attitude of the international scientific community, as well as representatives of the Chinese intellectuals (including representatives of the Communist Party of China, liberals and the "new left") towards Joshua Ramo model of the "Beijing Consensus" formulated in 2004, the principles of which correspond to China's idea of how the world should be developed.

It is analyzed whether China, while promoting the ideas of globalization, is ready to make its own adjustments to the dominant model of the "Washington Consensus" and whether it can reproduce the successful experience of its own development in other developing countries. The "Beijing Consensus" model is considered in the context of global leadership rotation.

Key words: "Beijing Consensus", Chinese development model, "Washington Consensus", global leadership, China, USA, rivalry.

Yu. Morozov. Russia, China and the North Korean Nuclear Issue

The article showed the prospects of development of the DPRK's nuclear missile program and confrontation between the US and the DPRK on the Korean Peninsula, revealed its impact on the national interests of Russia and China and the situation in the region. It was stressed that the elimination of threats emanating from the nuclear missile program and North Korea's strategy in the region can be implemented by joint efforts of Russia and China with the support of the UN and the world community.

Key words: The Korean Peninsula, North Korea, Russia, China, USA, South Korea, nuclear missile program.

M. Zharikov. The Potential Transition of the BRICS to a Coherent Economic Policy

The author considers two options of BRICS countries' integration: through the "shock therapy" or gradualism. On the basis of the analysis the article suggests the program of harmonization of currency systems of the BRICS countries by 2030 in basic macro indicators in compliance with the agreed monetary policy, the establishment of a single refinancing rate and the approval of the common settlement currency.

Key words: BRICS, coordinated economic policy, basic macro indicators, harmonization of economy, "shock therapy", gradualism.

M. Alexandrova. Features of Siberian Exports to China: Current State and "Bottlenecks"

The article analyzes the structure and dynamics of exports to China of raw materials and products by the Siberian Federal district subjects. Sectoral and geographical characteristics of foreign trade activities of some Siberian regions are pointed out. The author paid special attention to China's foreign trade policy in the sphere of import, in particular from Russian regions.

Key words: Siberian Federal district (SFD), illegal logging, pulp, crude oil, coal, food products, vegetable oil, grain, flour, phytosanitary control, Irkutsk district, Baikal region, Russian export centre (REC).

Dou Peng. Chinese Securities Market: Ways of Internationalization

Along with coverage of developments in the securities market occurred during the years of reform and opening up, the article examines a number of issues, including the lack of institutionality in the regulatory system, shortcomings in the legal system in the area of national securities, their weak competitiveness in the world. The author suggests a number of measures to overcome difficulties in the process of internationalization of the Chinese stock market, including the improvement of the legal system and the formation of an environment conducive to progress in this area.

Key words: stock market, internationalization of the securities market, financial institutions, the conversion of the yuan, financial innovations.

S. Sazonov, Chen Xiao. China: the Priority of "Green" and "Smart" Cars

The rapid economic development of China over the past three decades has repeatedly multiplied power consumption, and population income growth has stimulated sharp increase in the production and sales of cars. These factors have exacerbated the country's dependence on imports of petroleum products and influenced the environmental situation in PRC. Realizing the global challenges, the government has developed a program for the automotive industry on the basis of new energy, aimed at creating an innovative transport park and the corresponding infrastructure of the new generation.

Key words: China, energy security, environmental pollution, electric cars, unmanned vehicles, energy saving, innovations.

E. Pivovarova. What New Made the XIX Congress of CPC in the Strategy of Socio-Economic Development of China

The Resolution of the CPC Central Committee "On some important issues of comprehensive deepening of reforms" aimed the country at decisive practical steps to address the long-standing, but still poorly solved problems of the transition from extensive to intensive development with the expectation to achieve throughout the country the level of average prosperity by 2020, and to build a rich, powerful and civilized socialist State by 2050. In solving these problems the Chinese leadership intends to use the positive developments in economic policy, tested by the practice of previous years of reform, which allowed China to be the second in the world in terms of quantitative indicators of the economy.

Key words: China, Xi Jinping, combination of plan and market, macro-regulation and macro-control, enterprises of mixed forms of ownership, poverty eradication, stimulation of consumption, formation of "learning society", quality of personnel.

Zhang Shuhua. Changes in World Politics and the New Era of China

In ten years the world economy, politics, ideology, culture, and even the media have undergone tremendous changes. The scales of world politics began to lean towards China, Russia and other representatives of the non-Western world. The widely publicized Western democratic "monism" has entered a period of erosion in the last two decades. Typical phenomena were the split of the Western political camp, doubts about basic values, polarization of political thought and political forces.

China did not stop at the level of the simplified scheme proposed by the West: west-ernization — democratization — privatization — liberalization. The West democracy vs. non-West autocracy dichotomy is not applicable to the analysis of China's development. The political development of China is characterized by comprehensiveness, stability and efficiency, and demonstrates high competitiveness and potential.

Key words: world politics, democratization, political development, Chinese way.

R. Ulmasov, N. Kurbanov. "Migration Brings the World Together"

The article is devoted to the problems of modern migration. The main attention is paid to the improvement of the "model" of migration from Tajikistan to Russia. The authors formulate a number of proposals to improve the Tajik labor market.

Key words: migration, Tajikistan, Russia, improvement problems.

V. Voloschak. The Problems of National Cyber Security System Development in Republic of Korea

The article briefly examines the history of the establishment of National Cyber Security System in Republic of Korea and analyzes chronology of hacking attacks on South Korean companies and public authorities. The author stresses that the absence of national cyber security strategy, poor legislation and inter-Korean political and military confrontation are the major problems affecting the development of national policy in the field of information security.

Key words: cyber security, strategy, Republic of Korea, cyber attack, information security.

B. Balakin. Dialectics of East Asian Integration

The East Asian model of statehood is determined by the existing traditions in the field of legal construction. They have been formed for several millennia, mainly in China. The latter factor plays a crucial role, since the essence of the Chinese paradigm of regional integration is now on the agenda in the context of the steadily growing civilizational clash between East and West. The existing statehood of the East Asian countries is the result of the long-time development of various integration processes. But there is no primitive Western rationality in this integration. The deep tradition acts as an irrevocable counter-balance to the specially implemented elements, presented in the Anglo-Saxon doctrine of global domination.

Key words: East Asia, integration, statehood, China, traditions.

V. Myasnikov. Russia's First Research Institute on China

The article discusses the history of the creation and activities of the first Russian Research Institute on China (1928–1937). The author introduced the documents related to the Soviet-Chinese relations in 1920–1930 and the position of country's leadership on the domestic Chinese studies.

Key words: China, politics, revolution, research institute, Chinese studies.

N. Potapova. Anti-Chinese Action of the Soviet NKVD during the Period of Great Terror in the Far East: Mechanisms and Scale of Repression

The author considers the so-called Chinese operations in the context of the "national" operations of "the great terror", namely the "Harbinian". This repression was started on September 20, 1937, when the People's Commissar of the Internal Affairs N. Yezhov signed Order No. 00593, aimed at countering "Japanese espionage" in the USSR. On the basis of protocol decisions and summary reports of the NKVD it is concluded that almost one-third of all convicts in the Harbin case belonged to the so-called Far Eastern Chinese. It is proved that the consequence of a large-scale repressive action was a significant reduction of Chinese diaspora in the country.

Key words: "the great terror", "national" operation, "Harbin" case, the Chinese, Far East.

E. Ikonnikova. Sakhalin and the Kuril Islands in the Literary Heritage of Russian Priests of the Late XIX — Early XX Century

The article describes the image of Sakhalin and the Kuril Islands in the legacy of Russian Orthodox priests — St. Nicholas of Japan (Ivan Kasatkin), Archimandrite Sergius (Ivan Stragorodsky) and Bishop Sergius (George Tikhomirov). In letters, diaries and other literary genres priests of the late XIX — early XX Century talked about the Far Eastern borders of the Russian Empire, about the ethnography of the indigenous peoples in the region, the successes and failures of the Orthodox mission on the Islands, etc. The literary heritage of Orthodox priests is a part of historical, ethnographic, philological and cultural knowledge about the Asia-Pacific region.

Key words: Sakhalin, the Kuril Islands, Japan, Orthodox mission, literary heritage, diary, letter.

Светлана Алексеевна Горбунова
02.04.1949 – 02.04.2018

2 апреля ушла из жизни Светлана Алексеевна Горбунова, видный российский китаевед, религиовед, буддолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН. Светлану Алексеевну по праву можно назвать ветераном Института — в 2019 г. должно было исполниться полвека ее трудовой деятельности в ИДВ. У нее было много творческих планов и замыслов, однако тяжелая болезнь помешала их осуществлению.

С.А. Горбунова родилась в Москве. В 1972 г. она окончила Исторический факультет МГУ, специализировалась по кафедре истории Древнего мира, изучала оригинальный индийский буддизм, санскрит. Придя в 1969 г. в ИДВ АН СССР, она прошла путь от научно-технического до главного научного сотрудника, защитила кандидатскую (1980) и докторскую (2000) диссертации. Первый этап своего научного пути Светлана Алексеевна посвятила изучению истории рабочего движения и политики КПК в 1920-е годы. Одновременно с научными изысканиями она целенаправленно изучала китайский язык. В 1988–1989 гг. стажировалась в Шанхае в Фуданьском университете КНР. В 1990-е годы С.А. Горбунова — одной из первых в отечественном китаеведении — приступила к исследованию истории китайского буддизма в XX веке и государственной политики КНР в области религий. На протяжении пяти лет (2011–2015) Светлана Алексеевна возглавляла Центр научной информации и документации ИДВ РАН. Ее высокие профессиональные и человеческие качества, талант организатора снискали ей уважение и любовь сотрудников. Последние несколько лет С.А. Горбунова работала в Центре политических исследований и прогнозов ИДВ, сосредоточившись на изучении новых аспектов партийно-государственного регулирования религиозной сферы и актуальных проблем религиозной жизни китайского общества.

Имя С.А. Горбуновой хорошо известно в академических кругах России и за рубежом. Она регулярно принимала участие в российских и международных конференциях по китаеведению и религиоведению, неоднократно выступала на международных конгрессах Европейской ассоциации китаеведения, избиралась в Правление ЕАК (2006–2012). За почти полувековую научную деятельность ею были написаны и опубликованы более 150 научных трудов, многие из которых носили новаторский характер. Перу Светланы Алексеевны принадлежат монографии «Политика КПК в рабочем движении в условиях единого национального фронта» (1982), «Коммунистический Интернационал и тактика КПК в национально-освободительном движении» (1989), «Буддийские объединения в истории Китая XX века (10–90-е годы)» (1998), «Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства» (2008). Она внесла большой вклад в такие фундаментальные издания, как «Новейшая история Китая» (1983), сборник документов «Коммунистический Интернационал и китайская революция» (1986), «Энциклопедия духовной культуры Китая» (том «Религия», 2007), «Философия буддизма: энциклопедия» (2011), «История Китая с древнейших времен до начала XXI века»

(том VII, 2013; том IX, 2016). Большой научный интерес представляют публикации, посвященные анализу российской, западной и китайской историографии о религиозных проблемах в современном Китае. Многие из ее статей увидели свет на страницах одного из ведущих востоковедческих журналов «Проблемы Дальнего Востока», где она была не только постоянным автором, но и членом редколлегии.

Будучи признанным специалистом в области истории и религий Китая, С.А. Горбунова осуществляла рецензирование и оппонирование кандидатских и докторских диссертаций, передавала свои знания и опыт новому поколению китаеведов, обучающихся в аспирантуре ИДВ.

В Институте знали и ценили компетентность, трудолюбие, скромность и интеллигентность Светланы Алексеевны. Многие годы она являлась членом Ученого и Диссертационного советов, ученым секретарем Научного совета РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, входила в Оргкомитет международных научных конференций «Китай, китайская цивилизация и мир». Она была бессменным членом Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, профессиональные контакты и многолетняя дружба с китайскими коллегами стали ее «личным вкладом» в деятельность ОРКД.

Серьезный ученый, эталон «научной совести», женщина поразительной красоты, ума и благородства — такой навсегда останется Светлана Алексеевна в памяти всех, кто ее знал.

Коллеги и друзья скорбят о кончине Светланы Алексеевны Горбуновой и выражают глубокие соболезнования ее родным и близким.

*Дирекция, общественные организации и сотрудники ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Гринюк Владимир Александрович
18.04.1944–19.04.2018

19 апреля 2018 г. после тяжелой болезни скончался ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, кандидат исторических наук Владимир Александрович Гринюк.

В.А. Гринюк родился 18 апреля 1944 г. во Владивостоке в семье рабочего-сварщика. В 1968 г. окончил Дальневосточный государственный университет, а в 1972 г. — аспирантуру Института востоковедения АН СССР, где в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию. Владимир Александрович прошел долгий трудовой и творческий путь: в 1973–1979 гг. работал переводчиком в Исполкоме Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, в 1980–1984 гг. — заместителем заведующего бюро Агентства печати «Новости» в Японии. В 1984–1989 гг. трудился инструктором Отдела международной информации и Отдела пропаганды ЦК КПСС, в 1989–1991 гг. — редактором-консультантом Агентства печати «Новости», в 1992–2003 гг. — сотрудником московского бюро двух японских газет в Москве. Он был членом Союза журналистов Москвы и членом Ассоциации японоведов России.

С 2003 г. В.А. Гринюк работал в Центре японских исследований ИДВ РАН, где занимался изучением отношений Японии со странами Корейского полуострова и с Китаем, а также рядом других проблем Японии. Его перу принадлежат индивидуальная монография, главы в различных коллективных монографиях, множество научных статей, а также выступлений в СМИ. Еще одна монография осталась незавершенной. Труды Владимира Александровича всегда отличались глубиной анализа, новизной и широтой подходов. Они внесли большой вклад в изучение Японии в нашей стране, в зарубежное японоведение и останутся важной частью научного наследия ИДВ РАН.

В.А. Гринюк был трудолюбивым, отзывчивым и искренним человеком. Он заслуженно пользовался огромным уважением среди сотрудников Института.

Память о нем навсегда сохранится в сердцах его товарищей и коллег по работе.

Дирекция, профком, коллектив сотрудников ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» выражают искренние соболезнования родным и близким Владимира Александровича.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Журнал выпускается ФГУП «Издательство «Наука» (<http://www.naukaran.com>).

В соответствии с издательскими требованиями авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный «Лицензионный договор о предоставлении права использования статьи в научном журнале на русском языке, учредителем (соучредителем) которого является Российская академия наук» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно скачать на сайте ФГУП «Издательство «Наука» в разделе «Типовые авторские договоры».

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки
Елене Александровне

2018 2018 г. №3

редакцией журнала
2-15).

На электронную почту
можно подписаться в компании «Рунет»
или на сайте Научной

№3 Проблемы
Дальнего
Востока

«Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться
в компании «Рунет» или на сайте Научной
академии наук. Подписки можно ознако-

Перепечатка:
При использовании
ссылка и
Мнение автора

—

материал
называется.
СМИ,
публикация.
редакции.

А

2018
№3
2018 г. №3

Подписано к печати
Цифровая печать

мат 70 × 100 1/16
14.6 Бум. л. 6.0

Учредитель

РАН

16+